ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Ананьев Борис Игоревич

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ САНКЦИОННОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Алексеева Татьяна Александровна

Москва – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава 1. Санкционные исследования в структуре политической науки: становление, эволюция, современное состояние, перспективы 34

1.1 Санкционные исследования как самостоятельная область научного поиска: разбор доводов «за» и «против» 34

1.2. Санкционные исследования первой трети XX в.: политико-экономический контекст, категориально-понятийный аппарат, теоретико-методологические тренды 50

1.3. Санкционные исследования середины XX в.: становление системы ООН, эволюция дисциплины, теоретико-методологические тренды 72

1.4. Санкционные исследования второй половины – конца XX в.: на пути к «умным» санкциям, «золотой век» дисциплины 91

1.5. Современные санкционные исследования: дисциплина в условиях внешних шоков 111

Выводы по главе 1 128

Глава 2. Санкционная проблематика в теории международных отношений: сравнительный анализ 136

2.1. Экономические санкции в парадигме реализма: эвристический потенциал, теоретико-методологические возможности, объяснительные пробелы 136

2.2. Экономические санкции в парадигме либерализма: эвристический потенциал, теоретико-методологические возможности, объяснительные пробелы 156

2.3. Экономические санкции в парадигме конструктивизма: эвристический потенциал, теоретико-методологические возможности, объяснительные пробелы 173

2.4. Программа теоретико-ориентированного исследования в области санкционной проблематики 195

Выводы по главе 2 213

Заключение 220

Список источников и литературы 223

Приложения 241

Введение

Актуальность диссертационного исследования

Экономические санкции представляют собой исторически укорененное средство реализации интересов государств или иных альтернативных политических общностей (например, полисов) в условиях конкурентной внешней среды. Специалисты фиксируют случаи применения данного инструмента в конфликтах различного типа, начиная с Античности. Так, выпущенная накануне Пелопоннесской войны мегарская псефизма (вид нормативного акта, выпускаемого ad hoc) запрещала местным купцам торговать с представителями афинского союза, а также использовать порты соответствующего политического альянса. В Средневековье эмбарго в отношении Сирии и Египта стало важной частью противостояния Византии с арабской цивилизацией в VII-VIII вв. Не менее показательной является деятельность Ганзейского союза, активно прибегавшего к формированию санкционных коалиций с целью изменения баланса сил в регионах Северного и Балтийского морей в собственную пользу. В Новое время одним из наиболее ярких эпизодов политической истории, напрямую связанных с мерами несилового принуждения, можно считать грандиозный проект Континентальной блокады, призванный обеспечить гегемонию наполеоновской Франции в мирополитической системе XIX в. В свою очередь, современная архитектура экономического сдерживания, в отличие от представленных ранних образцов, сформировалась, скорее, искусственно в результате внедрения в международное общение элементов глобального управления – больших организаций, таких как Лига Наций и, позже, ООН. Однако, несмотря на востребованность и институциональные предпосылки, начиная со второй половины XX в., санкции не стали единообразной консолидированной практикой с четко обозначенными правилами и принципами использования. Это, в частности, проявляется в базовом вопросе легитимности: фактически, единственной структурой, наделенной полномочиями по введению ограничений, остается СБ ООН, в то время как их подавляющее большинство реализуется в обход этой процедуры. Таким образом,

можно констатировать наличие выраженной исследовательской проблемы, которая предопределяет актуальность работы в силу нижеследующих причин.

Во-первых, рефлексия истории международных отношений второй половины XX – начала XXI в. показывает, что роль санкций в наборе опций государства по обеспечению собственных интересов только возрастает. В частности, в период максимального разрастания санкционная экосистема ООН включала в себя 14 режимов, действующих в области ядерного нераспространения, борьбы с терроризмом и политического урегулирования внутренних и международных конфликтов[1]. Однако даже если не ориентироваться на показатели, связанные с дискуссионным положением организации в реальных вопросах санкционной повестки, можно воспользоваться альтернативными данными, связанными с эпизодами применения односторонних санкций, которые представлены в классической работе исследовательского коллектива Г. Хуфбауэра «Переосмысление экономических санкций»[2]. Согласно последним, в рассматриваемый период государства инициировали санкции 174 раза, что, безусловно, говорит о распространенности данного инструмента[3]. Важно отметить, что фундаментальные источники по теме, фиксирующие частотность соответствующих кейсов, хронологически не затрагивают период после 2014 г., связанный с первым всплеском санкционной эскалации в отношении России и последующим вторым «санкционным цунами», вызванным началом специальной военной операции (СВО) на Украине. Таким образом, даже оперируя количественными значениями, полученными без учета самых актуальных трендов, справедливым было бы утверждать, что речь идет о фактически рутинной практике

---

[1] Для обеспечения функционирования режимов создается профильный комитет под руководством одного из непостоянных членов СБ. Кроме того, вспомогательные (прежде всего, мониторинговые) задачи для 10 из 14 групп выполняют 9 групп по наблюдению. См.: Санкции Совета Безопасности. Совет Безопасности. [Электронный ресурс]. URL: https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information (дата обращения: 07.06.2026).

[2] Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. Third Edition. – Peterson Institute for International Economics, 2009.

[3] В данном случае имеется в виду издание 2009 г. Для сравнения, предыдущая редакция «Переосмысления экономических санкций» включала в себя 116 кейсов.

во взаимодействии государств, а не наборе исключений. Кроме того, параллельно с увеличением непосредственно числа наблюдаемых случаев использования мер экономического давления, расширяется круг субъектов-инициаторов. Например, в 2014 г. состав стран, применяющих санкции в качестве инструмента внешней политики, пополнили такие «экзотические» для данного направления страны, как Япония и Австралия. В свою очередь, адаптация государств-мишеней (прежде всего, России и Китая) порождает феномен контрсанкций или специальных ответных экономических мер, которые, будучи более сложным и современным вариантом протекционизма, представляют собой заслуживающий внимания механизм суверенизации и, следовательно, также требуют осмысления в категориях политической науки. Наконец, начиная с нобелевской речи Дж. Картера 2002 г.[4], поднявшего вопрос неизбирательного эффекта экономического оружия, тема санкций закрепилась в публичной повестке, заняв свою нишу в соответствующем сегменте общественно-политического дискурса. Безусловно, сам по себе факт ее присутствия в публичном пространстве не составляет прямую корреляцию с академической актуальностью; тем не менее, в совокупности с первой частью данного аргумента (высокой частотностью применения санкций в мировой политике) он приобретает важное значение для специалиста-общественника.

Во-вторых, практика работы с санкционной проблематикой позволяет выявить заметную диспропорцию: как правило, основные усилия и – следовательно – результаты на этом направлении (будь то отечественный подход или, например, американская школа санкционных исследований) демонстрируют представители юриспруденции и экономики, что, с одной стороны, вполне объяснимо, с другой – создает в научной среде параллельные системы координат, в рамках которых эксперты из разных областей знаний буквально говорят на разных языках, находя минимум точек соприкосновения. Как итог, политическая наука находится, скорее,

[4] Подробнее об этом см. пункт 1.4. Jimmy Carter Nobel lecture. [Электронный ресурс]. The Nobel Prize. December 12, 2002. URL: https://www.nobelprize.org/prizes/peace/2002/carter/lecture/ (дата обращения: 07.06.2026).

в отстающем положении, действуя на стыке обозначенных дисциплин и при этом испытывая сложности с выработкой собственного методологического и понятийно-категориального аппарата. Это прослеживается в том числе при анализе корпуса профильных источников: если обратиться к академической литературе, связанной с темой экономических ограничительных мер, можно обнаружить, что концептуально подавляющее большинство материалов в строгом смысле не относится к объяснительному пространству политической науки. Вместе с тем, взгляд на санкции через призму властных отношений и баланса сил/интересов представляет собой восходящий тренд. Можно констатировать, что даже представители традиционно экономикоцентричных подходов все больше склонны связывать практику введения ограничительных мер с факторами, находящимися вне плоскости исключительно хозяйственных отношений. Так, если в еще 1985 г. классик теории международных отношений Д. Болдуин призывал не недооценивать санкции как инструмент исключительно экономической политики (без привязки к проблемам национальной безопасности)[5], то уже в начале XXI в., после событий 2014 г., все чаще высказывается мнение о том, что «применение масштабных экономических санкций со стороны либерального Левиафана используется в том числе для размежевания пространства»[6] по принципу «разделяй и властвуй». Следовательно, диссертационное исследование, посвященное теоретико-методологическим основаниям изучения проблематики экономических ограничений в политической науке, обладает актуальностью в силу фокуса на набирающих популярность и одновременно дискуссионных аспектах санкционной повестки.

В-третьих, несмотря на длительную (как будет показано дальше, фактически, столетнюю) историю рефлексии экономического сдерживания как в рамках

---

[5] Baldwin D., Pape R. Evaluating Economic Sanctions // International Security. – 1998. – Vol.23(2). pp. 189-198.

[6] Иванов А., Молодыко К. Санкции и мироустройство. Односторонние ограничительные меры как новый регулятор мировой экономики. Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс] / А. Иванов, К. Молодыко. 13.10.2015. URL: https://globalaffairs.ru/articles/sankczii-i-miroustrojstvo/?ysclid=mq6wdq5q1z583141364 (дата обращения: 07.06.2026).

больших школ мысли, так и представителями теорий среднего уровня, на данном направлении остаются видимые объяснительные пробелы. В частности, популярные методологические решения в виде сравнительных кейс-стади ограничены базовой проблемой отбора и классификации эпизодов для разбора. Достаточно упомянуть, что, вероятно, наиболее знаковые для дисциплины дебаты между Г. Хуфбауэром и Р. Пейпом выстроены вокруг вопроса о том, какие случаи санкционного давления в принципе пригодны для включения в аналитическую выборку и в дальнейшем должны пониматься как успешные либо неудачные[7]. В качестве еще одного типичного методологического затруднения необходимо коснуться проблемы оценки целеполагания субъекта-инициатора. Для подбора корректного дизайна исследования, направленного на выработку критериев повышения эффективности санкций, принципиальным является выяснение конкретных задач, которые, по логике инициатора, должны были быть решены за счет введения ограничительных мер. Вместе с тем, такого рода информация зачастую либо не озвучивается в силу ее чувствительного характера, либо корректируется постфактум в зависимости от специфики конъюнктуры, как это, например, практикуется администрацией Д. Трампа периода второго президентского срока, что заставляет экспертов в ряде случаев двигаться скорее интуитивно, чем строго аналитически. Например, именно к упомянутым инструментальным сложностям апеллирует И. Тимофеев, описывая историю изучения рестрикций в отношении КНДР[8]. Если говорить о проблемах

[7] Конец 1990-х гг. для санкционных исследований прошел под знаком академической дискуссии, инициированной благодаря рефлексии «Переосмысления экономических санкций» со стороны Р. Пейпа, который в ряде работ изложил собственный взгляд на особенности института международных экономических ограничений. Полемизируя с Г. Хуфбауэром, последний, прежде всего, предлагает провести ревизию разобранных кейсов и приходит к достаточно радикальному выводу: из 40 эпизодов применения санкций, которые в «Переосмыслении» представлены как успешные, в реальности таковыми являются только 5. См.: Pape R. Why Economic Sanctions Do Not Work // International Security. – 1997. – Vol.22(2). pp. 90-136; Pape R. Pape R. Why Economic Sanctions Still Do Not Work // International Security. – 1998. – Vol.23(1). pp. 66-77; Pape R. Evaluating Economic Sanctions // International Security. – 1998. – Vol.23(2). pp. 195-198.

[8] Тимофеев И.Н. Почему санкции терпят неудачу? Опыт международных и односторонних санкций в отношении КНДР / И.Н. Тимофеев // Вестник международных организаций. – 2025. –

теоретического характера, как будет показано далее в диссертационном исследовании, ведущие большие школы мысли в теории международных отношений, будучи взятыми по отдельности, не обладают эвристической самодостаточностью в вопросах санкционной проблематики. Иными словами, объяснительный аппарат (нео)реализма, (нео)либерализма, конструктивизма и неомарксизма ограничен, если речь идет об осмыслении текущих тенденций в области санкционной повестки. Так, международникам-реалистам будет затруднительно вписать рост числа значимых негосударственных субъектов и объектов политики экономических ограничений в логику собственной парадигмы. В свою очередь, авторы либерального толка, вероятно, испытают сложности с кризисом идеи миропорядка, основанного на общих идеях и ценностях, в котором санкции, по изначальной задумке, должны были играть роль инструмента коллективной безопасности, однако эволюционировали в классический механизм принуждения.

Резюмируя, тема является актуальной для изучения, поскольку подразумевает деконструкцию теоретико-методологического аппарата науки о международных отношениях с целью его дальнейшего совершенствования и адаптации к конкретному проявлению действующей системы международного общения.

Наконец, в-четвертых, проблематика экономических санкций является чувствительной для России как государства-объекта наибольшего числа действующих ограничений и одновременно инициатора встречных мер, направленных на формирование экономического суверенитета в критически значимых для защиты национальных интересов областях[9]. Поскольку санкционные

Т.20. – № 1. [Электронный ресурс] URL: https://www.hse.ru/data/2025/03/12/1955605320/7%20Timofeev%20OF.pdf (дата обращения: 07.06.2026).

[9] См.: Указ Президента РФ от 28.02.2022 N 79 (ред. от 09.06.2022, с изм. от 20.05.2024) "О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций" [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. –

исследования – это область знания, в которой научная абстракция тесно связана с практикой принятия политико-управленческих решений, тема диссертации, несмотря на ее заявленный теоретический характер, как представляется, может внести вклад как в развитие оригинальной отечественной традиции научного поиска, так и в совершенствование отдельных элементов санкционной политики, например, принципов и механизмов индоктринации идеологических компонентов сопровождения внешнеэкономического национального курса.

Степень разработанности темы

Тема диссертационного исследования включает в себя как хорошо изученные, так и ограниченно представленные в профильном корпусе академической литературы компоненты. Это, прежде всего, объясняется ее комплексным характером. В частности, несмотря на значительный объем накопленных источников, посвященных анализу тех или иных аспектов санкционной политики с применением методологии и категориального аппарата экономики и юриспруденции, работы, выполненные в предметном поле политической науки, встречаются значительно реже. Аналогичное верно и в отношении теоретико-методологических материалов, что также вполне объяснимо: санкции традиционно интерпретируются, в первую очередь, как практико-ориентированный феномен, что предопределяет выбор соответствующего дизайна исследования. Как итог, наиболее заметная часть источниковой базы – это кейс-стади либо сравнительные кейс-стади, затрагивающие определенный эпизод применения санкций (либо набор подобных эпизодов) с качественной проработкой эмпирической составляющей и одновременно поверхностно-выраженным аналитическим компонентом. Проще говоря, типичная работа может дать исчерпывающий ответ на вопрос «что происходило в ходе того или иного случая введения санкций?», но не предусматривает ответа на вопрос «почему это происходило именно подобным образом?» и «как данный эпизод встраивается в общую логику рассматриваемого момента политической истории?».

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410417/?ysclid=mpyffpuoyu464113349 (дата обращения: 07.06.2026).

Что касается темы санкций в теории международных отношений, здесь также наблюдается определенная фрагментированность массива академической литературы. С одной стороны, международники предметно затрагивают феномен санкций в работах, опирающихся на теории среднего уровня. С другой – представители классических больших школ мысли преимущественно оставляют проблематику экономических ограничений без внимания, не вписывая ее в собственную систему объяснительных координат. В результате, такие важные вопросы как «какие инструменты изучения санкций в теории международных отношений являются наиболее эвристически перспективными?» или «какая парадигма наиболее адекватно интерпретирует текущие тенденции санкционной повестки?» представляют собой в большей степени исключение, нежели интеллектуальный мейнстрим.

В отечественной исследовательской традиции рефлексия санкционной проблематики – это относительно новое явление. Несмотря на длительный исторический опыт пребывания в качестве страны-мишени, Советская политическая наука за очевидным исключением одноименной монографии Д. Борисова[10] не представила последовательного освещения рассматриваемой темы. Фактически о становлении этого направления можно говорить, начиная с 2010-х гг., когда М. Братерский в монографии «Экономические инструменты внешней политики»[11] посвятил экономическим ограничениям отдельную главу, в которой затронул как их историю, эволюцию и технические особенности применения, так и этические и гуманитарные аспекты санкционной политики.

Однако о полноценном интересе со стороны академического сообщества можно говорить в контексте последствий событий Крымской весны в виде т.н. «санкционного цунами» в отношении России. Данный экзогенный фактор обусловил обращение ряда специалистов-общественников к работе на обозначенном направлении. Однако в силу академической инерции, то есть,

[10] Борисов Д. Санкции. – Соцэкгиз, 1936.

[11] Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики. – М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010.

времени, требуемого для сбора эмпирического материала и его критического осмысления, соответствующие публикации стали появляться ближе к концу 2010-х гг. Ключевая роль на данном направлении принадлежит И.Н. Тимофееву, который задал тон научному поиску публикацией «Экономические санкции как политическое понятие»[12]. Строго говоря, исследования И. Тимофеева формально не являются первыми с хронологической точки зрения. После введения антироссийских санкций в 2014 г. был опубликован ряд материалов инструментальной направленности, в частности, по теме отечественных контрсанкций[13]. Однако именно последний, действуя на стыке теории и практической экспертизы, сумел приблизиться к системному теоретико-методологическому взгляду на предметное поле. Кроме того, вклад в развитие этого направления российских санкционных исследований внесли Е. Арапова[14],

[12] Тимофеев И.Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – №2(59). – С. 26-42.

[13] См. например: Балуев Д.Г. Эволюция экономических санкций как инструмента внешней политики // Международные процессы. – 2014. – № 3 (38). – С. 23-33; Афонцев С.А. Выход из кризиса в условиях санкций: миссия невыполнима? // Вопросы экономики. – 2015. – № 4. – С 20-36; Кузнецов А.В. Результативность российских экономических «контрсанкций» против ЕС // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2016. – №3. – С. 136-153.

[14] Арапова Е.Я. Новые модальности глобальной санкционной политики // Международная аналитика. – 2023. – № 14(1). – С. 37-51.

Б. Ананьев[15], С. Афонцев[16], Я. Ваславский[17], В. Корольков[18], М. Энтин[19], а также продолживший научный поиск И. Тимофеев[20].

Работа по совершенствованию теоретико-методологического аппарата санкционных исследований также ведется в рамках РАН: в частности, авторским коллективом Института Африки под руководством Л. Фитуни была подготовлена коллективная монография «Африка: санкции, элиты и суверенное развитие»[21], в которой представлен ряд оригинальных решений и выводов. В частности, предложенный подход к классификации стратегий инициирующих субъектов и стран-мишеней применяется для разбора кейсов санкционных режимов ООН в отношении стран континента.

---

[15]Ананьев Б.И. Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации // Вестник международных организаций. – 2019. – №3. – С. 136-150; Ананьев Б.И. Ловушка третьего пути? Конструктивистский взгляд на санкции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25. – №4. – С. 862-878; Ананьев Б.И. Меньше, чем школа, больше, чем инструмент? К вопросу об академической самостоятельности санкционных исследований // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2026. – 18(1). – С. 9-32.

[16] Афонцев С.А. Политические парадоксы экономических санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – №3(55). – С. 193-197.

[17] Vaslavskiy Y., Ananyev B., Sergi B. The Impact of International Sanctions on Russia's sustainable development. In: Exploring the Future of Russia's Economy and Markets: Towards Sustainable Economic Development. – Bingley: Emerald Publishing Limited, 2018.

[18] Корольков В.Е., Смирнова И.А., Ерофеева Т.А. Политика санкций как инструмент современных международных отношений. – Прометей, 2022.

[19] Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Давранова С.Б., Наджаров А.М. Теоретико-методологические аспекты изучения санкционной политики Запада // Полис. Политические исследования. – 2024. - №1. – С. 7-20.

[20] Тимофеев И.Н. Как исследовать политику санкций? Стратегия эмпирического исследования // Международная аналитика. 2023. Т.14. № 1. С. 22-36; Тимофеев И.Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Полис. Политические исследования. – 2023. – №2. – С. 103-119.

[21] Африка: санкции, элиты и суверенное развитие. Под ред. Фитуни Л.Л. – М.: Институт Африки РАН, 2021.

Также необходимо обратить внимание на литературу, посвященную особенностям санкционной политики США[22] и ЕС[23], которая позволяет применять общетеоретические конструкции к анализу конкретных кейсов стран-инициаторов. Кроме того, говоря о кейс-стади, важно отметить материалы, в которых рассматриваются «классические» государства-мишени, такие как Иран, Венесуэла, КНДР[24]. Данный источниковый массив обладает эвристической ценностью применительно к теме диссертации, поскольку предметная работа с опытом подсанкционных субъектов открывает возможности для тестирования гипотез более высокого уровня абстракции.

Еще одна группа источников, обладающих значимостью в контексте темы диссертации, – это материалы, в которых рассматривается специфика адаптации

---

[22] Гландин С.В. Роль интернета в отслеживании нарушителей режима санкций США в отношении России // Вестник Московского университета, серия 11. – 2018. – № 6. – С. 96-112; Тимофеев И.Н. «Санкции за нарушение санкций»: принудительные меры Министерства финансов США против компаний финансового сектора // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 6. – С. 73-90; Тимофеев И.Н. Политика санкций в законопроектах Конгресса США // Международные процессы. – 2023. – №21(2). – С. 6-21.

[23] Арапова Е.Я., Кудинов А.С. Особенности санкционного регулирования в США, ЕС и Великобритании: сравнительный анализ // Полис. Политические исследования. – 2022. – №6. – С. 151-165.

[24] Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Крашенинникова Л.С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // Сравнительная политика. – 2020. – Т.11, №2. – С. 123-138; Маргоев А.Р., Хейрие Д.С. Возможна ли верификация снятия санкций как гарантия иранской ядерной сделки? // Пути к миру и безопасности. – 2021. – №2 (61). – С. 110-128; Мешкин Р. Дипломатия Ирана и России в условиях санкционного давления (2003-2023 гг.). – М.: Инфра-М, 2025.; Тимофеев И.Н. Санкции США против Ирана: опыт применения и перспективы развития // Полис. Политические исследования. – 2018. – №4. – С. 56-71; Толорая Г.Д., Коргун И.А. Влияние санкций на внешнюю торговлю КНДР с точки зрения теории сравнительных преимуществ // Экономика и управление. – 2019. – №6. – С. 4-15; Толорая Г.Д., Коргун И.А. К вопросу о продуктивности санкций в отношении КНДР // Полис. Политические исследования. – 2022. – №3. – С. 80-95.

России к внешнему давлению, в частности, материалы Ю. Боровского[25], С. Земцова[26], Б. Логинова[27], Г. Пановой[28] и др.

Наконец, санкционная проблематика, будучи неотъемлемой частью многообразия форм межгосударственных взаимодействий, исследуется с опорой на положения отечественной школы, представленной знаковыми авторами-теоретиками, такими как Т. Алексеева[29], В. Барановский[30], А. Богатуров[31],

[25] Боровский Ю.В. Советский и Российский ТЭК как объекты западных санкций: политическое соперничество или экономическая конкуренция? // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – №3(66). – С. 42-60.

[26] Земцов С.П. Санкционные риски и региональное развитие (на примере России) // Балтийский регион. – 2024. – Т.16, № 1. – С. 23-45.

[27] Логинов Б.Б. (ред.) Санкционный фактор трансформации российской и мировой экономики. – М.: Инфра-М, 2024.

[28] Панова Г.С. Банки в условиях международных санкций: стратегия и тактика //Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 1(46). – С. 154-168.

1. [29] Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосный мир // Сравнительная политика. – 2014. – Т. 14. № 1. – С. 4-21; Алексеева Т.А. Рождение мифа: начало первых «великих дебатов» в теории международных отношений // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. - №6(45). – С. 30-39; Алексеева Т.А. Дебаты о “Великих дебатах”: как структурировать теорию международных отношений? // Полис. Политические исследования. – 2016. – №6. – С. 9-21; Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. – М.: Аспект-Пресс, 2019.

[30] Барановский В.Г. О формировании нового миропорядка // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 1. – С. 7-23.

[31] Богатуров А.Д. Прикладной анализ международной политики. Ситуации и конфликты 1992-2021 годы. – М.: Аспект-пресс, 2022.

Ф. Войтоловский[32], А. Дынкин[33], В. Конышев[34], М. Лебедева[35], В. Назаров[36], А. Никитин[37], Н. Цветкова[38] и др.

В зарубежной академической литературе тема теоретико-методологических основ изучения санкционной проблематики также имеет фрагментированный характер. С одной стороны, эта академическая линия восходит к работе Д. Митрани, который в 1925 г. представил международные экономические санкции как теоретико-ориентированную исследовательскую проблему[39]. И в этом смысле можно говорить о фактически столетней истории научного поиска на данном направлении. Однако, строго говоря, число работ, посвященных рассмотрению санкций в категориях абстракций политической науки не столь велико. Это, в первую очередь, авторы, представляющие своего рода «большую тройку»

[32] Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка, 1940-2000-е годы. – М.: Крафт+, 2007.

[33] Дынкин А.А., Арбатов А.Г., Афонцев С.А. и др. Мир 2035. Глобальный прогноз. Под ред. А.А. Дынкина. – М.: ИМЭМО РАН, 2017.

[34] Конышев В.Н. Неоклассический реализм в теории международных отношений // Полис. Политические исследования. – 2020. – №4. – С. 94-111.

[35] Лебедева М.М. Современные мегатренды мировой политики // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 9. – С. 29-37.

[36] Назаров В.П. Развитие теоретических и методологических основ стратегического планирования. – М. Кнорус, 2022.

[37] Никитин А.И. Новая система отношений великих держав XXI века: "концерт" или конфронтация? // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 44-59.

[38] Цветкова Н.А. «Президентская модель» принятия внешнеполитических решений в США: эвристическая ценность подход // Американский ежегодник. – 2023. – С. 24-44.

[39] Mitrany D. Le problème des sanctions internationals. [Электронный ресурс] / D. Mitrany // Paris, 1926. – P.37. URL: Le problème des sanctions internationales : Mitrany, David : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 07.06.2026).

санкционных исследований: Г. Хуфбауэр[40], Р. Пейп[41], Д. Дрезнер[42]. Упомянутые тексты считаются классическими в рамках рассматриваемого предметного поля и занимают лидирующие места по критериям авторитетности и цитируемости.

Подавляющее же число источников составляют кейс-стади и сравнительные кейс-стади теорий среднего уровня, выполненные в рамках таких субдисциплин как политическая экономия, исследования мира, страновые исследования и др. Среди них выделяются работы Н. Батлера[43], К. Вебстера[44], Г. Таубенфельда[45], П. Валленстина[46], Ф. Хоффмана[47], Й. Галтунга[48], М. Докси[49], М. Нинчича[50],

---

[40] Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. Third Edition. – Peterson Institute for International Economics, 2009.

[41] Pape R. Why Economic Sanctions Do Not Work // International Security. – 1997. – Vol.22(2). pp. 90-136; Pape R. Why Economic Sanctions Still Do Not Work // International Security. – 1998. – Vol.23(1). pp. 66-77; Pape R. Evaluating Economic Sanctions // International Security. – 1998. – Vol.23(2). pp. 195-198.

[42] Drezner D. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.; Drezner D. Targeted Sanctions in a World of Global Finance. // International Interactions. – 2015. – Vol 41(2). pp. 755-764.

[43] Butler N.M., Clark E. Boycotts and Peace. [Электронный ресурс] / N.M. Buttler, E. Clark // Harper & Brothers, 1932. – 381 p. URL: https://digitalcollections.nypl.org/items/510d47db-d43e-a3d9-e040-e00a18064a99 (дата обращения: 07.06.2026).

[44] Webster C. Sanctions: The Use of Force in an International Organization. – London: David Davies Memorial Institute of International Studies, 1956.

[45] Taubenfeld H.J, Taubenfeld R. The Economic Weapon: The League and the United Nations // Proceedings of the American Society of International Law. – 1964. pp. 183-205.

[46] Wallensteen P. Characteristics of Economic Sanctions // Journal of Peace Research. – 1968. – Vol. 5(3). pp. 248-267; Wallensteen P. Ekonomiska sanktioner / P. Wallensteen – Stockholm, 1971.; Wallensteen P. A Century of Economic Sanctions: A Field Revisited. [Электронный ресурс] // Uppsala Peace Research Papers. – 2000. – No.1. – P.1. URL: https://uu.diva-portal.org/smash/get/diva2:76170/FULLTEXT01.pdf (дата обращения: 07.06.2026).

[47] Hoffmann F. The Functions of Economic Sanctions: a Comparative Analysis // Journal of Peace Research. – 1967. – Vol 4(2). pp. 140-160.

[48] Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions, With Examples from the Case of Rhodesia // World Politics. – 1967. – Vol. 19(3). pp. 378-416.

[49] Doxey M. Economic Sanctions and International Enforcement. – London: Oxford University Press, 1971.; Doxey M. International sanctions in theory and practice // Case Western Reserve Journal of International Law. – 1983. – Vol 15(2). pp. 273-288; Doxey M. International sanctions in contemporary perspective. – Basingstoke: Macmillan, 1987.

[50] Dilemmas of Economic Coercion: Sanctions in World Politics, M. Nincic, P. Wallensteen (ed). – New York: Praeger Publishers, 1983.

Р. Ренвика[51], Л. Мартина[52], Д. Кортрайта[53], Дж. Стрелмау[54], С. Аллена[55], М. Бржоски[56] и др.

Также в отдельную группу можно объединить работы, авторы которых не просто действуют в традиционном стиле сбора эмпирики и ее дальнейшей обработки и подачи в наглядном виде, но и прибегают к нетипичным для дисциплины оригинальным методологическим решениям, например, теоретико-игровому моделированию, теории общественного выбора, индексу чувствительности и др. Это, в частности, исследования В. Кемпфера[57], Г. Цебелиса[58], Н. Бапата[59] и др.

Кроме того, поскольку тема диссертационного исследования тесно связана с непосредственно теорией международных отношений, важную часть источниковой базы составляют классические тексты представителей ее ведущих

---

[51] Renwick R. Economic Sanctions. Center for International Affairs. – Cambridge, MA: Center for International affairs, Harvard University, 1981.

[52] Martin L. Coercive Cooperation: Explaining Multilateral Economic Sanctions. – Princeton, 1992.

[53] Cortright D. Economic Sanctions: Panacea or Peacebuilding in a Post-Cold War World? – Boulder, 1995; Cortright D., Lopez G. Economic Sanctions: Panacea or Peacebuilding in a Post-Cold War World? – Boulder: Westview Press, 1995.; Cortright D., Lopez G. Carrots, Sticks, and Cooperation: Economic Tools of Statecraft, in Rubin B (ed.) Cases and Strategies for Preventive Action. – New York: The Century Foundation Press, 1998.; Cortright D., Lopez G. The Sanctions Decade: Assessing UN Strategies in the 1990s. – Boulder: Lynne Rienner, 2000.; Cortright D., Lopez G. Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft. – Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2002.

[54] Stremlau J. Sharpening International Sanctions. Towards a Stronger Role for the United Nations, A Report to the Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict. – New York, 1996.

[55] Allen S. The Determinants of Economic Sanctions Success and Failure // International Interactions. – 2005. – Vol 31(2). pp. 117-138.

[56] Brzoska M. Measuring the Effectiveness of Arms Embargoes. // Peace Economics, Peace Science and Public Policy. – 2008. – Vol 14(2). pp. 1-34; Brzoska M. International Sanctions Before and Beyond UN Sanctions. // International Affairs. – 2015. – Vol 96(6). pp. 1339-1349.

[57] Kaempfer W.H., Lowenberg A.D. The Theory of International Economic Sanctions: A Public Choice Approach // American Economic Review. – 1988. – Vol.78(4). pp. 786-793.

[58] Tsebelis G. Are Sanctions Effective? A Game-Theoretic Analysis // Journal of Conflict Resolution. – 1990. – Vol.34(1). pp. 3-28.

[59] Bapat N., Clifton M. Multilateral Versus Unilateral Sanctions Reconsidered: A Test Using New Data // International Studies Quarterly. – 2009. – Vol53(4). pp. 1075–1094; Bapat N. et al. Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data // International Interactions. – 2013. – Vol39(1). pp. 79–98.

парадигм, а также ряд внепарадигмальных работ, которые оказали влияние на формирование интеллектуального мейнстрима по вопросу роли экономических ограничений в структуре внешнеполитического курса государства. К указанному блоку литературы относятся труды Э. Карра[60], У.Т.Р. Фокса[61], Г. Моргентау[62], Э. Уолферса[63], А. Вильдавски[64], К. Уолтца[65], Дж. Миршаймера[66], Дж. Кеннана[67], Дж. Розенау[68], Р. Гилпина[69], Р. Кохейна[70], А. Вендта[71], Б. Бузана[72], П. Фейерабенда[73], Р. Мертона[74], Р. Швеллера[75], И. Лакатоса[76], А. Туза[77] и др.

---

[60] Carr E. The twenty years' crisis 1919-1939. An introduction to the study of international relations. – London, Macmillan&Co. LTD, 1946.

[61] Fox W.T.R. Interwar International Relations Research: The American Experience. // World Politics. – 1949. – Vol. 2, Issue 1. pp. 67-79.

[62] Morgenthau H. Théorie des sanctions internationals. // Revue De Droit International Et De Législation Compare. – 1935. – Vol. 16, Issue 3. – Pp. 474-503.; Morgenthau H. Théorie des sanctions internationals. // Revue De Droit International Et De Législation Compare. – 1935. – Vol. 16, Issue 4. – Pp. 809-836.

[63] Wolfers. A. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. – The Johns Hopkins University press, 1965.

[64] Wildavsky A. The Two Presidencies. // Trans-action, Society. – 1966. – Vol. 4. pp. 7-14.

[65] Waltz K. Theory of international politics. – Addison-Wesley Publishing Company, 1979.

[66] Mearsheimer J. The tragedy of great power politics. – New York: W.W. Norton and Company, 2001.

[67] George Kennan Calls on the West to end sanctions against Soviet [Электронный ресурс]. 11.10.1982 URL: https://www.nytimes.com/1982/10/11/world/george-kennan-calls-on-the-west-to-end-sanctions-against-soviet.html?ysclid=moldgbin3f77097442 (дата обращения: 07.06.2026).

[68] Rosenau J. Governance, order, and change in world politics. – Cambridge University Press, 1992.

[69] Gilpin. R. The challenge of global capitalism: the world economy in the 21st century. – Princeton: Princeton University Press, 2000.

[70] Keohane R, Nye J. Power and interdependence. – Pearson, 2011.

[71] Wendt A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics. // International organization. – 1992. – Vol. 46, No 2. pp. 391-425.

[72] Buzan B., Hansen L. The evolution of international security studies. – Cambridge University Press, 2009.

[73] Фейерабенд П. Против метода. – М.: АСТ, 2007.

[74] Merton R. Social Theory and Social Structure. – Free Press, 1968.

[75] Schweller R. Neorealism's status-quo bias: What security dilemma? // Security Studies. – 1996. – Vol. 5. pp. 90-121.

[76] Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. – М.: Академический Проект; Трикста, 2008.

[77] Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. – М.: Издательство Института Гайдара, 2017.

Отдельную важную группу источников составляют работы, затрагивающие проблематику экономических инструментов внешней политики (foreign policy tools, economic statecraft), которые позволяют оценить санкции в качестве одного из средств в арсенале обеспечения национальных интересов во внешней проекции. В рамках этого блока выделяются исследования Д. Болдуина, П. Катценштейна, Н. Рипсмана, Б. Стейла и Р. Литана, Г. Шиффмана и др[78].

Что касается не англоязычной зарубежной литературы, применительно к теме диссертации отдельного упоминания заслуживает Ф. Джумелли, сочетающий научную деятельность на английском и итальянском языках[79].

Наконец, к значимым источникам необходимо отнести докторскую диссертацию И. Тимофеева «Санкционная политика: опыт США», защищенную в МГИМО МИД России 25.05.2026[80]. В ней представлен оригинальный взгляд на политические аспекты экономических ограничений, инициируемых США, что делает упомянутую работу предметно близкой к данному диссертационному исследованию.

Исследовательский вопрос данного исследования формулируется следующим образом: какие концепции и инструментальные аналитические решения составляют теоретико-методологические основания изучения

---

[78] Baldwin D. Economic Statecraft. – Princeton: Princeton University Press, 1985.; Blanchard J-M., Ripsman N. A Political Theory of Economic Statecraft // Foreign Policy Analysis. – 2008. – Vol 4. pp. 371-398; Chan S, Drury A. (ed.) Sanctions as Economic Statecraft: Theory and Practice. – Basingstoke: Palgrave, 2000.; Katzenstein P. (ed.) Between Power and Plenty: Foreign Economic Policies in Advanced Industrial States. – University of Wisconsin Press, 1978.; Shiffman G. Economic Instruments of Security Policy: Influencing Choices of Leaders. – New Haven, 2006.

[79] Giumelli F. The Restrictive Measures of the European Union. Developing analytical categories to understand functions and utility of EU sanctions. // The International Spectator. – 2010. – Vol. 45(3). pp.131-144; Giumelli F. Coercing, Constraining, Signalling. Explaining UN and EU Sanctions after the Cold War. – Colchester: ECPR Press, 2011; Giumelli F. The Success of Sanctions: Lessons Learned from the EU Experience. – Routledge, 2013.; Giumelli F. Da Sanzioni Comprensive a Sanzioni Mirate. L'Evoluzione di uno Strumento Fondamentale di Politica Estera in La politica internazionale in transizione ed. by Andreatta F., Zambernardi. – L. Bologna: Il Mulino, 2012; Giumelli F. Le sanzioni internazionali: storia, obiettivi ed efficacia. – Il Mulino, 2023.

[80] Тимофеев И.Н. Санкционная политика: опыт США. дис. ... д-ра полит. наук. М.: МГИМО МИД России, 2026. URL: https://mgimo.ru/science/diss/timofeev-i-n.php (дата обращения: 07.06.2026).

санкционной проблематики в политической науке, почему именно данные интеллектуальные конструкции применяются для исследования политики международных экономических ограничений?

Гипотеза исследования выдвигается с опорой на представленный исследовательский вопрос:

Теоретико-методологические основания изучения санкционной проблематики в политической науке складываются из инструментальных решений, основным из которых является множественный сравнительный кейс-стади, а также набора концепций, введенных в академическое поле предметно в рамках работы с эмпирическим материалом: черные рыцари, парадокс Дрезнера, умные санкции, санкционный комплаенс и др. В свою очередь, эвристический потенциал рассматриваемого теоретико-методологического компонента (инструмента или концепции) в санкционных исследованиях определяется его способностью продуцировать т.н. полезное знание (usable knowledge), а не формальным соответствием какой-либо парадигмальной традиции. Такой подход коррелирует с принципами аналитического эклектизма, который представляется наиболее уместной рамкой при изучении процессов в области политики экономического сдерживания.

Объектом диссертационного исследования является совокупность абстрактно-теоретических концепций и инструментальных методологических приемов, составляющих теоретико-методологические основания изучения санкционной проблематики в политической науке.

Предмет диссертационного исследования – эвристический потенциал теоретических конструкций и методологических решений, используемых в рамках исследования санкционной проблематики в политической науке.

Цель исследования заключается в выявлении, систематизации и критической рефлексии теоретико-методологических оснований изучения санкционной проблематики в политической науке.

Достижение поставленной цели предусматривает решение следующих **задач**:

1. Представить аргументы в пользу правомерности выделения санкционных исследований в качестве самостоятельной субдисциплины в предметном поле политической науки;
2. Реконструировать международно-политический и интеллектуальный контекст становления санкционных исследований, а также современной архитектуры глобального экономического сдерживания;
3. Проследить эволюцию санкционных исследований в контексте развития их понятийно-категориального и методологического аппарата;
4. Провести критический разбор современного состояния санкционных исследований: основных научных дискуссий, академических достижений и объяснительных пробелов;
5. Оценить эвристический потенциал ведущих школ в теории международных отношений – (нео)реализма, (нео)либерализма, конструктивизма – применительно к изучению санкционной проблематики;
6. Сформировать авторскую программу теоретико-ориентированного исследования в области санкционной проблематики.

Хронологические рамки исследования обусловлены спецификой изучаемого объекта, а именно периодом становления и эволюции рассматриваемых научных категорий. В диссертации реализован двухмерный подход к решению задачи интеллектуальной ревизии материала, охватывающего порядка столетия политической, экономической и академической истории, а именно разделение хронологии на два параллельных трека.

Первый трек в строгом смысле не является хронологией исследования, поскольку это в большей степени временная рамка, включающая в себя основные задействованные источники. Схематически ее можно представить следующим образом:

1920-е гг.: становление современной глобальной санкционной архитектуры, возникновение санкционных исследований в предметном поле политической науки, описание санкций в качестве проблемно-ориентированного феномена;

1930-е гг.: первые попытки осмыслить санкционную проблематику в категориях зарождающейся теории международных отношений;

1940-1950-е гг.: создание ООН в качестве основного легитимного субъекта инициирования введения экономических ограничений от имени международного сообщества;

1960-е гг.: совершенствование методологического аппарата санкционных исследований за счет внедрения и развития методики кейс-стади;

1970-1980-е гг.: новый импульс рефлексии санкционной проблематики в рамках тренда на неолиберальный подход в теории международных отношений;

1990-2000-е гг.: «золотой век» санкционных исследований, классические работы Г. Хуфбауэра, Р. Пейпа, Д. Дрезнера, появление баз данных эпизодов введения экономических ограничений;

2000-2010-е гг.: развитие санкционных исследований в соответствии с практикой распространения умных санкций и принципа юридической экстерриториальности;

2010-е гг.: «санкционное цунами» в отношении России, становление отечественной традиции санкционных исследований;

2020-е гг. – наст. время: рефлексия особенностей политики экономических ограничений, сложившейся вследствие начала специальной военной операции.

Что касается второго трека, непосредственно хронологии исследования в классическом понимании этого термина, она охватывает период с начала 2000-х гг. – времени оформления актуальных трендов в области санкционной политики: умные санкции, формирование коалиций, экстерриториальность в правоприменении, акцент на комплаенс (более точное определение нижней границы не представляется возможным). Верхняя граница хронологии обусловлена временем окончания работы над диссертацией. Поскольку объект исследования не статичен и для него характерно развитие в режиме реального времени, искусственно ограничивать его произвольной датой, не отражающей сути происходящего в области санкционных исследований, видится контрпродуктивным. Соответственно, диссертация фиксирует состояние объекта на момент лета 2026 г.

Научная новизна, теоретическая и практическая значимость

Теоретическая и практическая значимость исследования, а также его научная новизна определяются содержанием и результатами работы:

1) Впервые в отечественной академической среде вводится и легитимизируется понятие «санкционных исследований» в качестве самостоятельной области научного поиска в рамках политической науки;

2) Впервые в отечественной академической среде подробно реконструируется политико-экономический и интеллектуальный контекст зарождения санкционных исследований с опорой на массив источников, ранее слабо представленных в российской литературе;

3) Впервые в отечественной академической среде предлагается подробная онтология эволюции санкционных исследований с привлечением и критическим обзором значимых, но слабо представленных ранее источников;

4) Представлен разбор современного состояния санкционных исследований (в том числе, отечественной школы) с учетом актуальных трендов в области политики международных экономических ограничений;

5) Проведена оценка эвристического потенциала основных парадигм в теории международных отношений применительно к исследованию санкционной проблематики;

6) Разработана авторская программа теоретико-ориентированного исследования в области санкционной проблематики с учетом актуальных тенденций в рамках соответствующего предметного поля.

Методологическая основа и дизайн исследования

Выбор методологической основы и дизайна исследования связан с его междисциплинарным и одновременно теоретико-ориентированным характером и при этом обусловлен двумя предустановками:

Во-первых, работа построена вокруг помещения экономико-ориентированного феномена санкций в концептуальное пространство политической науки, под которой в данном случае понимается осмысление международной политики через призму, прежде всего, властных отношений;

фактически, речь идет об универсальной для специалистов-обществеников дисциплине «political science». Эта презумпция напрямую влияет на выбор источниковой базы, отсекая литературу, в которой санкции анализируются только при помощи инструментария, традиционно свойственного экономике и юриспруденции. Например, в диссертации не фигурируют материалы, основанные исключительно на классической статистической (регрессионный анализ) и правовой (юридическая герменевтика) методологии. Вместе с тем, важно отметить, что политическая наука рассматривается как зонтичная область знания, которая включает в себя ряд более мелких субдисциплин, таких как политическая экономия, страновые исследования, исследования мира и безопасности, международная конфликтология и – ключевое – теория международных отношений. Таким образом, в диссертации поддерживается баланс между инструментальной вариативностью и акцентом на политических аспектах санкционной повестки.

Во-вторых, что касается непосредственно теории международных отношений, в работе осознанно допускается противопоставление теории международных отношений и санкционных исследований. Подобное решение основано на идее разграничения инструментального подхода и научной абстракции. В данном случае под санкционными исследованиями понимается предметное поле в виде совокупности материалов, в которых санкции исследуются, прежде всего, с применением теорий среднего уровня. В результате, именно они содержат в себе ключевые методики и результаты их применения (например, теоретико-игровое моделирование санкционного противостояния и т.н. «санкционный парадокс» у Д. Дрезнера). В свою очередь, теория международных отношений в диссертации наделяется классическими для отечественной традиции чертами: парадигмальность, конкуренция больших школ мысли и стремление сформировать наиболее общие представления о природе и механике межгосударственных взаимодействий. При этом обе академические области причисляются к субдисциплинам политической науки, что придает исследованию смысловую целостность. Иными словами, речь идет лишь о номинальной

оппозиции, которая в действительности образует не взаимоисключающее, а – напротив – взаимодополняющее представление о санкционной проблематике, когда теория международных отношений задает базовые рамки научного поиска, а санкционные исследования наполняют их конкретным содержанием.

Переходя непосредственно к методологическим основаниям диссертации, необходимо отметить, что они находятся в тесной зависимости от задач, которые решает ее конкретный структурный элемент:

Первая часть работы (см. пункты 1.1-1.5) посвящена деконструкции академических дискуссий, реконструкции политического и интеллектуального контекста, а также критическому обзору источников. Соответственно, в ее основе лежит подход, близкий к понятию генеологии знания, при котором основной задачей является выход за рамки отдельно взятой парадигмы и аккумулирование максимально возможного количества значимых для раскрытия темы деталей в рамках единого интерпретативного пространства. Подобный взгляд на принципы исследовательской деятельности манифестируется в работе «Археология знания» М. Фуко[81], где вводится связка «дискурсивная практика – знание – наука», подразумевающая зависимость академического продукта в том числе от коммуникативных особенностей конкретной эпохи политической истории. Например, развитие международно-политической мысли в области санкционных исследований в 1960-е гг. анализируется с учетом нового контекста официальной риторики, возникшего вследствие создания системы ООН. Это обстоятельство предопределило для авторов обозначенного периода необходимость «читать между строк» при разборе соответствующих резолюций и заявлений от имени организации, поскольку достижение консенсуса по вопросу введения санкций в условиях блокового противостояния Холодной войны требовало от вовлеченных сторон гармонизировать позиции не только на уровне приемлемых результатов, но и на уровне риторики, которая будет легитимировать предпринятые меры. Однако данная часть диссертации не предполагает непосредственно прямого сравнения

[81] Фуко М. Археология знания. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.

конкретных методик, которые в своих работах задействовали упоминаемые авторы. Речь идет о наблюдении за эволюцией данных инструментов применительно как к их внутренней динамике (например, усложнение либо упрощение критериев отбора эпизодов для проведения кейс-стади), так и об общем положении в системе рефлексии санкционной повестки (в частности, рост популярности теории игр в работах конца 1990-х гг). Однако проделанная работа не сводится исключительно к описанию академического мейнстрима и сопутствующего контекста: каждый подобный блок выстраивается вокруг ответа на вопрос «почему это происходит?». Так, в частности в пункте 1.2 провал проекта Д. Митрани не просто описывается как историческая данность, но и встраивается в более широкий контекст американо-европейских противоречий относительно критериев определения нарушителя принципа мирного сосуществования и – шире – принципов правоприменения в послевоенном миропорядке. Это достигается за счет применения сравнительно-исторического метода, а также методики классического анализа текстов, которые соответствуют критерию комбинаторики, не вступая друг с другом в противоречия.

Вторая часть работы (см. пункты 2.1-2.3) в своей основе опирается на аналитическую исследовательскую оптику. Ее цель – вычленить из сложносоставных конструкций в виде парадигм, составляющих фундамент теории международных отношений, отдельные элементы, релевантные для изучения санкционной проблематики, и оценить их эвристический потенциал, сопоставив с трендами в области политики применения экономических ограничений. При этом важно соблюсти баланс между партикуляризмом и холизмом: иными словами, ту или иную парадигму нельзя рассматривать как сугубо гомогенный набор идей и концепций, но и одновременно сводить к поочередному анализу интересующих элементов без оглядки на смысловое целое. Иными словами, например, международно-политический реализм рассматривается и как самостоятельные положения об анархичности международной среды, балансе сил и приоритете государственных субъектов, и как их совокупность, образующая объяснительное

единство. Для решения этой задачи ставится ряд вспомогательных вопросов, таких как:

А) Обладает ли парадигма внутренней смысловой целостностью, применимой для объяснения специфики санкционной проблематики в ее текущем виде?

Б) Какие конструкции, составляющие аналитический каркас парадигмы, не вписываются в логику санкционной проблематики в ее текущем виде?

В) Является ли парадигма интеллектуально самодостаточной для объяснения специфики санкционной проблематики в ее текущем виде?

В итоге за счет того, что экспертиза каждой исследовательской традиции проводится с соблюдением принципа равенства оснований для сравнения, обозначенная часть диссертации сохраняет смысловое единство и логическую непротиворечивость.

Третья часть работы (см. пункт 2.4) представляет собой синтез отдельных теоретических положений и инструментальных конструкций с целью формирования оригинальной авторской модели теоретико-ориентированного исследования в области санкционной проблематики. Для этого привлекаются отдельные специфические построения из философии науки, в частности, концепция научно-исследовательской программы И. Лакатоса. Последняя подразумевает выработку теорий и гипотез двух уровней: ядра, которое представляет собой совокупность идей, составляющих онтологическую основу мышления по тому или иному вопросу международной повестки, и защитного пояса, призванного предотвратить критический урон ядру, а также адаптироваться к его будущей потенциальной критике.

Что касается ядра такой программы, предлагается сконструировать его из двух ключевых посылок:

Теоретической рамкой выступает политический реализм, который содержательно синонимичен прагматизму, составляющему основу поведения как государства-инициатора, так и государства-мишени. Так, при оценке того или иного эпизода применения санкций стоит ориентироваться на его внутреннюю логику и прагматическую составляющую.

Второй компонент ядра – аналитический эклектизм, предусматривающий отказ от парадигмального мышления, если оно препятствует достижению задач исследования.

Защитный пояс программы предлагается выстроить на основе четырех ключевых элементов:

Во-первых, санкции – это инструмент политики, а не ее самоцель, то есть, одна из возможных мер достижения прагматичных государственных интересов.

Во-вторых, современная система применения легитимных санкций – это идеологический продукт либерального интервенционизма, в рамках которого норма идентифицируется как демократический режим западного образца с безусловным доминированием либеральных ценностей.

В-третьих, важно включить в исследовательский процесс рассмотрение санкций со стороны негосударственных субъектов не в статусе аномалии, а – напротив – как нового атрибута политики несилового сдерживания.

В-четвертых, неомарксистская концепция «ядра» и «периферии» дополняет защитный пояс за счет внимания к идеологическим аспектам отношений разноуровневых участников международных отношений.

Наконец, несмотря на общетеоретический характер диссертационного исследования, поставленной цели невозможно достичь без привлечения эмпирического материала. В данном случае это достигается за счет работы с профильными нормативными актами, данными Ассоциации международных исследований (ISA), что позволяет придать полученным выводам фундированный характер.

Положения, выносимые на защиту

1. В русско- и англоязычном научных дискурсах редко используются термины «sanctions studies» и его прямой аналог «санкционные исследования», которые являются наиболее очевидными маркерами, говорящими о наличии соответствующей самостоятельной субдисциплины в предметном поле политической науки. Это проявляется как на уровне специализированной литературы, так и в контексте деятельности профильных аналитических структур.

Вместе с тем, ряд признаков позволяет утверждать, что несмотря на отсутствие некоторых формальных лингвистических и организационных составляющих, правомерно вести речь о стабильной интеллектуальной практике. Во-первых, недостаток оригинальных методологических приемов частично компенсируется уникальным понятийно-категориальным аппаратом, который является отражением развития взглядов на природу и механику применения экономических ограничений в XX в. Во-вторых, при работе с корпусом англоязычной литературы можно проследить черты инструментальной преемственности и эволюции, а также наличие развернутых циклов прямого и опосредованного экспертного диалога по ключевым аспектам санкционной повестки. В-третьих, к положительным индикаторам относится устойчивый системный интерес к теме на уровне профильных организаций, объединяющих международников. Таким образом, предмет обсуждения характеризуется востребованностью и одновременно низким уровнем институционализации в условиях существующей архитектуры производства научного знания[82].

2. Становление санкционных исследований в первой трети XX в. происходило в условиях пересмотра принципов международного общения по итогам Первой мировой войны. Технологически это не в последнюю очередь стало возможно благодаря успешному использованию В. Вильсоном двойного политического нарратива, то есть, риторики, диверсифицированной для внутренней и внешней аудитории. Ее ключевым компонентом стала апелляция к принципам либерального интервенционизма, то есть, фактически глобальному американоцентричному управлению через продвижение универсальных ценностей равенства, справедливости и прогресса, где санкции как инструмент сдерживания выступают гарантом сохранения статус-кво. В этом смысле современная система международных экономических санкций является продуктом сугубо прагматичной логики поведения государства, которая инструментально опирается на идеи

[82] Ананьев Б.И. Меньше, чем школа, больше, чем инструмент? К вопросу об академической самостоятельности санкционных исследований // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2026. – 18(1). – С. 9-32.

либерального интервенционизма. Следовательно, классическая дихотомия идеализма и реализма применительно к исследованию санкционной проблематики является ложной, поскольку либеральная политика фактически представляет собой более высокую форму политического прагматизма[83].

3. Ключевым методологическим приемом санкционных исследований является множественный сравнительный кейс-стади, а эволюция санкционных исследований отражает эволюцию данной методики: ее усложнения через увеличение объема выборки и критериев их отбора. Как показывает деконструкция экспертных дискуссий, основная проблема кейс-стади заключается в отсутствии консенсуса относительно базовых принципов его применения. В частности, академическое сообщество до сих пор не выработало четких критериев отнесения тех или иных эпизодов санкционной политики к успешным или неудачным случаям[84].

4. Рассмотрение санкционной проблематики через призму теории международных отношений показывает, что взятые обособленно ведущие школы мысли испытывают сложности с рефлексией санкционной проблематики в ее эволюции и текущем состоянии, демонстрируя отсутствие эвристической целостности по данному вопросу. Кроме того, общая логика развития самой теории международных отношений (рост через внутреннюю интеллектуальную оппозицию в виде т.н. «великих дебатов») не экстраполируется на изучение инструментов несилового принуждения: среди тем и направлений серий дискуссий между представителями альтернативных исследовательских традиций санкции не входили в число приоритетных. Экономические ограничения в большей степени изучаются представителями теорий среднего уровня или специфических практико-ориентированных субдисциплин внутри политической науки (например, международно-политической экономией). В результате санкционная проблематика

---

[83] Ананьев Б.И. Ловушка третьего пути? Конструктивистский взгляд на санкции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25. – №4. – С. 862-878.

[84] Ананьев Б.И. Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации // Вестник международных организаций. – 2019. – №3. – С. 136-150.

оказывается в своего рода серой зоне объяснительных конструкций уровня высокой абстракции[85].

5. Для преодоления объяснительных пробелов, которые возникают при неадаптированном использовании больших исследовательских традиций в рамках изучения санкционной проблематики, предлагается прибегнуть к концепции И. Лакатоса, сформировав оригинальную научно-исследовательскую программу.

В качестве ее ядра выступают следующие посылки:

А) Принцип прагматизма как основная аналитическая оптика, отказ от дихотомии «идеализм-реализм» при работе с политикой экономического сдерживания;

Б) Аналитический эклектизм П. Катценштейна в качестве основного методологического стержня, скрепляющего разнородные, но эвристически ценные интеллектуальные построения.

Защитный пояс состоит из четырех установок:

А) Санкции рассматриваются в инструментальном значении, а не как вещь в себе; это лишь одна из опций для государства, стремящегося обеспечить свои национальные интересы. Следовательно, изучать санкции в отрыве от общего направления политического курса – контрпродуктивно;

Б) Современная система экономического сдерживания – это идеологический продукт либерального интервенционизма, практически реализуемый либо как комплекс мер по его защите, либо по противостоянию подобной экспансии;

В) Массовое участие негосударственных субъектов в качестве инициаторов и мишеней экономических ограничений должно рассматриваться как легитимная переменная, а не аномалия;

Г) Неомарксистская концепция «ядра» и «периферии» является ценным аналитическим решением, вписывая санкции в систему властных отношений и

[85] Ананьев Б.И. Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации // Вестник международных организаций. – 2019. – №3. – С. 136-150.

одновременно усиливая роль материальных факторов в системе межгосударственных взаимодействий[86].

Апробация результатов исследования

Диссертация подготовлена, обсуждена и одобрена на заседании Кафедры политической теории образовательного Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» 18 июня 2026 года.

Основные положения и результаты исследования получили апробацию в публикациях автора, в научных изданиях МБД, журналах из списка RSCI и Перечня ВАК по специальности диссертации:

1. Ананьев Б.И. Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации // Вестник международных организаций. – 2019. – №3. – С. 136-150.
2. Ананьев Б.И. Ловушка третьего пути? Конструктивистский взгляд на санкции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25. – №4. – С. 862-878.
3. Ананьев Б.И. Меньше, чем школа, больше, чем инструмент? К вопросу об академической самостоятельности санкционных исследований // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2026. – 18(1). – С. 9-32.

В прочих изданиях:

1) Ваславский Я.И., Ананьев Б.И. Международные экономические санкции: теоретический ракурс. Политика развития, государство и мировой порядок. Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов. Под общей редакцией О.В. Гаман-Голутвиной и др., 2018.

---

[86] Ананьев Б.И. Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации // Вестник международных организаций. – 2019. – №3. – С. 136-150.; Ананьев Б.И. Ловушка третьего пути? Конструктивистский взгляд на санкции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25. – №4. – С. 862-878.

2) Vaslavskiy Y., Ananyev B., Sergi B. The Impact of International Sanctions on Russia's sustainable development. In: Exploring the Future of Russia's Economy and Markets: Towards Sustainable Economic Development. – Bingley: Emerald Publishing Limited, 2018.

Отдельные положения диссертационного исследования внедрены и используются в рамках учебного процесса в МГИМО МИД России в рамках лекций и семинарских занятий по курсу «Экономические санкции: стратегии государства и бизнеса».

Кроме того, ряд авторских тезисов был представлен в рамках докладов на научных конвентах Российской ассоциации международных исследований (РАМИ): 2019, 2021, 2023 гг., VIII Всероссийском конгрессе политологов (2018 г.), Международной научной конференции Ломоносов-2026, а также на профильных научных мероприятиях по проблематике международных экономических санкций.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

Во введении обоснована актуальность темы, а также обозначены цели и задачи, объект и предмет исследования, степень научной разработанности, методология и дизайн. Сформулирована научная новизна и положения, выносимые на защиту.

В первой главе рассматривается совокупность аргументов по вопросу самостоятельности санкционных исследований в предметном поле политической науки, а также прослеживается эволюция данной субдисциплины с 1920-х по 2020-е гг.

Во второй главе проводится оценка эвристического потенциала ведущих школ мысли в теории международных отношений применительно к изучению санкционной проблематики, а также предлагается оригинальная программа теоретико-ориентированного исследования в области санкционной проблематики.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, обобщаются полученные результаты и формулируются основные выводы.

Глава 1. Санкционные исследования в структуре политической науки: становление, эволюция, современное состояние, перспективы

1.1 Санкционные исследования как самостоятельная область научного поиска: разбор доводов «за» и «против»

В 2000 г. известный специалист-общественник П. Валленстин подготовил материал «Столетие экономических санкций: обзор предметного поля»[87], в котором предпринял попытку обобщить опыт применения этого инструмента во взаимодействиях на международной арене. При этом автор представил механизм достижения политических целей за счет подобных действий как самостоятельное явление, обладающее собственной внутренней логикой и закономерностями развития. Действительно, санкции представляют собой исторически-укорененное средство реализации интересов государств на международной арене, которое прошло длительный путь эволюции от прерывания торговых связей до т.н. вторичных ограничений, связанных с репрессивными мерами в отношении субъектов, не соблюдающих действующий санкционный режим; от односторонних действий до институционализации в рамках международного права под эгидой глобального актора уровня ООН[88]; от отсутствия в публичной политической риторике до упоминания в нобелевской речи Дж. Картера[89]. Иными словами, непосредственно в практическом плане санкции как вид несилового принуждения

[87] Wallensteen P. A Century of Economic Sanctions: A Field Revisited. [Электронный ресурс] // Uppsala Peace Research Papers. – 2000. – No.1. – P.1. URL: https://uu.diva-portal.org/smash/get/diva2:76170/FULLTEXT01.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

[88] В период максимального разрастания санкционная экосистема ООН включала в себя 14 режимов, действующих в области ядерного нераспространения, борьбы с терроризмом и политического урегулирования внутренних и международных конфликтов. Для обеспечения функционирования режимов создается профильный комитет под руководством одного из непостоянных членов СБ. Кроме того, вспомогательные (прежде всего, мониторинговые) задачи для 10 из 14 групп выполняют 9 групп по наблюдению. См.: Санкции Совета Безопасности. Совет Безопасности. [Электронный ресурс]. // URL: https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information (дата обращения: 01.06.2026).

[89] См.: Jimmy Carter Nobel lecture. The Nobel Prize. December 12, 2002. [Электронный ресурс] // URL: https://www.nobelprize.org/prizes/peace/2002/carter/lecture/ (дата обращения: 01.06.2026).

продемонстрировали значительный прогресс, что, как правило, находит подтверждение в оценках профильных экспертов.

В то же время их изучение как части теории международных отношений и – шире – политической науки в целом находится в двойственном положении: рефлексируемый феномен занимает важное место в текущей повестке, но его интеллектуальная орбита формируется с существенной инерцией[90]. Так, за период более или менее выраженного внимания совокупный объем работ по теме превысил порог эпизодического интереса, продемонстрировав значимость для профессионального сообщества, однако статус данных исследований остается неопределенным, что порождает заслуживающую внимания проблему. Будучи фактически востребованной, санкционная экспертиза не получила признания в качестве самостоятельной области научного поиска; как итог, целый пласт литературы оказывается в своего рода «серой зоне», выступая, скорее, в роли вспомогательных конструкций для развития мысли в сфере международного права или политической экономии. Это, в свою очередь, влечет за собой дилемму: наделять какой-либо элемент международной жизни чертами сущностной автономии и одновременно отказывать ему в эпистемологической самодостаточности – по меньшей мере, контрпродуктивно[91].

---

[90] В этом смысле, дисциплина демонстрирует сходство с исследованиями в области международной безопасности (security studies), которые периодически развиваются «от предмета», а не теории, как в ситуации с появлением ядерного оружия. Последнее стало для международников из гражданского сектора событием критической важности, породив необходимость осмыслить последствия в категориях высокой абстракции и теорий среднего уровня, а также развивать базовую аналитическую инфраструктуру с привлечением специалистов из естественных и военных наук (RAND Corporation) См.: Buzan B., Hansen L. The evolution of international security studies / B. Buzan, L. Hansen – Cambridge University Press, 2009. – P.66.

[91] Наиболее заметным возражением на данный тезис, вероятно, будет указание на междисциплинарный характер исследований в области санкционной проблематики. Действительно, работа на данном направлении ведется с применением инструментов и категориального аппарата экономики, права, политической науки и некоторых более специфических областей (например, этики международных отношений). Однако это одновременное присутствие в академическом поле составляет, скорее, не синергию, а диссонанс: анализ источников и наблюдение за профессиональном сообществом показывают, что зачастую эксперты, рассуждая об одном и том же феномене, фактически не только говорят на разных

Но перед тем, как перейти к движению в сторону поставленной цели, необходимо сформулировать несколько важных предварительных замечаний.

Прежде всего, само понятие «западной» науки[92] применительно к теме санкционной экспертизы может употребляться только в относительно-инструментальном значении ввиду отсутствия консолидированной традиции как таковой; вероятнее, речь может идти о параллельном развитии нескольких страновых исследовательских треков. В частности, американский подход, подразумевающий значительное внимание к теоретическим аспектам выстраивания санкционных коалиций ad hoc отличается, например, от скандинавского, который преимущественно ориентирован на совершенствование концептуальных моделей сдерживающих механизмов через привлечение ООН[93]. В свою очередь, выявить объединяющий признак для большинства европейских авторов затруднительно в принципе, поскольку зафиксировать устойчивые корреляции не представляется возможным по нескольким причинам:

языках, но и демонстрируют альтернативные онтологические установки. Например, понятие вторичных тарифов, которое с лета 2025 г. стало частью санкционной практики США, не будучи закрепленным в нормативном поле, вызывает закономерные вопросы и критику у отечественных юристов и одновременно находит понимание у международников, что снижает эффективность коммуникации и одновременно является аргументом в пользу движения в сторону унификации подходов в рамках отдельного самостоятельного направления научного поиска.

[92] Для представления полной картины происходящего в рассматриваемой области знания необходимо обратить внимание на появление в последние годы т.н. незападных санкционных исследований (по аналогии с незападной политической наукой) в странах с соответствующим историческим прошлым, либо активно вовлеченных в текущую санкционную повестку, прежде всего, на пространстве БРИКС (Китай, Индия, ЮАР и др.) Среди основных форматов – экспертные материалы (См. например: Chen X., Garcia R.J. 2016. Economic Sanctions and Trade Diplomacy: Sanction-busting Strategies, Market Distortion and Efficacy of China's Restrictions on Norwegian Salmon Imports. // China Information. – 2016. – Vol. 30(1). pp. 29-57) и деятельность аналитических центров (См. например: Chongyang Institute for Financial Studies. Renmin University of China. [Электронный ресурс] // URL: http://rdcy.ruc.edu.cn/yw/HOME/index.htm (дата обращения: 01.06.2026). Однако в силу существенной языковой разрозненности, сложностей с получением информации из открытых источников и преимущественно точечным прикладным характером проводимой ими работы, в данной диссертации они предметно не разбираются.

[93] Речь идет о группе авторов, объединенных вокруг Университета Упсала, а также Института исследований мира в Осло, которые в 1960-е гг. внесли значимый вклад в методологический компонент дисциплины – Й. Хоффмане, П. Валленстине и Й. Галтунге и др.

Во-первых, несмотря на совокупный объем накопленных источников (даже если принимать за точку отсчета рефлексию первого эпизода применения санкций со стороны Совета Безопасности ООН против Южной Родезии в 1966 г., то история вопроса насчитывает уже более полувека), попытка учесть национальный фактор не даст репрезентативных результатов. Так, в отношении Италии полученная выборка, по оптимистичным оценкам, будет включать в себя не больше десятка фамилий с хедлайнером в лице Ф. Джумелли[94], что явно недостаточно для фундированных выводов[95].

Во-вторых, в рамках рассматриваемого направления зачастую действуют смешанные исследовательские коллективы, такие как группа под руководством Н. Бапата[96], что объективно осложняет возможность вычленить вклад конкретного участника и в дальнейшем провести соответствующие обобщения. Кроме того,

---

[94] См. например: Giumelli F. The Restrictive Measures of the European Union. Developing analytical categories to understand functions and utility of EU sanctions. // The International Spectator. – 2010. – Vol. 45(3). pp.131-144; Giumelli F. Coercing, Constraining, Signalling. Explaining UN and EU Sanctions after the Cold War. – Colchester: ECPR Press, 2011; Giumelli F. The Success of Sanctions: Lessons Learned from the EU Experience. – Routledge, 2013.

[95] При рассмотрении страновых треков в случае с европейскими авторами неизбежно возникает вопрос разбора источников на национальных языках. В общем виде ответ на него может быть дан следующим образом: определенный корпус не англоязычной европейской литературы по санкционной проблематике действительно существует и может стать темой отдельного самостоятельного исследования. Однако в данном материале не представлен его подробный анализ по следующим причинам:

— Во-первых, в сравнительной перспективе общий объем таких текстов невелик; у приводимого в качестве примера Ф. Джумелли можно обнаружить только 2 из более чем 20 работ, выполненных на итальянском языке (См.: Giumelli F. Da Sanzioni Comprensive a Sanzioni Mirate. L'Evoluzione di uno Strumento Fondamentale di Politica Estera in La politica internazionale in transizione ed. by Andreatta F., Zambernardi. – L. Bologna: Il Mulino, 2012.; Giumelli F. Le sanzioni internazionali: storia, obiettivi ed efficacia. – Il Mulino, 2023.), что можно считать репрезентативным показателем;

— Во-вторых, в них не содержатся значимые для дисциплины теоретико-методологические находки: как правило, это адаптация ключевых англоязычных авторских текстов для более узкой читательской аудитории;

— В-третьих, даже в случаях использования национального языка, авторы преимущественно ссылаются на англоязычные источники, что делает последние предпочтительными для осмысления.

[96] Bapat N., Tobias H., Kobayashi Yo., Morgan C. Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data. // International Interactions. – 2013. – Vol. 39(1). – Pp.79-98.

распространены ситуации, когда происхождение ученого не соответствует аффилиации с академическим либо исследовательским центром. Упомянутый скандинавский подход может позиционироваться в данном качестве с определенной долей условности на основании устойчивых профессиональных связей (включая публикационную активность) ряда экспертов с двумя университетами Норвегии и Швеции. Однако подобная практика представляет собой, скорее, исключение.

Таким образом, для удобства использования, в случаях, когда национальная принадлежность автора не имеет принципиального значения, сочетание «западная наука» может выступать синонимом англоязычного корпуса текстов.

Наконец, стоит остановиться на российском кейсе санкционных исследований, поскольку в силу нижеследующих факторов его имеет смысл рассматривать отдельно от западной традиции:

Во-первых, несмотря на исторически ранний старт (о чем будет более подробно говориться в соответствующем разделе), российская санкционная экспертиза – молодое направление, выросшее из реальной практической необходимости, возникшей вследствие т.н. «санкционного цунами» 2014 г., а не абстрактного научного интереса. При этом с учетом неизбежной инерции (то есть времени, требуемого для осмысления интересующего феномена), бóльшая часть работ начала выходить примерно начиная с 2017-2018 гг. Однако за столь скромный по меркам социально-гуманитарной области временной отрезок объем и вариативность форматов опубликованных текстов превысили уровень эпизодического внимания к теме[97].

Во-вторых, параллельно с курсом на экономическую суверенизацию в зарождающихся российских санкционных исследованиях также была предпринята попытка своего рода интеллектуального импортозамещения, подкрепленная как институциональными усилиями (среди прочего, создание в структуре Института международных исследований МГИМО МИД России Центра экспертизы

[97] Речь идет о таких форматах как экспертный комментарий, аналитический доклад, научная статья, монография, хрестоматия, учебно-методические материалы.

санкционной политики), так и оригинальными теоретико-методологическими находками (в частности, выявление по итогам дискурс- и контент-анализа нормативных документов принципиально новых модальностей глобальной санкционной политики)[98].

В-третьих, национальный подход отличает стремление «приземлить» полученный опыт, внедрив собственные наработки в дидактический процесс. Так, на базе ряда ВУЗов (в том числе, МГИМО МИД России, МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, РАНХиГС, МГЮА им. О.Е. Кутафина) реализуются специализированные учебные дисциплины и курсы профессиональной переподготовки по теме комплаенс, ориентированные на специфику существующей санкционной конъюнктуры.

В-четвертых, в отличие от разобранных выше примеров, отечественная исследовательская практика лингвистически гомогенна. За некоторыми немногочисленными исключениями[99], это, прежде всего, русскоязычные публикации для русскоязычной аудитории, что косвенно подтверждается показателями цитирования. Следовательно, можно сказать, что речь идет о довольно замкнутой системе производства и распространения знания[100].

Если обращаться к англоязычной исследовательской практике, то, как правило, лингвистическим маркером наличия специфической выделенной области являются термины «studies», либо «research», используемые как для описания непосредственно объекта (например, security studies, climate studies, maritime and naval studies, migration research и т.д.), так и в названии соответствующих структур

---

[98] Арапова Е.Я. Новые модальности глобальной санкционной политики // Международная аналитика. – 2023. – № 14(1). – С. 37-51.

[99] Vaslavskiy Y., Ananyev B., Sergi B. The Impact of International Sanctions on Russia's sustainable development. In: Exploring the Future of Russia's Economy and Markets: Towards Sustainable Economic Development. – Bingley: Emerald Publishing Limited, 2018.

[100] Ананьев Б.И. Меньше, чем школа, больше, чем инструмент? К вопросу об академической самостоятельности санкционных исследований // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2026. – 18(1). – С. 9-32.

(Centre for war studies[101], Center for strategic and international studies[102], Center for nonproliferation studies[103] и др.). В то же время, выражение «sanctions studies» (наиболее очевидный прямой аналог) не только не считается общеупотребительным в англоязычной литературе, но и используется достаточно редко, а применяемые конструкции, скорее, указывают на инструментально-ориентированное восприятие предмета. Это можно проследить на примере массива экспертных и методических материалов, в частности: Research handbook on economic sanctions, Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions, United Nations sanctions and the rule of law, UN sanctions and conflict: responding to peace and security threats, Economic sanctions in international law and practice и др[104].

Помимо особенностей словоупотребления, в качестве аргумента отмечается фрагментарность освещения санкций как обособленного феномена в работах по теории международных отношений[105]. Возможно, это связано с изначально

---

[101] Centre for war studies [Электронный ресурс]. University of Hull. URL: https://www.hull.ac.uk/work-with-us/research/groups/centre-for-war-studies (дата обращения: 01.06.2026).

[102] Center for strategic and international studies [Электронный ресурс]. URL: https://www.csis.org/ (дата обращения: 01.06.2026).

[103] Center for nonproliferation studies [Электронный ресурс]. Library of Congress, URL: https://www.loc.gov/item/lcwaN0003853/ (дата обращения: 01.06.2026).

[104] Peter A.G. van Bergeijk (ed.) Research Handbook on Economic Sanctions. – Edward Elgar Publishing, 2021.; Beaucillon C. (ed.) Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions. – Edward Elgar Publishing, 2021.; Farrall J.M. United Nations Sanctions and the Rule of Law. – Cambridge University Press, 2007.; Charron A. UN sanctions and conflict: responding to peace and security threats. – London: Routledge, 2011.

[105] Так, даже в экономикоцентричной парадигме комплексной взаимозависимости они, несмотря на имплицитное присутствие в общей линии рассуждений, концептуализированы достаточно поверхностно; механика и движущие силы, внутренняя логика и институциональные рамки практически не раскрываются как самостоятельный структурный компонент внешнеполитической деятельности. Парадоксально, но в теоретическом плане большее внимание санкциям уделяет классик раннего политического реализма Э. Карр. См.: Carr E.H. The twenty years' crisis 1919-1939. An introduction to the study of international relations. [Электронный ресурс] / E.H. Carr // London: MacMillan&Co, 1946. – P.14. URL: https://hostnezt.com/cssfiles/internationalrelations/Twenty%20Years%20Crisis%201919%201939%20an%20Introduction%20to%20the%20Study%20of%20International%20Relations%20By%20E%20H%20Carr.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

ограниченным объяснительным потенциалом больших парадигм[106], что находит подтверждение в некоторых источниках:

«<…> Теории эффективности санкций так и не стали частью более общей теории международных отношений. То же можно сказать и о политической теории в целом. На то были свои причины. Фундаментальная теория мало что давала прикладным исследованиям политики санкций – дистанция между общими категориями и конкретными прикладными проблемами оказывалась слишком большой. Кроме того, последние 30 лет, на которые и пришелся расцвет исследований санкций, характеризовались относительно стабильной международной средой. <…>»[107].

«Существующая теоретическая литература довольно противоречиво и рассогласовано подходит к оценке влияния позитивных либо комбинированных санкций на ход международных конфликтов. Исследования, сосредоточенные вокруг внутриполитических факторов, рассматривают позитивные и негативные санкции как логически неразличимые в рамках игры с нулевой суммой в отношении выгод и потерь. В то же время, в работах, построенных на анализе взаимоотношений конфликтующих сторон, иногда признается разница между кнутом и пряником, но они не дают никакого представления об особенностях комбинированных санкционных стратегий»[108].

Таким образом, при рассмотрении обозначенных выше положений, может возникнуть впечатление, что санкции в англоязычном дискурсе не выходят за рамки в лучшем случае теорий среднего уровня, а потребность в их осмыслении в категориях оригинальной области научного поиска не входит в число приоритетных.

---

[106] Ананьев Б.И. Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации // Вестник международных организаций. – 2019. – №3. – С. 136-150.

[107] Тимофеев И.Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Полис. Политические исследования. – 2023. – №2. – С. 105.

[108] Jaeger M. Coercive Sanctions and International Conflicts. A Sociological Theory. – Routledge, 2018. p. 20.

С другой стороны, было бы безосновательно утверждать, что в западной науке не сложилось преемственности и стройности в изучении санкционной проблематики, и это не позволяет ей претендовать на академическую субъектность. Во-первых, при знакомстве с корпусом профильной литературы можно обнаружить сквозной уникальный категориально-понятийный аппарат, который – что немаловажно – отражает эволюцию взглядов экспертного сообщества. Например, введенное Г. Хуфбауэром в 1983 г. и впоследствии ставшее общеупотребительным понятие «черных рыцарей» – государств, способствующих обходу ограничений подсанкционными режимами[109] – уходит корнями в полемику 1920-х гг. относительно возможностей санкционной архитектуры Лиги Наций[110]. Фактически речь идет о более чем полувековой интеллектуальной динамике, что является весомым аргументом в пользу наличия соответствующей исследовательской традиции. Аналогичное верно и в отношении т.н. парадокса Дрезнера – концепции, опровергающей линейную зависимость между жесткостью ограничений, ориентированных на политические изменения в стране-мишени, и перспективами их успеха. Так, вопрос о целесообразности применения механизмов экономического сдерживания для достижения политически-мотивированных целей поднимался уже в 1960-е гг.; в частности, американский юрист-международник Г. Дж. Таубенфельд, внедривший в дисциплину методику кейс-стади, отмечал следующее: «Поскольку для большинства государств существует альтернатива в виде развития в русле реалистской парадигмы, политические игры с мировой торговлей или однонаправленной помощью – это опасная, саморазрушительная партия для сторонников открытого мира. <…> Таким образом, внешнее экономическое давление определенно менее перспективно в случае жестко-централизованных, чем демократических режимов. <…> Наиболее очевидный вывод заключается в следующем: союзники США с высокой степенью

[109] Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. Third Edition. – Peterson Institute for International Economics, 2009.

[110] Mitrany D. Le problème des sanctions internationals. [Электронный ресурс] / D. Mitrany // Paris, 1926. – P.37. URL: Le problème des sanctions internationales : Mitrany, David : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 01.06.2026).

зависимости от Вашингтона (особенно, если их политические институты выстроены по Западному дизайну) – лучшие кандидаты для экономических санкций в случае соответствующего решения коллективного Запада. <…> В то же время зависимые от СССР страны с плановой экономикой попросту менее уязвимы»[111]. Как и в предыдущем примере, здесь прослеживается последовательное движение в теоретико-методологической плоскости, которое получило свой современный вид в результате задействования элементов игрового моделирования[112].

Однако важно заметить, что характер научного поиска на данном направлении в целом не отличается равномерным поступательным приращением знания, а, скорее, выстраивается вокруг знаковых системообразующих работ и последующих дискуссий относительно их методологии, содержания и выводов. В частности, уже упоминавшийся выше программный материал «Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy», с одной стороны, стал органичным продолжением ранее начатых обсуждений эффективности санкций; с другой, положил начало новой волны рефлексии по теме. Схематично этот цикл можно представить следующим образом: Economic sanctions (1981)[113] – Economic sanctions in support of foreign policy goals (1983)[114] – Dilemmas of economic coercion: sanctions in world politics (1983)[115] – Economic sanctions reconsidered: history and current

---

[111] Taubenfeld H.J, Taubenfeld R. The Economic Weapon: The League and the United Nations // Proceedings of the American Society of International Law. – 1964. pp. 193-194.

[112] Внедрение компонентов теоретико-игрового моделирования в виде не только ранее распространенного анализа кейсов, но и ожиданий участников потенциального конфликта, который будет сопровождаться введением санкций, стало важной методологической находкой Д. Дрезнера. См.: Drezner D. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

[113] Renwick R. Economic sanctions. – Cambridge: Center for International affairs, Harvard University, 1981.

[114] Hufbauer G., Shott J. Economic sanctions in support of foreign policy goals. – Washington, DC: Institute for International Economics, 1983.

[115] M. Nincic, P. Wallensteen (ed) Dilemmas of Economic Coercion: Sanctions in World Politics. – New York: Praeger Publishers, 1983.

policy (1985)[116] – International sanctions in theory and practice (1987)[117] – Why economic sanctions do not work? (1997)[118] – Why economic sanctions still do not work (1998)[119] – The sanctions paradox: economic statecraft and international relations (1999)[120]. Другим примером может служить серия публикаций 1960-х гг., посвященная совершенствованию процедуры анализа кейсов, а именно: The economic weapon: the League and the United Nations (1964)[121] – The functions of economic sanctions: a comparative analysis (1967)[122] – On the effects of international economic sanctions, with examples from the case of Rhodesia (1967)[123] – Characteristics of economic sanctions (1968)[124].

Во-вторых, при оценке ситуации видится рациональным ориентироваться и на косвенные показатели; в частности, на широту представленности темы на ведущих специализированных площадках. Если обратиться к архивным материалам старейшей и одной из самых влиятельных профильных организаций – Ассоциации международных исследований (International Studies Association. ISA), которая объединяет более 7000 специалистов в области международных отношений, то можно обнаружить, что в рамках ее ежегодных Конвентов за период с 2009 по 2024 гг. (выборка обусловлена наличием программ в открытом доступе) состоялось по меньшей мере 86 панелей и круглых столов, связанных с

---

[116] Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. Third Edition. – Peterson Institute for International Economics, 2009.

[117] Doxey M. International sanctions in theory and practice. – Basingstoke: Macmillann, 1987.

[118] Pape R. Why Economic Sanctions Do Not Work // International Security. – 1997. – Vol.22(2). pp. 90-136.

[119] Pape R. Why Economic Sanctions Still Do Not Work // International Security. – 1998. – Vol.23(1). pp. 66-77.

[120] Drezner D. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

[121] Taubenfeld H.J, Taubenfeld R. The Economic Weapon: The League and the United Nations // Proceedings of the American Society of International Law. – 1964. pp. 183-205.

[122] Hoffmann F. The Functions of Economic Sanctions: a Comparative Analysis // Journal of Peace Research. – 1967. – Vol 4(2). pp. 140-160.

[123] Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions, With Examples from the Case of Rhodesia // World Politics. – 1967. – Vol. 19(3). pp. 378-416.

[124] Wallensteen P. Characteristics of Economic Sanctions // Journal of Peace Research. – 1968. – Vol. 5(3). p. 254.

санкционной проблематикой[125]. При этом сравнительный анализ показывает, что события 2014 г. не оказали существенного влияния на их количество: начиная с 2015 г. можно наблюдать постепенный рост, однако медианные значения до и после оставались в целом сопоставимыми Данные мероприятия попадают в широкий спектр направлений – от безопасности и политической экономии, до новых трендов в изучении внешней политики, что одновременно говорит о высокой востребованности и междисциплинарном характере[126].

Вместе с тем, обращает на себя внимание отсутствие явного стремления скоординировать усилия и определить общие рамки, которые могли бы стать основой для создания специализированной области политической науки. Другими словами, в профессиональном сообществе санкции пока что не воспринимаются как феномен, претендующий на центральное место в отдельном направлении рефлексии международной повестки.

Специфика отечественного подхода к разработке концепции экономических ограничений обусловлена следующими важными вводными.

Во-первых, его в целом можно охарактеризовать как реактивный, то есть, сформировавшийся в силу необходимости отреагировать на международно-политический контекст, сложившийся в результате первого «санкционного цунами» 2013-2014-х гг. При этом, существуют и заслуживающие внимания исключения, которые, однако, скорее, подтверждают правило. Например, в 1936 г. СССР представил собственный взгляд на противодействие международной агрессии в рамках Лиги Наций, воплощенный в одноименной монографии Д. Борисова «Санкции»[127]. Безусловно, оценивать ее необходимо, прежде всего, с учетом преобладания соответствующей идеологической рамки, но и игнорировать

---

[125] При работе с программами Конвентов ключевыми словами для поиска были фигурировавшие в темах мероприятий термины «sanctions», «economic coercion» и «boycotts». См.: Past ISA Conferences and Programs. International Studies Association. [Электронный ресурс] // URL: https://www.isanet.org/Conferences/Archive (дата обращения: 01.06.2026).

[126] Ананьев Б.И. Меньше, чем школа, больше, чем инструмент? К вопросу об академической самостоятельности санкционных исследований // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2026. – 18(1). – С. 9-32.

[127] Борисов Д. Санкции. – Соцэкгиз, 1936.

ее представляется нецелесообразным. Само присутствие в повестке говорит о том, что Москва держала руку на пульсе актуальных международных трендов: к моменту признания со стороны ведущих государств, Советская Россия уже сталкивалась с массовым применением санкций против внешнеторговой деятельности[128], следовательно, накопленный опыт позволял ей предметно и легитимно высказать позицию. Наконец, в основу анализа был положен принцип рассмотрения политических мотивов использования рестрикций, который в возрожденном виде широко применяется в отечественной академической среде. Тем не менее, текст Д. Борисова не вышел за масштабы единичного исследования; в период массового применения как односторонних, так и санкционированных ООН ограничений в 1950-2000-е гг. интерес к теме фактически угас. Более того, даже постепенное, но устойчивое возвращение Вашингтона к политике экономического сдерживания России (только в период с 1992 по 2008 гг. США как минимум 12 раз прибегали к подобным мерам[129]) не стало катализатором увеличения корпуса профильной литературы, а реальный рост количества публикаций пришелся на отрезок после 2017-2018-х гг. Таким образом, принимая во внимание поздний старт, сложно говорить о самостоятельной полноценной традиции, потребность в которой, между тем, ощущается достаточно остро: «С учетом того, что Россия находится в эпицентре современной политики санкций, перед отечественной наукой встает как задача проведения профессиональных эмпирических исследований, так и необходимость их теоретических обобщений с выходом за пределы теорий среднего уровня»[130].

---

[128] Так, в результате блокады со стороны Верховного совета Антанты и присоединившейся к ней по итогам Версальского договора Германии, торговый оборот РСФСР за год снизился практически в 35 раз: с 88,9 млн руб. в 1918 г до 2,6 млн руб. в 1919 г. См.: Санкции Запада против СССР. Досье. ТАСС. 10.03.2016 [Электронный ресурс] // URL: https://tass.ru/info/2728444?ysclid=mkgtuoumgv820570955 (дата обращения: 01.06.2026).

[129] При этом, как правило, данные санкции вводились на ограниченный срок и по его истечении снимались в соответствии с установленной процедурой. См.: Санкции США в отношении российских компаний в 1992-2008 гг. Справка. РИА Новости. 24.10.2008 [Электронный ресурс] // URL: https://ria.ru/20081024/153760143.html (дата обращения: 01.06.2026).

[130] Тимофеев И.Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Полис. Политические исследования. – 2023. – №2. – С. 116.

Во-вторых, поскольку к моменту активизации российских авторов категориально-понятийный аппарат, а также общие особенности соответствующего дискурса уже оформились хронологически, произошло их закономерное заимствование. Следовательно, специалисты практически не используют языковые средства, характеризующие их деятельность как интеллектуально самодостаточную область. Среди приверженцев альтернативного стиля организации аналитического процесса выделяется И. Тимофеев, сосредоточивший усилия не только на «классическом» разборе кейсов, но и на поиске онтологических основ санкционной политики. Что касается оригинальных концептуальных решений, стоит отметить М. Братерского, который еще в 2010 г. сформулировал несколько нестандартных эвристически ценных выводов: «Другое важное свойство экономических санкций состоит в том, что они лишь инструмент внешней политики, но никогда не становятся ее воплощением. Это соображение очень существенно при оценке эффективности санкций: санкции как таковые могут возыметь тот или иной эффект, однако оценивать следует эффективность не санкций, а политики, частью которой они являются. Утверждения о неэффективности экономических санкций, часто встречающиеся в литературе и политических заявлениях, сами по себе не имеют смысла, так как их авторы часто путают оценки инструментальной эффективности санкций с оценками эффективности той или иной политики. <…> На деле применение санкций часто преследует больше внешнеполитических целей, чем объявлено официально, и порой заявленная цель введения санкций отнюдь не главная»[131]. И несмотря на то, что намеченная линия не получила прямого развития в виде последующего планомерного выстраивания вокруг нее системы, претендующей на статус школы, вероятно, такой сценарий может быть реализован.

В-третьих, задачи, стоящие перед Москвой в области санкционной повестки, в силу объективных обстоятельств, носят, прежде всего, прагматичный характер в виде внедрения стратегии адаптации к существующим и потенциальным

[131] Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики. – М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010. С. 100-101.

ограничениям. В этом смысле, развитие, выходящее за пределы теорий среднего уровня и, следовательно, требующее большего объема ресурсов, может восприниматься избыточным, поскольку вопросы, составляющие изначально академический интерес, как правило, закономерно отходят на второй план. Аналогичным образом объясняется в целом относительно небольшое число отечественных работ теоретико-методологического плана; впрочем, здесь прослеживается хоть и не резкая, но положительная динамика[132].

Совокупность рассмотренных аргументов позволяет предположить, что возможное становление российской традиции санкционных исследований с характерными дискурсивными и инструментальными признаками является в значительной степени вопросом времени. В пользу этого утверждения также свидетельствует постепенное формирование инструментария, направленного на концептуализацию специфики отечественной санкционной политики, а также преодоление ограничений, выявленных при анализе уже существующих методологических решений. В первую очередь, это разноформатные базы данных, в частности:

B2B софт X-Compliance от группы Интерфакс, позволяющий производить поиск подсанкционных лиц и связанных с ними активов, отслеживать новости по теме и динамику изменения ситуации[133];

---

[132] Ананьев Б.И. Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации // Вестник международных организаций. – 2019. – №3. – С. 136-150; Арапова Е.Я. Новые модальности глобальной санкционной политики // Международная аналитика. – 2023. – № 14(1). – С. 37-51; Корольков В.Е., Смирнова И.А., Ерофеева Т.А. Политика санкций как инструмент современных международных отношений. – Прометей, 2022.; Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Давранова С.Б., Наджаров А.М. Теоретико-методологические аспекты изучения санкционной политики Запада // Полис. Политические исследования. – 2024. - №1. – С. 7-20.

[133] X-Compliance. Информационная группа «Интерфакс». [Электронный ресурс] URL: https://x-compliance.ru/?ysclid=mkjnbxh1ih69281222 (дата обращения: 01.06.2026).

Коммерческий продукт Российского совета по международным делам (База данных санкционных событий), фиксирующий отдельные эпизоды введения ограничений и специфику их имплементации[134];

Портал SanstionsRuBase+, созданный представителями Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, на котором размещены базы «Мониторинг конфискации российских активов и доходов от российских активов» и «Санкционные ограничения в отношении физических и юридических лиц», а также информация по актуальной повестке[135].

Резюмируя, национальное экспертное сообщество может двигаться в сторону школы по «принципу матрешки», то есть, преимущественно индуктивно за счет драйвера в виде эмпирического компонента и последующей надстройки теоретического аппарата, который, в свою очередь, тестируется на дальнейших кейсах.

[134] Тимофеев И.Н. Как исследовать политику санкций? Стратегия эмпирического исследования // Международная аналитика. 2023. Т.14. № 1. С. 22-36.

[135] База данных антироссийских санкций SanctionsRuBase+. [Электронный ресурс] URL: https://sanctionsbase.hse.ru:8443/home (дата обращения: 01.06.2026).

1.2. Санкционные исследования первой трети XX в.: политико-экономический контекст, категориально-понятийный аппарат, теоретико-методологические тренды

Санкционная проблематика в ее приближенном к современному и – следовательно – актуальному для рассмотрения виду стала предметом рассмотрения политической науки в XX в. При этом, результат работы с источниками позволяет говорить о нескольких выраженных всплесках интереса академического и экспертного сообщества к вопросу ограничительных экономических мер.

Первый подобный пик пришелся примерно на середину 1920-1930-е гг. и был связан с деятельностью Лиги Наций. Однако, строго говоря, его корни следует искать в предшествовавших событиях, а именно в итогах Первой мировой войны, которые стали возможны не в последнюю очередь благодаря целенаправленному воздействию на наиболее чувствительные сектора экономики Центральных держав. Так, выдающийся историк экономики XX в А. Туз дает этим процессам недвусмысленную оценку: «С зимы 1916/17 года жители городов Германии и Австрии начали понемногу голодать. Обеспечение поставок продовольствия и угля в тыл было не побочным моментом в Первой мировой войне, а важнейшим фактором, определявшим окончательный исход событий. Для того чтобы экономическое давление оказало воздействие, требовалось время, но в конечном счете оно было решающим»[136]. Менее категорично по форме, но аналогично по содержанию высказывается в «Кембриджской истории Первой мировой войны» профессор А. Крамер: «Можем ли мы говорить о том, что ключом к победе стала экономика? <…> К концу войны <…> слабость немецкой логистики в критически значимых областях говорила сама за себя, поскольку недостаток в горюче-смазочных материалах, топливе и резинотехнических изделий значительно влиял на мобильность всей армии. <…> В то время как немецкие войска не сталкивались

[136] Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. – М.: Издательство Института Гайдара, 2017. С. 36.

с голодом, недостаток продовольствия и униформы в вооруженных силах Австро-Венгрии и Турции стал основным фактором капитуляции»[137].

Стоит отметить, что позиция, высказанная спустя практически 100 лет после рассматриваемых событий, в целом резонирует с оценками их современников, согласно которым окончательная победа была достигнута не столько на поле боя, сколько на «внутреннем фронте» за счет общего перенапряжения кайзеровского режима[138]. Так, выступая перед Палатой Лордов в 1918 г., лорд-председатель Совета Дж. Керзон недвусмысленно отметил: «Я сильно сомневаюсь, что если бы Германия при вступлении в войну могла предвидеть финансово-экономические последствия, которые наступили на второй, третий и четвертый год кампании, она бы проявила бы подобное стремление к конфликту»[139]. В аналогичном ключе высказался председатель Союзного комитета по нормированию и статистике[140]М. Пармали, который не только подчеркнул вклад британской морской блокады Германии в результат боевых действий[141], но и обратил внимание на зачастую неизбирательный характер ее результатов: «[по прошествии времени. – Ананьев] обе стороны стали более безрассудными и беспринципными, так что к концу войны в их действиях прослеживалось все меньше приверженности нормам международного права»[142].

---

[137] Kramer A. Blockade and economic warfare, in J. Winter (ed.) The Cambridge History of the First World War. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. p. 488.

[138] Wallensteen P. A Century of Economic Sanctions: A Field Revisited. [Электронный ресурс] // Uppsala Peace Research Papers. – 2000. – No.1. – P.1. URL: https://uu.diva-portal.org/smash/get/diva2:76170/FULLTEXT01.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

[139] Mitrany D. Le problème des sanctions internationals. [Электронный ресурс] / D. Mitrany // Paris, 1926. – P.37. URL: Le problème des sanctions internationales : Mitrany, David : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 01.06.2026).

[140] Союзный комитет по нормированию и статистике – межгосударственная структура, функционировавшая в рамках антигерманской коалиции в Первой мировой войне.

[141] Parmelle M. Blockade and sea power; The Blockade, 1914–1919, and its significance for a world state. – New York, Thomas Y. Crowell Co, 1924.

[142] Цит. по: Ware S.L. Reviewed work(s): blockade and sea-power by Maurice Parmelee. [Электронный ресурс] // The Sewanee Review. – 1925. – Vol. 33, No. 1. – P.121. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/27533845.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

Иными словами, реальный опыт масштабного применения экономического оружия показал не только его потенциал, но и сформировал в экспертном сообществе убежденность в необходимости актуализации правил и ограничений его использования.

Как следствие, в послевоенной повестке вопрос регулирования ограничительных экономических мер приобрел не только практический, но и нормативный характер, получив непосредственное закрепление в XVI Статье Статута Лиги Наций, включенного в полный пакет документов Парижской мирной конференции. Согласно тексту соглашения, в случае, если какое-либо государство-участник прибегнет к военным мерам, оно «будет считаться совершившим акт войны против всех других членов Лиги, которые настоящим обязуются немедленно подвергнуть его разрыву всех торговых или финансовых отношений, запрещению любых сношений между их гражданами и гражданами нарушившего пакт государства и предотвращению всех финансовых, коммерческих или личных сношений между гражданами нарушающего пакт государства и гражданами любого другого государства, независимо от того, является ли оно членом Лиги или нет»[143]. Кроме того, важно обратить внимание на пункт, содержащий условия сглаживания возможных негативных последствий реализации данной стратегии, который предусматривает возможность взаимной поддержки «в финансовых и экономических мерах, принимаемых в соответствии с настоящей статьей, чтобы свести к минимуму потери и неудобства, вытекающие из вышеупомянутых мер»[144], а также предполагающий координацию действий «в сопротивлении любым особым мерам, направленным против одного из них» со стороны государства-нарушителя[145].

Однако важно подчеркнуть, что само появление в Статуте XVI (как показала история, нежизнеспособной) «санкционной» статьи в представленной выше

---

[143] The Covenant of the League of Nations [Электронный ресурс]. June 28, 1919. URL: https://gclnk.com/fYwNaHQx (дата обращения: 01.06.2026).

[144] Там же.

[145] Там же.

формулировке стало следствием не столько убедительно-конструктивной риторики либерального интервенционизма, предложившего миру новые равновесные правила игры, как это принято позиционировать в отечественной традиции изучения и преподавания истории международных отношений первой половины XX в[146]. Работа с источниками показывает, что в данном случае речь, скорее, должна идти о жестком политическом торге и даже практически силовом консенсусе со стороны США. В частности, позиция В. Вильсона по вопросу программных «Четырнадцати пунктов» состояла в необходимости «принудить»[147] европейских союзников принять невоенные положения документа[148]. В этом смысле особенно изящно звучит академический рефрен со стороны И. Тимофеева, в 2019 г. определившего политику санкций как «принуждение непокорных»[149]. Еще более показательной выглядит ситуация вокруг Женевских протоколов 1920-х гг.,[150] в частности – что наиболее ценно в контексте темы диссертации – в отношении введения международных санкций. Так, комментируя краеугольный пункт о механизме морской блокады как наиболее эффективного на тот момент инструмента сдерживания Госсекретарь Э. Хьюз заявил, что США не будут мириться с односторонними действиями Великобритании и Франции даже в случае их санкционирования со стороны Лиги Наций, которая будет рассматриваться

---

[146] См. например: Тимофеев И.Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Полис. Политические исследования. – 2023. – №2. – С. 103-119.

[147] Об этом см.: Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. – М.: Издательство Института Гайдара, 2017. С. 174.

[148] Например, Франция и Италия возражали против включения формата Лиги Наций в тексты пакета документов послевоенного урегулирования, соглашаясь при этом с разумностью идеи самой организации.

[149] См.: Тимофеев И. Принуждение непокорных. Идеальный шторм санкционной войны: доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». [Электронный ресурс] / И. Тимофеев, 2019. URL: http://ru.valdaiclub.com/ files/24564/ (дата обращения: 01.06.2026).

[150] Речь, в первую очередь, идет о Женевском протоколе от 02.10.1924 г. «О мирном разрешении международных споров», связанном с XVI «санкционной» Статьей Статута Лиги Наций. См.: Протокол о мирном разрешении международных споров, принятый V Собранием 2 октября 1924 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/140588-protokol-o-mirnom-razreshenii-mezhdunarodnyh-sporov-prinyatyy-v-sobraniem-2-oktyabrya-1924-g#mode/inspect/page/10/zoom/4 / (дата обращения: 01.06.2026).

США как потенциально враждебная организация[151].Соответственно, в качестве единственно приемлемого решения американский внешнеполитический истеблишмент видел предоставление Вашингтону возможности ветировать любые санкции, введенные Лигой Наций[152].

Из сказанного следует несколько важных промежуточных выводов:

Во-первых, система законодательного регулирования и практики применения международных экономических санкций, сформированная в первой трети XX в. и претерпевшая, по сути, лишь незначительные концептуальные изменения, представляет собой производный продукт либерального интервенционизма[153], то есть, идеи глобального управления, а также ее соответствующего доктринального и интеллектуального обеспечения. Базовыми компонентами архитектуры либерального интервенционизма выступают легитимные международные институты/режимы, экономическая взаимозависимость и стремление к универсализации политической карты мира путем тиражирования демократии «западного» образца.

Во-вторых, работа над формированием нормативной базы применения легитимных коллективных санкций со стороны Лиги Наций изначально подразумевала очевидный ролевой дисбаланс. Американский – то есть, флагманский проект подразумевал получение Вашингтоном статуса супергосударства, когда полномочия последнего в области санкционной политики приравнивались к коллективным возможностям Лиги в целом. Несмотря на то, что формального закрепления американская инициатива не получила, послевоенная конфигурация центров силы, обусловленная экономической зависимостью ведущих европейских государств от США, стала ее фактическим воплощением.

---

[151] Yearwood P. Guarantee of Peace: The League of Nations in British Policy, 1914–1925. – Oxford, 2009. p. 342.

[152] Об этом см.: Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. – М.: Издательство Института Гайдара, 2017. С. 356.

[153] Либеральный интервенционизм также известен как либеральный интернационализм. В данном случае для акцентирования его экспансионистской природы используется первый вариант термина.

«Порой всем нам приходится считаться с фактами»[154]: так в 1924 г. прокомментировал реальное положение дел британский посол Э. Говард.

В-третьих, с точки зрения модальности использования, санкции действительно можно считать инструментом принуждения непокорных. Однако логика процесса работы над процедурой их внедрения в формирующийся миропорядок говорит о том, что изначально под непокорными подразумевались, скорее, не потенциальные государства-агрессоры, а Великобритания и Франция – страны-победители, обладающие потенциалом к будущему лидерству на международной арене. Следовательно, уместным будет говорить о санкциях в том числе и как об инструменте сдерживания потенциальных конкурентов в условиях борьбы за гегемонию.

В-четвертых, упомянутый выше либеральный интервенционизм, положенный в основу внешнеполитической логики США, начиная с 1920-х гг., при внимательном рассмотрении демонстрирует выражено двойственную природу. Для «внешнего потребителя» индоктринация, в первую очередь, выстраивалась вокруг образа В. Вильсона – идеалиста в Овальном кабинете, для которого не чужды морализм и даже иррациональная вера в собственные утопические идеи мира открытых дверей, порядка и правил. Таким президент, в частности, представлен в «Двадцатилетнем кризисе» – работе британского специалиста-общественника Э. Карра, которую в отечественной исследовательской традиции принято связывать с оформлением теории международных отношений как академической дисциплины[155]. Полемизируя со сторонниками «элегантных сверхструктур»[156] (глобальных институтов и набирающей популярность идеи коллективной безопасности), Э. Карр относит В, Вильсона к «интеллектуалам в

---

[154] Цит. по: Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. – М.: Издательство Института Гайдара, 2017. С. 356.

[155] См. например: Алексеева Т.А. Алексеева Т.А. Рождение мифа: начало первых «великих дебатов» в теории международных отношений // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. - №6(45). – С. 30-39.

[156] Цит. по: Алексеева Т.А. Рождение мифа: начало первых «великих дебатов» в теории международных отношений // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. - №6(45). – С. 36.

политике» – архетипу, для которого характерны вера в политический прогресс и одновременная неспособность понять существующую реальность, которая «не отвечает их высоким стандартам»[157]. Вместе с тем, оценка экономических возможностей Вашингтона после Первой мировой войны на практике реализовать идеалистические представления Вильсона о миропорядке позволяет сделать вывод о том, что США обладали необходимым ресурсным потенциалом, который, однако, не был задействован[158]. Таким образом, карровская оценка, вероятно, требует пояснения, которое может заключаться в следующем. В отличие от работы на внешнюю аудиторию, в случаях взаимодействия с важными для внутриполитической ситуации группами интересов Лауреат Нобелевской премии мира 1919 г. совершенно иначе формулировал собственную позицию, представляя предельно прагматичный взгляд на реальную конфигурацию институтов и будущий миропорядок, выстроенный по формуле:

А) США избегают прямого вовлечения в «горячие» конфликты;

Б) В случае крупного «горячего» конфликта сверхзадача для Белого дома – отсутствие однозначного победителя, способного капитализировать результат, будь то непосредственно экономическая составляющая, либо косвенный эффект, связанный с изменением баланса сил;

В) Пункты А) и Б) в совокупности создают ситуацию, когда при сохраняющейся зависимости ведущих государств Европы от американской экономики Вашингтон де-факто получает статус арбитра по ключевым вопросам глобальной повестки;

---

[157] Carr E.H. The twenty years' crisis 1919-1939. An introduction to the study of international relations. [Электронный ресурс] / E.H. Carr // London: MacMillan&Co, 1946. – P.14. URL: https://hostnezt.com/cssfiles/internationalrelations/Twenty%20Years%20Crisis%201919%201939%20an%20Introduction%20to%20the%20Study%20of%20International%20Relations%20By%20E%20H%20Carr.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

[158] А. Туз четко фиксирует это несоответствие реальных и декларируемых целей и принципов американской политики в период построения послевоенного миропорядка в виде вопроса: «Если США стремились к тому, чтобы создать мир открытых дверей, имея в своем распоряжении огромные ресурсы для достижения этой цели, то почему развитие событий пошло совсем по другому руслу?». См.: Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916-1931 годы. – М.: Издательство Института Гайдара, 2017. С. 20.

Г) Стратегия сохранения приемлемого статус-кво включает в себя распространение идеологемы, в рамках которой Вашингтон выступает ключевым выразителем и защитником идей и ценностей порядка, созидания и движения к общему благу.

В качестве примера уместно обратиться к выступлению перед Сенатом 22.01.1917 г. «Мир без победы», в котором В. Вильсон четко обозначил отсутствие интереса напрямую возглавить международную коалицию в том или ином виде (позже это найдет отражение в дистанцировании от участия в делах Лиги Наций), при этом приравняв принципы американской политики к позиции «всего просвещенного и прогрессивного человечества»[159]. Стоит заметить, что подобная практика в качестве компонента политической культуры США с течением времени не утратила актуальности, в том числе вне привязки к политической принадлежности, будь то демократ Дж. Картер[160] или республиканец Д. Трамп[161]. Однако, с учетом масштаба исторического наследия и укоренившейся репутации политика-идеалиста, именно В. Вильсона можно назвать апологетом практики «двойного нарратива»[162]. Кроме того, сказанное выше вписывается в более широкую дискуссию о преемственности основ внешнеполитического курса США, а также уместности использования дихотомии реализма и либерализма для ее анализа и оценки.

---

[159] President Woodrow Wilson «Peace Without Victory» speech, January 22, 1917. 64th Cong., 23 Sess., Senate Document No. 685: «A League for Peace». [Электронный ресурс] // URL: https://web.mit.edu/21h.102/www/Wilson%20Peace%20Without%20Victory.htm / (дата обращения: 10.12.2024).

[160] В качестве примера «двойного нарратива», продвигаемого Дж. Картером на посту Президента США, можно отметить т.н. «зеленую повестку» в виде обязывающей политики для развивающихся стран и одновременно символически-добровольного комплекса мер для США.

[161] В свой первый президентский срок Д. Трамп часто прибегал к использованию «двойных нарративов»; в частности, к ним можно отнести формирование мифа о президенте, чья миссия заключается в избавлении от тяжелого внешнеполитического наследия предыдущей администрации за счет взаимовыгодных решений, с одновременным жестким санкционным давлением на режимы, действующие вопреки логике интересов Вашингтона.

[162] Фактически, речь идет о феномене, который А. Вильдавски, описывая специфику американской политической культуры, позже назовет «двойным президентством». См.: Wildavsky A. The Two Presidencies. // Trans-action, Society. – 1966. – Vol. 4. pp. 7-14.

Тем не менее, нормотворчество и политический торг сами по себе не тождественны академической дискуссии, поэтому факт наличия в Статуте Лиги Наций «санкционной» XVI Статьи и последующей жесткой конкуренции за право интерпретации ее применения при работе над Женевскими протоколами еще не говорит о предметном интересе научного сообщества к теме санкций. В этом смысле, значительно более весомым свидетельством становления предметного поля является созданная в 1925 г. Д. Митрани брошюра «Проблема международных санкций»[163], которая может претендовать на статус программной. Работа была позитивно воспринята в академической среде, получив статус «скрупулезно честной и очень доходчивой»[164], что в целом не вызывает замечаний[165]. Помимо разбора важных технических деталей, связанных с правовым обеспечением и деятельностью Лиги Наций)[166], выдержанное в духе

---

[163] Mitrany D. Le problème des sanctions internationals. [Электронный ресурс] / D. Mitrany // Paris, 1926. – 99 p. URL: Le problème des sanctions internationales : Mitrany, David : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 01.06.2026).

[164] Arnold-Forster W. The Problem of International Sanctions // Journal of the British Institute of International Affairs. – 1926. – Vol. 5, Issue 1. p. 44.

[165] Важно отметить, что работа Д. Митрани – это не автономный исследовательский проект, а, скорее, закономерный результат развития начатой ранее рефлексии в области снижения международной напряженности после Первой мировой войны. Как отмечает сам автор, он, в частности, опирается на интеллектуальный импульс, связанный с разоружением и безопасностью, который нашел отражение в исследовании «Драфт договора о разоружении и безопасности». См.: Shotwell J. Text of the draft treaty of disarmament and security. – New York, 1924. В то же время, данная диссертация хронологически выстраивается именно от текста Д. Митрани, поскольку последний вывел тему международных экономических санкций на уровень научной проблемы, а не набора частных инструментальных решений, реализуемых в ходе действующих вооруженных конфликтов.

[166] Среди подобных технических вопросов целесообразно выделить два:

1) Неопределенный правовой статус внешней агрессии – «Как трактовать понятие внешней агрессии, определение которого не приводится в Статусе либо каком-то ином правовом документе Лиги Наций?». Mitrany D. Le problème des sanctions internationals. [Электронный ресурс] / D. Mitrany // Paris, 1926. – P. 18. URL: Le problème des sanctions internationales : Mitrany, David : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 01.06.2026);

2) Соотношение рамочных и узкоспециализированных норм применительно к оценке эффективности санкционной политики – «В вопросе разрешения международных конфликтов мирным путем Женевский протокол [1924 г. – Ананьев], несомненно, представляет собой более проработанный источник права, чем Статут Лиги Наций. <…> Из этого следует, что несмотря на значительное число стран, приверженных его положениям, Статут не является идеальным

функционального подхода к международному порядку, исследование Д. Митрани при относительно небольшом объеме не только суммирует релевантный к моменту его создания опыт применения экономических ограничительных мер, но и идет дальше к более высокой ступени теоретизирования. Однако с позиций сегодняшнего дня текст, скорее, производит двойственное впечатление.

С одной стороны, уровень авторской рефлексии подтверждается глубиной и точностью сформулированных вопросов. Какова глубинная природа экономических санкций? Почему санкции со стороны крупной международной структуры образца Лиги Наций – это половинчатое решение, не способное обеспечить реального устойчивого мирного сосуществования государств? Как создать необременительную для гаранта и при этом работающую для объекта гарантий систему санкций, обеспечивающих соблюдение правил международного взаимодействия? Можно заметить, что по данным постановочным тезисам до сих пор не найден полный консенсус и, вероятно, этого не следует ожидать в ближайшее время.

Кроме того, обращают на себя внимание открытость и своего рода искренность, с которыми Д. Митрани подходит к диагностике проблемы. Санкции – это воплощение «широко осознаваемой, но туманно выраженной потребности ответа на возникающие вызовы»[167], однако насколько международное сообщество в принципе правомочно вводить принудительные ограничительные меры в отношении тех, кто не принял на себя обязательства быть частью этой системы? Ведь «правоприменение – есть элемент внутренней политики, легитимный за счет

инструментом, который можно использовать в качестве фундамента обеспечения международной безопасности. Его необходимо усиливать за счет региональных соглашений, однако без рамочной нормы добиться создания идеальной системы безопасности и разоружения все же невозможно. <…> Подобные конкретизированные соглашения имеет смысл заключать напрямую между странами, вовлеченными в конкретные международные проблемы». Mitrany D. Le problème des sanctions internationals. [Электронный ресурс] / D. Mitrany // Paris, 1926. – P. 81-82. URL: Le problème des sanctions internationales : Mitrany, David : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 01.06.2026).

[167] Mitrany D. Le problème des sanctions internationals. [Электронный ресурс] / D. Mitrany // Paris, 1926. – P. 22. URL: Le problème des sanctions internationales : Mitrany, David : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 01.06.2026).

одобрения абстрактным большинством. Но в случае государств, любые правила действуют только для тех, кто согласился их соблюдать»[168]. Так что «в конце концов Статут Лиги Наций и Женевские протоколы [шире – любое международное многостороннее рамочное соглашение. – Ананьев] – это всего лишь договоренности, достигнутые между значительным числом участников»[169]. Иными словами, чрезмерный оптимизм относительно монолитности послевоенного мироустройства может, скорее, навредить, чем помочь в его дальнейшем совершенствовании. Логичным продолжением этой линии рассуждений является вопрос о политической нейтральности, в том числе в контексте коллективных санкций. И здесь, цитируя Дж. Шотуэлла[170], автор очень чутко улавливает внутренние противоречия будущего «порядка, основанного на правилах», которые внесли существенный вклад в кризис миропорядка, вступивший в острую фазу в 2022 г.: «Политическая нейтральность становится все более и более невозможной, и несовместимой с развитием международного права. <…> Нейтралитет [в современном российском прочтении «нейтралитет» можно трактовать как выстраивание политики, прежде всего, на основе собственных национальных интересов. – Ананьев] сам по себе не является ценностью, но только в контексте причины, побудившей придерживаться этого курса. Невмешательство в межнациональные войны, вероятно, можно расценить как вклад в установление мира, в то время как неучастие в международной организации, призванной поддерживать мир [применительно к теме диссертации, речь идет об отказе принимать на себя обязательства по присоединению к коллективным санкциям в ущерб собственным интересам – Ананьев] должно трактоваться как движение в

[168] Mitrany D. Le problème des sanctions internationals. [Электронный ресурс] / D. Mitrany // Paris, 1926. – P. 5. URL: Le problème des sanctions internationales : Mitrany, David : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 01.06.2026).

[169] Ibid., p. 35.

[170] Дж. Т. Шотуэлл внес значительный вклад в создание Международной организации труда, а также включение Декларации прав человека в Устав ООН.

сторону войны»[171]. Вместе с тем, разбирая особенности коллективных обязательств в экономической плоскости, Митрани занимает взвешенную и, в определенном смысле, пессимистичную позицию: «даже умеренные санкции при частом применении могут стать значительным бременем для государства, которое, следуя общей политической линии, вынуждено их вводить. <…> Самый действенный [и одновременно утопический, если оценивать реалии международной обстановки первой трети XX в. – Ананьев] способ снизить эту нагрузку – создать такую архитектуру международных отношений, в которой сама потребность прибегать к введению санкций будет сведена к минимуму». Наконец, стоит обратить внимание на затронутую в «Проблеме международных санкций» тему устойчивости санкционных коалиций, которая, как и обозначенные выше ключевые точки исследования, подается достаточно прямолинейно через вопрос «что будет, если какое-либо значимое для всей системы экономического сдерживания государство однажды просто откажется присоединяться к неудобным для себя санкциям, либо будет осознанно их саботировать? <…> В случае синхронного введения со стороны всего международного сообщества в отношении государства, которое не обладает экономической самодостаточностью, санкции могут стать оружием неизмеримой силы, как это изначально и задумывалось со стороны учредителей Лиги Наций. <…> Однако ситуация изменилась с появлением крупных игроков вне системы координат организации»[172].

Эта мысль примечательна не только и не столько формой выражения, сколько тем, что в данном случае Д. Митрани, по сути, не вводя соответствующего понятия, фиксирует проблему «черных рыцарей», которая более чем через 50 лет будет концептуально и терминологически оформлена Г. Хуфбауэром в «Переосмыслении экономических санкций»[173]. Однако, что интересно, последний

---

[171] Mitrany D. Le problème des sanctions internationals. [Электронный ресурс] / D. Mitrany // Paris, 1926. – P. 6. URL: Le problème des sanctions internationales : Mitrany, David : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 01.06.2026).

[172] Ibid., p. 89.

[173] Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. Third Edition. – Peterson Institute for International Economics, 2009.

упоминает Д. Митрани исключительно как источник цитирования заявлений Лорда Дж. Керзона, не рассматривая «Проблему экономических санкций» в качестве ценного самостоятельного исследования.

Возвращаясь к самому тезису о возможном выборочном отказе от участия в санкционном давлении, стоит отметить, что автор не питает иллюзий относительно перспектив успеха в случае реализации подобного сценария: «Обязанность не оказывать помощь государству, нарушающему мирное сосуществование является элементарной составляющей международной солидарности. Компромисс по этому ключевому принципу невозможен как по моральным, так и по практическим причинам, поскольку любые усилия, направленные на изоляцию агрессора, потеряют эффективность, а также упреждающий потенциал в случае разрыва какого-либо из звеньев. С практической точки зрения, мы можем извлечь урок из ситуации, когда необходимые товары и ресурсы проникали в Центральные державы до тех пор, пока США не присоединились к экономической блокаде»[174].

Помимо этого, в работе представлен ряд вопросов, которые с течением времени не только не утратили актуальности, но и – напротив – активно фигурировали и продолжают занимать важное место в полемике вокруг выстраивания стратегии экономического давления, а именно:

Может ли угроза применения санкций выступать в качестве самостоятельного инструмента поддержания миропорядка? С одной стороны, «можно утверждать, что эффект может быть усилен за счет угрожающей неопределенности относительно того, будут ли применены ограничительные меры, и какие именно»[175]. Однако если расчет оказался неверен, то в краткосрочной перспективе оказать реальное давление будет сложнее. В контексте развития дальнейшей теоретической рефлексии, а также соответствующих практических

[174] Mitrany D. Le problème des sanctions internationals. [Электронный ресурс] / D. Mitrany // Paris, 1926. – P. 36-37. URL: Le problème des sanctions internationales : Mitrany, David : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 01.06.2026).
[175] Ibid. p. 44.

шагов, данная тема вновь вернется в академическую повестку в послевоенный период и в последующем закрепится в ней в качестве базового элемента.

Как устойчивость коалиции влияет на результат применения санкций? «Где заканчивается разумный лимит обязательств участвовать в совместном экономическом давлении? <…> Для участников коллективных действий это трудный тест на лояльность, поскольку от них требуется прибегать к мерам, которые не гарантируют достижения неопределенных общих интересов, но при этом могут принести им конкретный значительный вред»[176]. В дальнейшем в диссертации будет показано, что дискуссия о возможности и способах обеспечить стабильность коллективных действий займет одно из ключевых мест в рамках санкционных исследований. В частности, построение жизнеспособного альянса выйдет на первый план в случае многолетнего экономического давления на Иран.

Насколько обязывающим должно быть участие в санкционной коалиции для государства, принявшего на себя подобные обязательства, но напрямую не вовлеченного в эпизод агрессии? «Можем ли мы ожидать от страны такого [соответствующего коллективной линии – Ананьев] поведения в случае конфликта, который напрямую не затрагивает ее интересы? Ни одно правительство, даже будучи позитивно настроенным по данному вопросу, не возьмет на себя ответственность такими действиями радикально изменить жизнь целой нации»[177]. Здесь достаточно четко угадывается проблема комплаенс (прежде всего, со стороны частных лиц и коммерческих организаций) и границ его действия, которая позже станет важнейшей составляющей теоретико-методологической рефлексии санкционной повестки. Особенно остро этот вопрос проявится с появлением вторичных санкций, то есть, переходом ограничительных мер в международно-финансовую плоскость.

---

[176] Mitrany D. Le problème des sanctions internationals. [Электронный ресурс] / D. Mitrany // Paris, 1926. – P. 53. URL: Le problème des sanctions internationales : Mitrany, David : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 01.06.2026).

[177] Ibid. p. 53.

Состоятельна ли идея коллективной вины и коллективной ответственности? «Итальянская делегация в Париже предложила очень жесткую редакцию статьи XXIX Статута Лиги, в соответствии с которой все граждане государства-нарушителя должны быть лишены возможности въезда и проживания в других странах. Кроме того, в их отношении должны быть введены специальные полицейские меры, включая ограничение в защите прав (в том числе, права собственности). При необходимости допускается лишение этих прав. <…> В свою очередь, М. Лерой[178] через французское бюро Лиги прав человека высказал предложение применять санкции в отношении “экономических врагов”, а также производить изъятие зарубежных активов граждан страны-нарушителя. <…> В качестве компромиссного варианта предлагается приостановка действия политических, гражданских и коммерческих прав, но только в том случае, когда формальная ответственность за нарушение норм международного права лежит на гражданах (либо членах Парламента), а не только на первых лицах. Однако такие меры никогда не должны применяться на постоянной основе. При этом, было бы лучше если бы они вообще не применялись, поскольку вероятность того, что они приведут к желаемому результату, очень мала. <…> Лига Наций не должна поощрять наказание частных лиц, вне зависимости от их гражданства и места проживания Мнения по этому вопросу также разнятся, но общая модальность сводится к тому, что ответственность со стороны политического истеблишмента не равна ответственности всей нации»[179]. Как можно заметить, этот пункт, в частности, является зеркальным отражением разгоревшийся столетие спустя идеологизированной полемики вокруг «хороших» и «плохих русских», порожденной началом проведения Россией Специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г.

[178] М. Лерой – известный французский юрист-международник в области прав человека.

[179] Mitrany D. Le problème des sanctions internationals. [Электронный ресурс] / D. Mitrany // Paris, 1926. – P. 50. URL: Le problème des sanctions internationales : Mitrany, David : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 01.06.2026).

Общие рекомендации Д. Митрани относительно базовых принципов выстраивания санкционной политики релевантны обозначенным проблемам и в целом сводятся к нескольким ключевым тезисам:

А) Неизбирательный характер обязательств по отношению к рамочным нормам: «Мы больше не можем позволять какой-либо стране самостоятельно определять свое отношение к Статуту Лиги и готовность выполнять его положения в зависимости от ситуации. Правоприменение и арбитраж должны быть делегированы полномочному органу, который будет действовать по аналогии с международным судом»[180].

Б) Равные права и ответственность для всех участников коллективных форматов международного взаимодействия: «Необходимо упразднить принцип приоритета силы, наделив всех участников одинаковыми правами и обязанностями. Это не только очень желательно само по себе, но и может послужить маркером прогресса в международных делах»[181].

В) Опциональное участие в санкциях с применением военной силы: «Мы должны признать очевидное – дальнейшее развитие практической политики на данном этапе не должно предусматривать обязательного участия в коллективных санкциях с использованием вооруженных сил»[182].

Г) Приоритет международной безопасности: «Невозможно преуспеть в продвижении мира и политики разоружения без построения прочной системы международной безопасности»[183].

Д) Реалистичность поставленных задач: «Убежден, что несравнимо лучше иметь более умеренную, но при этом реально признанную и вызывающую доверие, систему международных гарантий, на которую может рассчитывать каждый

---

[180] Mitrany D. Le problème des sanctions internationals. [Электронный ресурс] / D. Mitrany // Paris, 1926. – P. 24. URL: Le problème des sanctions internationales : Mitrany, David : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 01.06.2026).

[181] Ibid. p. 24.

[182] Ibid. p. 27.

[183] Ibid. p. 27.

участник, чем амбициозный проект, существование которого будет восприниматься лишь как номинальное»[184].

Вместе с тем, обозначенное выше двойственное отношение к тексту с позиции сегодняшнего дня проявляется, прежде всего, в определенной степени идеализма и даже наивности, проявленных автором при представлении возможных шагов по обеспечению функционирования системы коллективного экономического сдерживания[185]. Речь, прежде всего, идет о проблеме избирательного отношения системообразующих государств к взятым на себя обязательствам. Как было отмечено выше, Д. Митрани реалистично фиксирует неработоспособность многосторонних санкций в случае прямого или косвенного неучастия крупных игроков, в частности, США: «В случае с экономическими мерами все зависит от того, насколько давление будет длительным и систематическим. Даже незначительная рассинхронизация действий позволит агрессору сопротивляться в течение долгого времени, что может полностью перечеркнуть усилия Лиги. <…> На сегодняшний день становится ясно, что колоссальные экономические ресурсы Америки в случае конфликта [в Европе. – Ананьев] позволяют последней склонить чашу весов в любую из сторон. Любое европейское государство может быть изолировано и при этом чувствовать себя комфортно при сохранении контактов с США. Таким образом, проблема заключается не только в формальном членстве Вашингтона: если внешнеполитический курс Белого дома будет противоречить линии Лиги, это парализует любые попытки выстраивания мира в Европе. <…> В частности, как будет вести себя Лига в случае, если США заявят о нейтралитете либо сохранят экономические отношения с государством-нарушителем в рамках европейского

---

[184] Mitrany D. Le problème des sanctions internationals. [Электронный ресурс] / D. Mitrany // Paris, 1926. – P. 27. URL: Le problème des sanctions internationales : Mitrany, David : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 01.06.2026).

[185] В этом смысле «Проблему международных санкций» можно сравнить, например, с работами представителей Франкфуртской школы, которые также отличает слабый методологический компонент и недостаточная проработанность предлагаемых путей решения проблем при одновременно ярко-выраженном смещении в сторону их констатации и диагностики.

вооруженного столкновения? <…> Если говорить предельно кратко, вопрос сводится к следующему: готова ли Америка не противодействовать усилиям Лиги по изоляции агрессора при помощи санкций? Вашингтон еще не готов разделить с Европой бремя ответственности по поддержанию мира на континенте, но важнее другое: может ли коммерческая выгода выступить для него достаточным стимулом для препятствования коллективной политике? <…> Ответ на этот вопрос даст ключ к пониманию возможных и реалистичных сценариев развития обстановки. Нов первую очередь, успех всей системы экономического сдерживания будет в значительной степени зависеть от позиции США, а ее архитектура станет фундаментом для наведения мостов через Атлантику»[186].

Представленные тезисы дают основание полагать, что автор четко осознавал факт того, что Европа, будучи «в ловушке неопределенности относительно Американского курса»[187], находится в слабой позиции. Тем не менее, предложенная дорожная карта, направленная на возможное смягчение дисбаланса, не производит впечатление стратегии, адекватной поставленной задаче:

«Внешняя политика США могла бы постепенно развиваться в следующем направлении:

— Немедленное декларирование отказа от помощи члену Лиги Наций, совершившему акт международной агрессии;

— Дальнейшее обещание со стороны Правительства приложить усилия по расширению данного принципа на частных лиц;

— Фиксация обозначенных выше положений в виде формальных обязательств;

— Возможное последующее углубление формальных обязательств за счет заключения отдельных специфических договоров, предусматривающих оказание экономической помощи государству, ставшему жертвой агрессии»[188].

---

[186] Mitrany D. Le problème des sanctions internationals. [Электронный ресурс] / D. Mitrany // Paris, 1926. – P. 83. URL: Le problème des sanctions internationales : Mitrany, David : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 01.06.2026).

[187] Ibid. p. 83.

[188] Ibid. p. 90-91.

Однако в противовес декларируемой задаче, данный план, скорее, способствовал бы фиксированию статус-кво, а не его пересмотру, поскольку необязывающий характер требований к США в совокупности с расплывчатостью их формулировок[189] создавали для последних комфортную среду, упрощая задачу поддержания гегемонии. Иными словами, в этой части «план Митрани», по сути, представлял собой набор квази-решений, фактически сохранявших «болевые точки» системы экономического сдерживания.

Как можно заметить, направления дискуссии, намеченные в 1925 г., остаются актуальными и очевидно резонируют с текущими трендами интеллектуального поиска. Однако работа с текстом «Проблемы экономических санкций» через столетие после публикации не позволяет сделать однозначный вывод о причинах рафинированного отношения автора к перспективам добровольного отказа Белого дома от своих самых сильных конкурентных преимуществ. Возможно, в силу специфики профессионального интереса, отец-основатель функциональной теории международных отношений, стал жертвой описанного выше обманчивого обаяния либерального интервенционизма, выдав Вашингтону, как показал дальнейший ход истории, неоправданно высокий кредит доверия. В свою очередь, спустя 8 лет США впервые представили свой противоположный взгляд на вопрос эффективности санкционных режимов.

В 1932 г. частный Американский аналитический центр Twentieth Century Fund, более известный как The Century Foundation под руководством исполнительного директора Э. Кларка выпустил исследование «Бойкоты и мир (Boycotts and Peace)», амбициозно представленное как «первая в своем роде

---

[189] В этом смысле показательной выглядит модальность риторики Д. Митрани в отношении желательных шагов со стороны Вашингтона: «Первый пункт не потребует никаких обязательств от стороны, согласившейся его принять. Тем не менее, он станет воплощением всей архитектуры санкционной политики, описанной в этой работе и, следовательно, позволит системе коллективного экономического сдерживания свободно и полномасштабно функционировать в интересах мирного сосуществования Европейских государств». Mitrany D. Le problème des sanctions internationals. [Электронный ресурс] / D. Mitrany // Paris, 1926. – P. 91. URL: Le problème des sanctions internationales :Mitrany, David : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 01.06.2026).

авторитетная американская работа, посвященная возможностям использования экономических бойкотов для остановки войн»[190].Выполненный под эгидой неправительственного Комитета по экономическим санкциям, объединившего представителей академического и бизнес-сообществ[191], материал позиционировался как «обращение к странам и народам с целью установить взаимодействие с США в рамках политики экономического бойкота в отношении стран, развязавших войну и, тем самым, нарушивших международное право»[192].

Ключевая особенность «Бойкотов и мира» – аргументы в пользу сохранения действующих принципов санкционной политики и, следовательно, продвижение американского внешнеполитического нарратива. При этом, авторский коллектив не вступает в прямую интеллектуальную конфронтацию с идеями Д. Митрани: скорее, речь может идти о том, что его предложения были проанализированы и воплощены в рекомендации «от обратного», позволяющие США затягивать процесс сближения с Европой по вопросу коллективного экономического давления. Например, в тексте отмечается, что «для выявления государства-агрессора нет первоочередной необходимости оценивать внутреннее содержание конфликта; достаточно определить сторону, формально ответственную за его начало»[193]. Очевидно, что такая позиция изначально противоречила европейскому проекту полноценного международного арбитража и, следовательно, сужала окно возможностей по достижению консенсуса с Лигой Наций. В то же время, стоит отметить и внутреннюю критику работы Э. Кларка. В частности, в опубликованной в 1933 г. в журнале Columbia Law Review рецензии известный юрист-

---

[190] Butler N.M., Clark E. Boycotts and Peace. [Электронный ресурс] / N.M. Buttler, E. Clark // Harper & Brothers, 1932. – 381 p. URL: https://digitalcollections.nypl.org/items/510d47db-d43e-a3d9-e040-e00a18064a99 (дата обращения: 01.06.2026).

[191] В авторский коллектив, в частности, вошли представители Колумбийского Университета, Института Брукингса, General Motors, Hills Brothers, Федеральной Комиссии по торговле и др.

[192] Butler N.M., Clark E. Boycotts and Peace. [Электронный ресурс] / N.M. Buttler, E. Clark // Harper & Brothers, 1932. – 381 p. URL: https://digitalcollections.nypl.org/items/510d47db-d43e-a3d9-e040-e00a18064a99 (дата обращения: 01.06.2026).

[193] Цит. по: Borchard E. Boycotts and Peace. Committee on Economic Sanctions, Butler N.M., & Clark E. // Columbia Law Review. – 1933. – Vol. 33, Issue 3. – p. 552.

международник, профессор Э. Борхард высказывается очень жестко: «для участников санкционных коалиций это не что иное, как приглашение присоединиться к политике, которая, возможно, будет иметь для них разрушительные последствия, поскольку потенциально приведет к тому, что наказание понесет не действительно виновный в совершении агрессии, а тот, кто, даже будучи потерпевшей стороной, “формально инициировал начало конфликта”. Такой подход, по сути, является ловушкой для невиновных, и именно по этой причине Великобритания в 1924 г. отказалась от подписания Женевского протокола»[194].

Тем не менее, обозначенный плюрализм мнений ожидаемо не оказал решающего влияния на поведение США на международной арене, продемонстрировав ограниченность возможностей академического сообщества по формированию политического курса. К моменту выхода «Бойкотов и мира» Вашингтон уже приступил к реализации стратегии «мира без победителя» в кейсе Японского вторжения в Маньчжурию. Реагируя на острую фазу неоспоримого и – в теории относительно простого для урегулирования за счет коллективных экономических мер – акта агрессии в 1931-1932 гг., Белый дом с одной стороны опирался на собственных представителей в Лиге Наций, подчеркивая заинтересованность в вопросе; с другой, полностью переложил инициативу и ответственность на Женеву, фактически отказавшись от любых реальных обязательств. Как итог, несмотря на нормативно оформленное возражение против действий Японии в виде т.н. «доктрины Стимсона», китайская сторона, будучи очевидной жертвой, также получила дипломатическое предостережение[195]. В то же время звучавшие в ходе заседаний Лиги призывы к ужесточению политики в отношении Токио, включая санкционное давление, столкнулись с резким противодействием со стороны США[196]. Таким образом, последние

[194] Borchard E. Boycotts and Peace. Committee on Economic Sanctions, Butler N.M., & Clark E. // Columbia Law Review. – 1933. – Vol. 33, Issue 3. – p. 552.
[195] Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии: 1932-1945. – М.: Наука, 1990.
[196] Стимсон Г. Дальневосточный кризис: Воспоминания и наблюдения. – М.: Соцэкгиз, 1938.

продемонстрировали пример сугубо прагматичного балансирования, ослабив Советское влияние в регионе и одновременно в десятки раз увеличив экспорт правительству Вакацуки, но при этом выдав Токио «черную метку» за чрезмерное нарушение политики открытых дверей в Китае. В похожем ключе развивалась ситуация вокруг Второй итало-эфиопской войны[197], завершившаяся снятием санкций с режима Б. Муссолини при общем сохранении статус-кво[198].

Таким образом, конфликты первой половины 1930-х гг. продемонстрировали как несостоятельность Европейской модели коллективного экономического сдерживания[199] (коллапс которой был фактически оформлен с роспуском Лиги Наций), так и ее теоретической рефлексии, в том числе, предложенной в 1925 г. Д. Митрани дорожной карты по совершенствованию санкционной архитектуры за счет расширения обязательств и фактического участия со стороны США. Мир вступил в стадию подготовки к новому глобальному столкновению, в связи с чем интерес к исследованию ограничительных мер закономерно временно отошел на второй план.

---

[197] Стоит отметить, что в рамках подготовки к конфликту Италия с целью адвокатирования своих последующих шагов спровоцировала несколько приграничных инцидентов с вооруженными силами Эфиопии, фактически стремясь воспользоваться изложенным в «Бойкотах и мире» американским нарративом о возможном непризнании в качестве агрессора стороны, которая формально не выступила инициатором боевых действий.

[198] В 1935-1936 гг. США маневрировали между требованиями внутреннего протестного движения гражданских организаций, Актом о нейтралитете от 31.08.1935, политикой «Нового курса» Ф. Рузвельта и внешнеэкономической целесообразностью, заключавшейся в необходимости удержать позицию лидера (или, как минимум, не допустить ее критической просадки) в условиях серьезных осложнений, вызванных действием закона Смута-Хоули. См.: Ethiopian-Italian relations – correspondence with individuals and associations [Электронный ресурс]. December 13, 1934 – July 27, 1935. URL: https://archives.ungeneva.org/ethiopian-italian-relations-correspondence-with-individuals-and-associations (дата обращения: 01.06.2026); Kuehl W.F., Dunn L. Keeping the Covenant: American Internationalists and the League of Nations, 1920-1939. – London: The Kent State University Press, 1997.

[199] Одним из наиболее ярких проявлений слабой работоспособности санкционного механизма Лиги Наций является ситуация вокруг Суэцкого канала, который, будучи ключевой логистической артерией для итальянского контингента в Восточной Африке, решением Лондона и Вашингтона не был закрыт с целью предотвратить военные приготовления режима Б. Муссолини. См.: Никольский А.В. Итало-эфиопская война 1935-1936. – СПб, 2001.; Шталь А.В. Малые войны 1920–1930-х годов. – М.: АСТ, 2003.

1.3. Санкционные исследования середины XX в.: становление системы ООН, эволюция дисциплины, теоретико-методологические тренды

Второй всплеск интереса к проблематике экономических санкций охватывает период с конца 1940-х гг. до конца 1960-х гг. При этом, в силу значительной временной протяженности и внутренней содержательно-методологической неоднородности исследовательской работы, данный отрезок, строго говоря, не является всплеском, а, скорее, совокупностью нескольких более мелких циклов дискуссий, которые далее будут последовательно рассмотрены в хронологическом порядке.

С окончанием Второй мировой войны академическое сообщество столкнулось с проблемой, ранее уже возникавшей в контексте деятельности Лиги Наций и озвученной Дж. Брирли[200]: «реальные сложности возникают не с тем, чтобы сделать санкции частью международного права, а с тем, чтобы организовать [функционирующую. – Ананьев] систему экономического сдерживания»[201]. Именно на достижение этой цели и были направлены усилия по выстраиванию санкционной архитектуры в рамках структуры ООН, а также соответствующий научный поиск[202].

Важно отметить, что это ключевое для современной архитектуры международной санкционной политики событие было достаточно слабо отрефлексировано современниками-представителями политической науки, по крайней мере, с теоретико-методологической точки зрения. Работа с источниками показывает, что основной акцент экспертного сообщества в период создания системы экономического сдерживания в рамках ООН был сделан, скорее, на правовых аспектах, а именно на стремлении учесть неудачный опыт применения 16 статьи Статута Лиги Наций, которая, в частности, недостаточно четко фиксировала правосубъектность в вопросе определения страны-нарушителя

---

[200] Дж. Брирли – британский специалист в области международного права.

[201] Fenwick C. The Basis of Obligation in International Law and Other Papers. – New York and London: Oxford University Press, 1958. p. 201.

[202] См. например: Webster C. Sanctions: The Use of Force in an International Organization. – London: David Davies Memorial Institute of International Studies, 1956.

международного права[203]. Как итог, статьи 39-42 Главы VII Устава ООН наделяют всей полнотой полномочий в вопросах принятия принудительных мер (в том числе, связанных с применением вооруженных сил) Совет Безопасности[204].

Подобный умеренный интерес к теоретическому осмыслению санкционной проблематики в рамках зарождения нового институционального порядка, полагаю, можно объяснить, как минимум, двумя нижеследующими причинами.

Во-первых, как показала ситуация вокруг Лиги Наций, факт наличия в тексте ключевого международного нормативно-правового акта профильного «санкционного» элемента сам по себе еще не означает успешного правоприменения; поэтому помимо непосредственно Устава, санкционная система ООН – это сложная архитектура, включающая в себя режимы, комитеты и группы по наблюдению[205]. Соответственно, строительство подобной комплексной системы даже в сравнительно небольшом масштабе в условно тестовом режиме потребовало времени, вследствие чего, как и в случае с работой Д. Митрани, задержка в теоретическо-методологической рефлексии вполне объяснима.

Во-вторых, шанс задействовать новый механизм введения международных ограничительных мер впервые представился уже в 1951 г. в ходе событий, связанных с национализацией Англо-иранской нефтяной компании[206]. И несмотря

---

[203] Achilleas P. United Nations and sanctions. Economic Sanctions in International Law and Practice. – Routledge, 2019. p. 26; Kramer A. Blockade and economic warfare, in J. Winter (ed.) The Cambridge History of the First World War. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

[204] Устав ООН (полный текст). Организация объединенных наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text?ysclid=mcolts5oma76002187 (дата обращения: 01.06.2026).

[205] В период максимального разрастания санкционная экосистема ООН включала в себя 14 режимов, действующих в области ядерного нераспространения, борьбы с терроризмом и политического урегулирования внутренних и международных конфликтов. Для обеспечения функционирования режимов создается профильный комитет под руководством одного из непостоянных членов СБ. Кроме того, вспомогательные (прежде всего, мониторинговые) задачи для 10 из 14 групп выполняют 9 групп по наблюдению. Санкции Совета Безопасности. Совет Безопасности. [Электронный ресурс]. URL: https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information (дата обращения: 01.06.2026).

[206] Важно отметить, что в данном кейсе британская сторона апеллировала не к «классической» 41, а к параграфу 2 Статьи 94 (Глава XIV) Устава ООН, согласно которому Международный Суд ООН вправе обратиться к Совету Безопасности с инициативой принять меры (в том числе,

на то, что в данном кейсе санкции ООН в итоге не применялись, впоследствии Совет Безопасности регулярно инициировал подобные меры[207], а следовательно, академическое сообщество переключилось на анализ нарастающего объема непосредственно санкционных эпизодов.

Таким образом, можно констатировать, что с теоретико-методологической точки зрения 1940-е - начало 1950-х. гг. не стали плодотворным временем для санкционных исследований, однако для соблюдения строгости хронологии и общего понимания контекста развития дисциплины данный период требует упоминания и не может быть произвольно опущен.

Следующая волна академического интереса к санкционной проблематике пришлась на 1960-е гг., и была связана с набирающим обороты трендом на деколонизацию[208]. В этот период международное сообщество стало свидетелем ряда шагов по введению экономических ограничений, однако значительная часть из них не принадлежала к экосистеме ООН, будучи, по сути, классическими односторонними (например, санкции США в отношении Доминиканской Республики и Кубы; СССР в отношении Албании и Китая), либо коллективными (санкции против Португалии, ЮАР и Родезии) мерами, лежащими вне плоскости консенсусной международной легитимности. Кроме того, ни в одном из перечисленных случаев, санкции не применялись из-за «классической» территориальной агрессии. Напротив, на первый план вышли иные факторы: внутренняя политика режима по отношению к собственным гражданам, а также стремление к более независимому поведению, в том числе, в аспектах взаимодействия с соседними государствами и создания межгосударственных структур.

санкционного характера) для обеспечения исполнения принятых им решений. Cavaré L. Les sanctions dans le cadre de l'O.N.U // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. – 1952. – Vol. 80. – P. 263.

[207] Первый эпизод применения санкций со стороны СБ ООН (1966 г.) связан с Войной в Южной Родезии (Зимбабве), после чего аналогичные режимы вводились еще в 30 случаях

[208] Wallensteen P. A Century of Economic Sanctions: A Field Revisited. [Электронный ресурс] // Uppsala Peace Research Papers. – 2000. – No.1. – P.2. URL: https://uu.diva-portal.org/smash/get/diva2:76170/FULLTEXT01.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

При этом, рассматриваемый период допустимо считать продуктивным именно с позиции развития санкционных исследований, поскольку именно в 1960-е гг. зародилась их методологическая основа. Речь идет о внедрении в дизайн исследования методики кейс-стади, пионером которого выступил Г. Таубенфельд[209]. Технически первая одноименная работа Г. Таубенфельда «Экономические санкции: оценка и кейс-стади», посвященная ограничениям в отношении Италии, была подготовлена в 1958 г.[210], однако академическое сообщество, в первую очередь, обращается к его более поздней, дополненной и систематизированной версии «Экономическое оружие: Лига Наций и ООН»[211]. И несмотря на то, что последняя не отвечала всем современным требованиям, предъявляемым к методике кейс-стади (в частности, обращает на себя внимание нехватка операционализации и количественного аппарата в целом)[212], ее можно считать знаковой для эволюции санкционных исследований.

Во-первых, полученные выводы сами по себе представляют интерес с теоретико-методологической точки зрения.

— Базовая авторская установка развивает идею нарастающей взаимозависимости мировых экономик и, следовательно, эффективности санкций в условиях смешанных технологических цепочек. «Могут ли полномасштабные санкции даже в случае идеально четкого применения значительно повлиять на возможность государства достичь своих внешнеполитических целей, вне зависимости от того, являются они агрессивными, или нет? В случае с проявленной агрессией, ограничения должны быть направлены на подавление способности сохранять функционирование экономики, включая пополнение любых ресурсов для поддержания внешней военной деятельности. А такое реально только в тех случаях, когда экономика в существенной степени зависит от импорта товаров,

---

[209] Г. Таубенфельд – американский юрист-международник.

[210] Taubenfeld H.J. Economic Sanctions: An Appraisal and Case Study. – New York, 1958 (mimeo).

[211] Taubenfeld H.J, Taubenfeld R. The Economic Weapon: The League and the United Nations // Proceedings of the American Society of International Law. – 1964. pp. 183-205.

[212] О правилах и принципах методики кейс-стади см. например: Gerring J. Case-Study Research. Principles and Practices. – Cambridge University Press, 2007.

критически значимых для ВПК либо для выживания нации в целом, без потенциала для импортозамещения. Фактически, вся теоретическая рамках санкционной политики строится на предпосылке о том, что на международной арене не существует экономически самодостаточных государств. В целом, это так: тем не менее, относительными исключениями являются США и СССР»[213]. Таким образом, Г. Тауфенбельд выходит на еще одну принципиально важную мысль: экономическая взаимозависимость мирового хозяйства – это не только намеченная траектория в будущий гармоничный миропорядок, но и серьезный риск, поскольку в реальности страховочный механизм в виде санкций в действительности вряд ли сможет уберечь человечество от военных конфликтов. «Потенциальное применение ограничений обнажает риск роста взаимозависимости, точно так же как таргетированная помощь со стороны международного сообщества создает риск устойчивой зависимости от помощи. Более того, страны, разделяющие ценности рыночной экономики, демократического развития и интенсификации международной торговли, должны существенно более глубоко посчитать идеологические убытки, которые несет приверженность к частому использованию экономического давления для достижения политических целей»[214].

— В предыдущем разделе диссертации при разборе идей Д. Митрани была обнаружена параллель с тезисом Д. Дрезнера о парадоксальном свойстве санкций, а именно их наибольшей эффективности в случае применения против дружественных, а не недружественных государств. Эта мысль в еще более кристаллизованном виде присутствует у Г. Таубенфельда, причем последний четко увязывает ее с феноменом взаимозависимости и положением США на международной арене. «В краткосрочной перспективе эта модель [экономической взаимозависимости. – Ананьев] будет подорвана. <…> Создается впечатление, что экономическая взаимозависимость подразумевает политическое неравенство и субординацию в условиях кризиса для всех стран, кроме тех, чьи позиции на

[213] Taubenfeld H.J, Taubenfeld R. The Economic Weapon: The League and the United Nations // Proceedings of the American Society of International Law. – 1964. pp. 188-189.
[214] Ibid., p. 194.

внутренней арене незыблемы. Но поскольку для большинства государств существует альтернатива в виде развития в русле реалистской парадигмы, политические игры с мировой торговлей или однонаправленной помощью – это опасная, саморазрушительная партия для сторонников открытого мира. <…> Таким образом, внешнее экономическое давление определенно менее перспективно в случае жестко-централизованных, чем демократических режимов. <…> Наиболее очевидный вывод заключается в следующем: союзники США с высокой степенью зависимости от Вашингтона (особенно, если их политические институты выстроены по Западному дизайну) – лучшие кандидаты для экономических санкций в случае соответствующего решения коллективного Запада. <…> В то же время зависимые от СССР страны с плановой экономикой попросту менее уязвимы»[215].

— Следующий далекоидущий теоретико-методологический вопрос, поставленный в «Экономическом оружии»: на основе каких критериев можно судить об эффективности санкций? Рассуждения о нем выстраиваются через особенности международно-политической реальности середины 1950-х - начала 1960-х гг. «В чем, кроме решительного пресечения агрессии и восстановления статус-кво, либо предотвращения агрессии заранее, могут заключаться минимальные политические цели для введения санкций, которые организация [ООН. – Ананьев] может себе спокойно позволить? <…> Несомненно, отчасти привлекательность экономических инструментов сдерживания заключается в том, что номинально они сопряжены с минимальными трудностями в плане достижения консенсуса относительно применения и, что более важно, с минимальными административными издержками. Но на самом деле, опыт показывает, что эти относительные простота и отсутствие издержек в существенной степени иллюзорны. Как показала практика, страны-инициаторы несут издержки, связанные с упущенной выгодой, сопоставимые со странами-мишенями; однако изначально предполагалось, что, будучи распределенными между несколькими

[215] Taubenfeld H.J, Taubenfeld R. The Economic Weapon: The League and the United Nations // Proceedings of the American Society of International Law. – 1964. pp. 193-194.

странами, общие потери будут приемлемыми. В реальности они распределялись неравномерно, зачастую не соответствуя фактической способности страны-инициатора справиться с этим бременем. <…> Таким образом, возникает еще один парадокс: экономика страны-агрессора вполне может лучше адаптироваться к потерям, чем даже несколько государств-инициаторов»[216]. Кроме того, «для более полной оценки эффективности экономического оружия необходимо рассмотреть альтернативные элементы [Переговоры, медиация, интервенция. – Ананьев] <…>, а также издержки от санкций для организации в целом [ООН. – Ананьев] и ее отдельных членов, сравнив их с затратами на иные доступные меры, которые можно было бы предпринять для решения проблемы[217]. Это необходимое звено для выстраивания любой теории “рациональных” коллективных действий»[218]. А поскольку речь идет одновременно о рациональных и коллективных действиях, и оба эти аспекты в равной степени важны, сторонники санкций должны отдавать себе отчет в том, что «ни в краткосрочной, ни в долгосрочной перспективе применение экономических ограничений не останется без последствий. В этом смысле централизация действий необходима как на национальном, так и на наднациональном уровнях как минимум для того, чтобы компенсировать краткосрочные потери и помочь в адаптации к долговременным изменениям. Каким бы ни был путь поддержания мира, его логика и воплощение в жизнь не могут быть бесконтрольными, и если мы хотим, чтобы у нас был шанс на успех, издержки не должны распределяться самопроизвольно и бессистемно, так что какая-либо страна или группа стран окажутся несправедливо обремененными»[219].

— Наконец, оценивая возможности санкций как самостоятельного инструмента поддержания миропорядка, Г. Таубенфельд приходит к неутешительным выводам.

---

[216] Taubenfeld H.J, Taubenfeld R. The Economic Weapon: The League and the United Nations // Proceedings of the American Society of International Law. – 1964. pp. 197, 203.

[217] В данном случае автор рассуждает в категориях политической экономии, опираясь на адаптированную версию теории альтернативных издержек.

[218] Taubenfeld H.J, Taubenfeld R. The Economic Weapon: The League and the United Nations // Proceedings of the American Society of International Law. – 1964. p. 199.

[219] Ibid., p. 198.

«Уже сейчас должно быть ясно, что экономические и финансовые ограничения, даже при условии идеального стечения политических обстоятельств и полного комплаенс, бесполезны в качестве самодостаточного механизма <…>. В целом, лучшие обстоятельства для применения санкций открываются в случае государств, в которых политически значимые группы населения сильно зависимы от внешней торговли и, следовательно, уязвимы к потенциальным последствиям ее ограничений; напротив, если экономика проявляет структурную ригидность и ее невозможно оперативно стимулировать, вероятность внутренних революционных потрясений против недемократического режима невелика»[220]. Проще говоря, санкции (что и подтвердила в дальнейшем практика) работают, прежде всего, в отношении небольших рыночных экономик с одной или двумя ключевыми статьями дохода и очевидными ограничениями, обусловленными географическим положением. «Интересным и неожиданным является тот факт, что в некоторых случаях санкции будут более дорогой и административно сложной альтернативой ограниченной международной интервенции»[221]. Таким образом, возникает очевидный парадокс: без силового компонента санкции в целом не приносят желаемого результата, однако военная помощь также несет определенные риски. При расчете эффективности мер сдерживания необходимо исходить из того, что конфликт может продолжаться долгое время, требуя постоянных затрат. Фактически, это порождает состояние бесконечной тлеющей войны, в которой санкции выступают уже не инструментом поддержания мира, что полностью противоречит как букве, так и духу Устава ООН. В то же время, применение санкций и военной помощи по принципу лавины в случае, если объектом является крупное государство, претендующее на лидирующую роль на международной арене, может спровоцировать эскалацию конфликта до уровня мировой войны. Иными словами, даже жесткое санкционное давление с учетом сказанного выше

[220] Taubenfeld H.J, Taubenfeld R. The Economic Weapon: The League and the United Nations // Proceedings of the American Society of International Law. – 1964. p. 198.
[221] Ibid. p. 199.

выглядит, скорее, как «попытка сохранить лицо, нежели глубоко проработанные коллективные меры со стороны международного сообщества»[222].

Во-вторых, «Экономическое оружие: Лига Наций и ООН» стала отправной точкой для дальнейшего развития академического поиска как в 60-е гг., так и в более длительной перспективе. В частности, ценность вклада Г. Таубенфельда подчеркивает такая знаковая для дисциплины фигура, как П. Валленстин[223]. Последний, аккумулируя наработки, полученные в ходе подготовки диссертации в университете Упсала, в 1968 г. представил исследование «Характеристики экономических санкций», которое показало существенный потенциал изучения санкционной проблематики при помощи методики кейс-стади. Кроме того, заслуживает внимание тот факт, что «Характеристики экономических санкций» – это самый ранний опубликованный академический материал по данной тематике с русскоязычной составляющей, который удалось обнаружить в ходе анализа источников. Нарастив количество рассматриваемых эпизодов применения санкций до 10[224], П. Валленстин емко и комплексно подошел к теоретико-методологическому осмыслению опыта 35-летней истории ограничительных экономических мер.

---

[222] Taubenfeld H.J, Taubenfeld R. The Economic Weapon: The League and the United Nations // Proceedings of the American Society of International Law. – 1964. p. 199.

[223] П. Валленстин – американский международник, специалист в области исследований мира и международной безопасности.

[224] В основу отбора кейсов было положено 3 критерия: А) Стороны представляли независимые государства с самостоятельными правительствами. Этот критерий, в частности, исключает санкционные эпизоды в отношении Берлина и Гоа. Б) Санкции выступали в качестве основного инструмента влияния государства-инициатора на государство-мишень. Этот критерий не позволил включить в выборку Американские санкции в отношении Японии в рамках Второй мировой войны, где ключевую роль в конфликте сыграли военные действия и дипломатия. В) Государство-инициатор изначально четко обозначило намерения действовать санкционными методами, мотивируя дальнейшее сворачивание двусторонних внешнеэкономических отношений стремлением повлиять на поведение страны-мишени на международной арене. Данному критерию не удовлетворяют санкции Британии в отношении Ирана. Wallensteen P. Characteristics of Economic Sanctions // Journal of Peace Research. – 1968. – Vol. 5(3). p. 250.

Прежде всего (что в целом характерно для зрелого подхода к исследованию сущностно-многозначных феноменов), автор концептуализирует смежные формы экономического противостояния:

А) «Экономическая война – ситуация, в которой экономические меры используются наравне с вооруженными силами с целью нанести максимальный ущерб экономике другой страны. При этом, последние, как правило, имеют приоритет и играют более важную роль»[225]. Интересно, что к средствам экономической войны Валленстин относит очень широкий набор инструментов: «от ограниченных морских блокад до ковровых бомбардировок»[226]. Соответственно, в данную категорию одновременно попадают и т.н. Континентальная блокада[227], и операция «Раскаты грома» против Северного Вьетнама[228].

Б) Экономические санкции – общие ограничения (вплоть до тотального запрета) торговых отношений между сторонами, затрагивающие подавляющую часть их двусторонних внешнеэкономических связей. Использование вооруженных сил не предполагается.

В) Особые экономические меры – ситуация, в которой манипуляции с экономической помощью, оружейное эмбарго, национализация активов и т. д. не приводит к общим ограничениям (вплоть до тотального запрета) торговых отношений. Такие шаги не носят всеобъемлющего характера и, следовательно, применяются чаще других форм экономического противостояния. Например, об

---

[225] Wallensteen P. Characteristics of Economic Sanctions // Journal of Peace Research. – 1968. – Vol. 5(3). p. 248.

[226] Ibid. p. 248.

[227] Континентальная блокада – введенная Берлинским декретом «О блокаде Британских островов» 12.11.1806 г. система санкций наполеоновской Франции против Великобритании с целью прерывания экономических контактов Лондона с Европейскими государствами.

[228] Операция «Раскаты грома» (Rolling Thunder) – крупнейшая для США со времен Второй мировой войны серия воздушных рейдов по ключевым объектам вьетконга. Помимо прочего, известна из-за целенаправленного уничтожения гражданского населения и инфраструктуры, в частности, рисовых полей, с целью вызвать дестабилизацию экономики и гуманитарную катастрофу.

особых экономических мерах можно говорить в случае действий Франции по отношению к Гвинее в 1958 г.

Г) Тарифные войны – ситуация, в основе которой лежит изменение тарифов либо иные схожие экспортно-импортные ограничения с целью повлиять на другое государство[229].

Как можно заметить, данная классификация с позиций сегодняшнего дня выглядит несколько внутренне противоречиво и архаично, однако изначальная теоретическая посылка П. Валленстина в отношении санкций вполне может выдержать проверку временем: «санкции следует понимать как совокупность мер, направленных на изменения поведения страны-мишени в соответствии с определенной нормой, но только при условии того, что данная норма четко обозначена»[230].

Также обращает на себя внимание проведенная систематизация теорий среднего уровня, связанных с объяснением последствий применения санкций, в основе которой лежат особенности взаимодействия государства-инициатора и государства-мишени:

А) Теории, ориентированные на инициатора, в основе которых лежат структурные и поведенческие аспекты последнего, такие как статус и мотивация.

Б) Теории, ориентированные на мишень, которые затрагивают структурные и поведенческие аспекты последней, такие как последствия адаптации к санкциям.

В) Теории, ориентированные на отношения между инициатором и мишенью, предусматривающие изучение взаимного восприятия и иных аспектов двусторонних отношений.

Г) Теории, ориентированные на среду, рассматривающие реакцию международного сообщества на применение санкций[231].

---

[229] Wallensteen P. Characteristics of Economic Sanctions // Journal of Peace Research. – 1968. – Vol. 5(3). p. 248.

[230] Ibid. p. 250.

[231] Ibid. p. 252.

В рамках работы с теориями группы «А» П. Валленстин, опираясь на тезисы Й. Галтунга (вклад последнего в становление санкционных исследований будет подробно разбираться далее), применяет элементы дискурсивного анализа, по итогам которого приходит к следующему выводу: эмоционально окрашенная составляющая при объявлении о введении санкций количественно превалирует над инструментальной[232]. И несмотря на то, что эвристический потенциал данной методики вызывает вопросы, сам факт использования данного инструмента в контексте темы диссертации представляется важным для упоминания. В то же время перспективной представляется гипотеза о зависимости между политической стабильностью в государстве-инициаторе и его активностью на санкционном треке. Разрабатывая эту посылку, автор вводит дополнительный показатель в виде статуса страны на международной арене[233] и демонстрирует ее состоятельность. Соответственно, внутренние точки напряжения в ведущих государствах (П. Валленстин уточняет, что речь идет о странах с полиархическим режимом) провоцируют последние на более решительные действия в области введения ограничительных экономических мер[234]. Как показывает практика, подобная

---

[232] Модель оценки состоит из 4-х позиций, включая два экстремума: «экспрессивное заявление» и «инструментальное заявление». Под экспрессивным понимается акт, направленный на снятие скрытой напряженности между сторонами, возникавшей в ходе долгосрочного латентного конфликта, не сопровождавшегося прямым конфликтным поведением. В то же время, для экспрессивного акта принципиальным является риторика осуждения/протеста, апеллирующая к неподобающему поведению государства-мишени. Инструментальным считается акт, направленный на разрешение уже возникшего конфликта, и не содержащий вербального осуждения государства-мишени. Кроме того, для таких актов характерно наличие четких маркеров разрешения противоречий и урегулирования ситуации. Итоговое значение выглядит следующим образом: экспрессивные эпизоды – 8; инструментальные эпизоды – 2. См.: Wallensteen P. Characteristics of Economic Sanctions // Journal of Peace Research. – 1968. – Vol. 5(3). p. 253

[233] Важно отметить, что критерии ранжирования государств на международной арене меняются вместе с контекстом. Соответственно, в «Характеристиках экономических санкций» используются типологии, актуальные для рассматриваемого набора кейсов и временного промежутка. См.: Singer J. D., Small M. The Composition and Status Ordering of the International System: 1815-1940 // World Politics. – 1966. – Vol. 18(2). pp. 236-282, Vellut J.-L. Smaller States and the Problem of War and Peace // Journal of Peace Research. – 1967. pp. 252-269.

[234] Согласно представленным выводам, ведущие страны при наличии внутриполитической нестабильности вводили экономические санкции в 6 раз чаще, чем при его отсутствии (6:1).

закономерность сохраняется: ее можно объяснить особенностями поведения данных систем, в которых санкционная повестка зачастую является частью политического торга и носит инструментальный характер. В частности, именно усиление санкционного давления на Россию стало важным элементом деятельности команды Дж. Байдена в условиях нарастающего кризиса недоверия к Демократической администрации.

Что касается теорий группы «Б», основными переменными для анализа выступают особенности политической системы страны-мишени (в частности степень зависимости от внешней торговли и статус на международной арене), а также ее восприятие конфликта и последствия от введения санкций. В данном случае, П. Валленстин подтверждает выводы своих предшественников, указывая на тот факт, что государства с недемократическими режимами лучше адаптируются к санкциям, чем демократии; однако при этом в ситуации значительного экономического давления последние склонны демонстрировать признаки ужесточения. В то же время, для работы с параметром «восприятие конфликта» в «Характеристиках экономических санкций» применен оригинальный методологический подход в виде шкалирования[235], результаты которого подтверждают авторскую гипотезу: для государства-мишени требования,

---

Кроме того, в большинстве (4) случаев в течение полугода после введения санкций в этих странах проходили выборы. В то же время, государства «второго эшелона», напротив, демонстрируют противоположную тенденцию, вводя санкции при отсутствии внутриполитического напряжения в 3 раза чаще, чем при его наличии (3:0). См.: Wallensteen P. Characteristics of Economic Sanctions // Journal of Peace Research. – 1968. – Vol. 5(3). p. 254.

[235] Шкалирование организованно следующим образом: в случае требований к государству-мишени внести некритичные изменения во второстепенные вопросы внешней политики, эпизоду присваивалось значение «1»; противоположный экстремум (требования радикальных социально-политических либо экономических изменений) маркировался значением «7». Результат выглядит следующим образом: СССР – 2 (требования изменить очень узкий аспект внутренней политики); Италия – 4 (требования изменить важные аспекты внешней политики); Албания – 5 (требования изменить важные аспекты внутренней политики, включая действия правительства); Югославия, Доминиканская Республика – 6 (требования изменить важные аспекты внутренней политики, включая смену правительства); Израиль, ЮАР, Португалия, Зимбабве, Куба – 7 (требования изменить важные аспекты внутренней политики, включая социально-политические и экономические основы государства). См.: Wallensteen P. Characteristics of Economic Sanctions // Journal of Peace Research. – 1968. – Vol. 5(3). pp. 256, 266.

связанные с изменением внутренней политики, являются более фундаментальными и принципиальными, чем попытки использовать санкции для влияния на внешнеполитический курс. Таким образом, по сути, речь идет о продолжении линии аргументации, которая позже приобретет законченный вид у Д. Дрезнера.

Теории группы «В» выстраиваются вокруг двух посылок, которые эмпирически подтверждаются на материале, актуальном к моменту подготовки «Характеристики экономических санкций», но не столь очевидных на сегодняшний день с учетом опыта более поздних конфликтов (в частности, Югославского и Украинского). Во-первых, П. Валленстин указывает на то, что санкции – это главный инструмент, позволяющий государству-инициатору избежать прямого военного вовлечения в конфликт[236]. Во-вторых, наличие в государстве-инициаторе групп интересов, имеющих устойчивые связи (прежде всего, бизнес-отношения) с государством-мишенью, осложняет введение санкций и/или смягчает их остроту[237].

Наконец, оценивая теории группы «Г», автор отмечает, что анализ среды (прежде всего, региональной подсистемы международного взаимодействия) не позволяет объяснить причину успеха или неудачи тех или иных санкционных кейсов. Этот тезис увязывается с предположением о том, что влияние среды в подобных ситуациях в целом ниже, чем иные обозначенные выше переменные. Тем не менее, некоторые замечания заслуживают более пристального внимания. В частности, последствия внешнего экономического давления предлагается рассматривать не в привязке к формальному количеству участников санкционной

---

[236] Опровержение данного тезиса встречается, в частности, у И. Тимофеева, который на примере Ирана разбирает стратегию США; последние достигали успеха только в случае комплексного подхода, включавшего в себя, в частности, комбинацию экономического давления и прямого военного вовлечения в конфликт. См.: Тимофеев И.Н. Санкции США против Ирана: опыт применения и перспективы развития // Полис. Политические исследования. – 2018. – №4. – С. 56-71.

[237] Украинский конфликт продемонстрировал ограниченность лоббистских возможностей бизнеса в части санкционной повестки. Например, как показала ситуация с японской компанией Uniqlo, вынужденной в результате давления со стороны государства и общества уйти с российского рынка, наличие устойчивых связей со страной-мишенью и общей лояльности бренда не гарантирует последнему реального влияния на национальные приоритеты в области санкционной политики.

коалиции, а к их доле в структуре торговли государства-мишени. Аналогично и в отношении т.н. «теории блокады»: максимальный эффект от санкций следует ожидать в случае их сочетания с физическим ограничением доступа к ключевым инфраструктурным объектам и логистическим маршрутам; в противном случае государство-мишень, вероятно, сумеет найти способ переориентации внешнеэкономической деятельности. Таким образом, в рамках рассуждений о возможностях среды повлиять на результат действия ограничительных мер, П. Валленстин выходит на проблематику построения санкционных коалиций и – отчасти – т.н. «черных рыцарей», то есть намечает траекторию дальнейшего научного поиска.

Подводя итог, автор приводит несколько важных теоретико-методологических замечаний, на которых стоит остановиться подробнее. Прежде всего, санкции характеризуются как «неэффективный инструмент влияния на международный порядок»[238], который не является самодостаточным и, скорее, уместен для того, чтобы обратить внимание государства-мишени на то, что его поведение в той или иной степени является неприемлемым для инициатора: «санкции полезны в качестве сигнальной системы в международном общении, поскольку они предусматривают более значительные меры, чем, например, официальные ноты, которые, как правило, применяются в подобных случаях. <…> Санкции можно рассматривать как маркер того, что государство-инициатор сообщает “к сожалению, иного выхода нет”. Следовательно, их самая важная функция – сообщить миру о его представлении о границах дозволенного»[239]. Рассуждая в подобных категориях, П. Валленстин, как и предыдущее поколение исследователей, по сути, находится в системе координат либерального интервенционизма, тем самым, характеризуя санкции не как легитимный инструмент сдерживания со стороны международного сообщества, а как способ продемонстрировать гегемонию и закрепить неравенство. При этом, в

[238] Wallensteen P. Characteristics of Economic Sanctions // Journal of Peace Research. – 1968. – Vol. 5(3). p. 262.
[239] Ibid. p. 265.

заключительной части автор делает отсылку к работе своего соотечественника, сотрудника Института исследования мира в Осло Ф. Хоффмана[240], который на основе проведенного сравнительного анализа применения санкций против Италии и Родезии приходит к аналогичному выводу: в основе системы экономического сдерживания лежит, прежде всего, частная политическая целесообразность, а не общие интересы участников созданного в рамках ООН нового глобального режима.

Таким образом, работа с источниками показывает, что 1960-е гг. в области санкционных исследований стали периодом доминирования Скандинавских авторов; безусловно, речь не идет о самостоятельной академической традиции, однако очевидная методологическая преемственность и созвучие полученных выводов прослеживаются достаточно четко. При этом, как уже упоминалось выше, помимо Ф. Хоффмана и П. Валленстина, третьим норвежским ученым-общественником, внесшим вклад в изучение экономических санкций, стал Й. Галтунг[241], который представил свое видение темы в материале «К вопросу о последствиях международных экономических санкций на примере Родезии»[242].

Как и его коллеги, Й. Галтунг скептически настроен относительно эффективности санкций в случае их использования «по назначению», поскольку адаптационный потенциал государства-мишени, как правило, оказывается выше ожидаемого. Следовательно, «государство-инициатор рискует не просто не добиться поставленных целей, но и – напротив – достичь противоположного эффекта»[243]. Более того, «меры, направленные против коллективного объекта [нации. – Ананьев] будут априори неизбирательными, поскольку предусматривают коллективную вину и ответственность»[244]. Иными словами, «санкции

---

[240] См.: Hoffmann F. The Functions of Economic Sanctions: a Comparative Analysis // Journal of Peace Research. – 1967. – Vol 4(2). pp. 140-160.

[241] Й. Галтунг – основатель Института исследований мира в Осло; автор термина «исследования мира» (peace research) и одноименной субдисциплины «изучение мира и конфликтов» (peace and conflict studies).

[242] См.: Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions, With Examples from the Case of Rhodesia // World Politics. – 1967. – Vol. 19(3). pp. 378-416.

[243] Ibid. p. 409.

[244] Ibid. p. 409.

представляют собой пример недостаточного понимания изоморфизма межличностных и межнациональных отношений: то, что работает на индивидуальном уровне, совершенно необязательно применимо в международном масштабе»[245]. Эта линия рассуждений получает развитие в ходе оценки косвенных последствий введения мер экономического сдерживания: «даже если санкции не достигают поставленных целей, они все равно могут быть полезны с позиции государства-инициатора. <…> Ценность заключается в том, чтобы в условиях кризиса делать хоть что-то или, по крайней мере, создать иллюзию деятельности. Когда применение военной силы по той или иной причине невозможно, либо когда бездействие равносильно соучастию, необходимо предпринять нечто, что стало бы выражением собственных моральных принципов, то есть, послать четкий сигнал неодобрения действий государства-мишени. <…> В этом смысле, бойкот апельсинов из ЮАР будет, по сути, значимой демонстрацией отношения, своего рода актом международной коммуникации»[246]. Данный фрагмент показывает, насколько точно и чутко Й. Галтунг уловил будущий вектор санкционной политики, когда последние выступают в качестве акта коллективной солидарности в условиях эрозии институтов и режимов Ялтинско-Потсдамского миропорядка.

Кроме того, автор косвенно критикует санкционную систему ООН за ее чрезмерную инертность: «Базовый компонент теории экономических санкций – скорость реакции. Будь то наказание или поощрение, меры должны следовать за соответствующим шагом страны мишени настолько оперативно, насколько это возможно для того, чтобы связь между ними четко прослеживалась. В случае значительной задержки эффект существенно снижается. Однако общая слабость международной интеграции не позволяет снизить время реагирования со стороны профильных структур до приемлемых значений»[247]. Помимо оперативности, важным фактором, позволяющим санкциям «не просто “кусать”, но и

[245] Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions, With Examples from the Case of Rhodesia // World Politics. – 1967. – Vol. 19(3). p. 409.
[246] Ibid. pp. 411, 412.
[247] Ibid. p. 409.

“работать”»[248], является комплаенс, который также действует нелинейно. Например, стратегия осажденной крепости может стать действенным инструментом кризис-менеджмента для недемократических режимов.

С точки зрения теоретической рефлексии, также заслуживает внимания выполненный в формате мысленного эксперимента авторский прогноз относительно возможной рутинизации применения санкций в будущем: «Давайте представим, что экономические ограничительные меры как способ сдерживания станут привычной и регулярной практикой. Как это изменит конфигурацию международной системы? И – что важно – насколько эти изменения будут носить характер позитивных результатов, а не нежелательных последствий?»[249]. Прежде всего, это поставит «умные и реалистично мыслящие»[250] государства в ситуацию необходимости поиска контрмер: «некоторые страны уже относят себя к меньшинству, против которого могут быть применен подобный инструмент; другие же достаточно дальновидны для того, чтобы понимать, что однажды в новых условиях они сами могут стать жертвами такой политики, каким бы невероятным такой сценарий не казался сегодня»[251]. Соответственно, 3 возможных тренда адаптации, по мнению, Й. Галтунга – это диверсификация национального хозяйства, дефеодализация внешней торговли (снижение уязвимости за счет параллельного развития альтернативных рынков) и курс на экономическую самодостаточность. Более того, возможно появление структур, направленных на использование национальной валюты при совершении международных сделок. Фактически, как показала история, в работе представлен точный и компетентный прогноз эволюции миропорядка, который одновременно ставит под сомнение неолиберальные представления о движении в сторону взаимозависимости: «однако

[248] Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions, With Examples from the Case of Rhodesia // World Politics. – 1967. – Vol. 19(3). pp. 378-411.
[249] Ibid. p. 412.
[250] Ibid. p. 412.
[251] Ibid. p. 412.

такие последствия идут вразрез с аргументами о том, что взаимозависимый мир более устойчив к агрессивным конфликтам»[252].

Отдельного упоминания заслуживают намеченные автором контуры дальнейшей академической дискуссии по вопросу санкционной политики. Наиболее перспективными из них представляются следующие: возможно ли использование «позитивных» санкций с целью поощрения, а не наказания? В качестве примера фигурируют различные гранты и иные награды (в том числе, присвоение научных званий), которые «вдохновят отдельных личностей <…>, укрепляя мораль и усиливая ощущение братства человечества»[253]. Стоит заметить, что здесь, как и в предыдущем случае, Й. Галтунг предугадывает траекторию дальнейшего расширения инструментария международного взаимодействия[254]. Однако в то же время вызывают сомнение уместность и целесообразность отнесения подобных мер к категории санкций. Второй вопрос: возможно ли усовершенствовать механику ограничительных мер так, чтобы они затрагивали только непосредственно тех, кто причастен к совершению действий, вызвавших введение ограничений? Иными словами, по сути, речь идет об интеллектуальном движении в направлении т.н. «умных санкций», которые вскоре выступят в качестве драйвера развития дисциплины.

---

[252] Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions, With Examples from the Case of Rhodesia // World Politics. – 1967. – Vol. 19(3). p. 413.

[253] См.: Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions, With Examples from the Case of Rhodesia // World Politics. – 1967. – Vol. 19(3). pp. 378-413.

[254] Речь идет о различных инструментах мягкой силы, включая финансирование НКО, грантовую поддержку ангажированных исследователей и др.

1.4. Санкционные исследования второй половины – конца XX в.: на пути к «умным» санкциям, «золотой век» дисциплины

Ко второй половине XX в. применение ограничительных экономических мер стало в значительной степени рутинной практикой. И если предыдущий период в развитии дисциплины прошел под знаком становления новой санкционной архитектуры ООН и тестирования ее возможностей, а также тренда на деколонизацию, то международно-политический контекст второй половины XX в. характеризуется, прежде всего, ростом революционных потрясений и конфликтности в совокупности с последующими тектоническими мирополитическими сдвигами. В свою очередь, академическое сообщество, рефлексируя происходящие события, обращалось к санкционной проблематике, скорее, ситуативно, поэтому говорить о рассматриваемом отрезке как о едином целостном этапе не приходится; более того, содержательно и тематически он затрагивает и начало XXI в. (до первой волны «Крымских» санкций в 2014 г.). Соответственно, данный пункт, несмотря на обозначенные в заголовке временные рамки, формально, в силу обозначенной выше причины, будет шире, что, как представляется, пойдет на пользу общей логике и структуре диссертации.

1970-е гг. нельзя назвать плодотворными с точки зрения теоретико-методологического аспекта изучения санкционной проблематики: их можно описать как стадию накопления эмпирического материала для дальнейшей исследовательской работы[255]. В то же время, параллельно усиливалась тенденция критики ООН как «преимущественно статичной организации штаб-квартирного типа»[256], которая не способна реализовать собственный потенциал при мирном урегулировании. В частности, подобная ситуация, усилившая скепсис в отношении этой глобальной структуры, сложилась в ходе острой фазы конфликта в Бангладеш

[255] Из работ по санкционной проблематике, вышедших в 70-е гг., стоит выделить следующие: Wallensteen P. Ekonomiska sanktioner / P. Wallensteen – Stockholm, 1971.; Doxey M. International sanctions: a framework for analysis with special reference to the UN and Southern Africa. // International organization. – 1972. – Vol 26(3). – Pp. 527-550.

[256] Цит. по: Berdal M. What are the limits to the use of force in UN peacekeeping? In United Nations Peace Operations in a Changing Global Order. – Palgrave Macmillan, 2018. p. 7.

в 1971 г., когда вмешательство вооруженных сил Индии стало единственным инструментом, остановившим массовые убийства.

В свою очередь, 1980-е гг., напротив, придали развитию научного поиска новый импульс. Так, корпус профильной литературы пополнили материалы М. Докси[257], которая, опираясь на наработки предшественников, провела комплексную оценку состояния и потенциала развития механизмов экономического сдерживания[258].

Во-первых, автор, продолжая линию, намеченную П. Валленстином, обращает внимание на теоретически обоснованную необходимость разграничить понятия санкций и экономических войн. По мнению М. Докси, несмотря на то что и применяемые инструменты, и, зачастую, результаты их применения могут быть схожими, отличия все же существуют: экономическая война представляет собой компонент вооруженной борьбы, цель которой заключается в том, чтобы «ускорить поражение противника, уменьшив или полностью подавив его способность вести боевые действия, а также подорвав моральный дух либо максимально осложнив жизнь его граждан»[259]. В то же время, санкции призваны «удерживать то или иное государство от проведения политики, которая не отвечает общепринятым нормам поведения, поскольку считается, что соблюдение требований отвечает общим интересам международного сообщества»[260]. Фактически, эта логика является ранней версией нарратива о «порядке, основанном на правилах», который в условиях Украинского конфликта стал основной идеологической доминантой антироссийского курса. Кроме того, М. Докси подчеркивает методологическое несовершенство дисциплины, которое приводит к ограниченным возможностям оценки реальной эффективности предпринятых мер.

---

[257] М. Докси – профессор политических наук Университета Трент в Онтарио.

[258] См.: Doxey M. Economic Sanctions and International Enforcement. – London: Oxford University Press, 1971.; Doxey M. International sanctions in theory and practice // Case Western Reserve Journal of International Law. – 1983. – Vol 15(2). pp. 273-288; Doxey M. International sanctions in contemporary perspective. – Basingstoke: Macmillan, 1987.

[259] Doxey M. Economic Sanctions and International Enforcement. – London: Oxford University Press, 1971. p. 14.

[260] Ibid. p. 14.

Во-вторых, сомнению подвергается работоспособность одного из элементов фундамента санкционной политики – теория коллективной безопасности: «ограничительные меры в рамках Лиги Наций и ООН создавались как часть теории коллективной безопасности, которая подразумевает определенные издержки. Предполагалось, что меры экономического сдерживания будут служить не национальным интересам конкретных государств, а общему благу мира и порядка для более широкого круга участников этой системы. <…> И несмотря на то, что иногда такие принципы международного права, как право наций на самоопределение и принцип нерушимости территориальной целостности суверенных государств вступают в противоречие, теоретически это все равно повышало бы стандарты поведения. <…> Однако [на практике. – Ананьев] коллективная безопасность оказалась мифом; пути ведущих держав – даже тех, которые долгое время действовали как союзники в мировых войнах – быстро разошлись. <…> Номинально ООН достигла универсального характера, но в действительности глубокий раскол по линии Восток-Запад и Север-Юг значительно сокращает возможность договориться относительно принципов того, что является нарушением глобальных норм[261]. Если речь идет о самозащите, предполагается, что она должна быть санкционирована со стороны международной организации; действительности же все чаще применяются односторонние самостоятельные меры <…>. Также вскрылись систематические проблемы с комплаенс»[262]. Таким образом, можно сказать, что двумя основными препятствиями к эффективному использованию санкций являются неспособность найти компромисс относительно нарушений, заслуживающих ответной реакции, и нежелание нести убытки в случае применения ограничительных инструментов.

В-третьих, М. Докси отмечает такую важную деталь, как множественность целей, стоящих за введением ограничительных мер; следовательно, при анализе

---

[261] В данном случае, в основу анализа М. Докси положены 4 новых санкционных кейса: Иран, СССР, Польша и Аргентина.

[262] Doxey M. International sanctions in theory and practice // Case Western Reserve Journal of International Law. – 1983. – Vol 15(2). pp. 275.

необходимо суметь определить истинную причину, даже если она публично не оглашалась. Иными словами, если государство-инициатор ставило перед собой задачу послать определенный сигнал, «экономические последствия можно в меньшей степени принимать во внимание»[263]. Как итог, она настоятельно призывает не прибегать к механизмам принуждения в международном взаимодействии, рекомендуя уделять больше внимания кооперативному решению проблем и раннему предотвращению конфликтов.

При этом, наряду с условно новыми именами, вклад в развитие дисциплины продолжали вносить и уже ранее отмеченные авторы. В частности, обращает на себя внимание коллективная монография «Дилеммы экономического принуждения: санкции в мировой политике»[264], вышедшая под редакцией и при непосредственном участии П. Валленстина. Последняя представляет собой 8 эссе, посвященных различным аспектам проблем развития международной политики и дипломатии с акцентом на экономическое сдерживание[265]. В контексте темы диссертации, стоит рассмотреть тезисы, представленные в главах 4 и 8 Рассуждая о природе санкций в главе 4, П. Валленстин приходит к выводу о том, что их происхождение не связано с философией ненасилия[266]; то есть, по сути, косвенно подтверждает приведенный в пункте 1.2 данной главы аргумент, относящий подобные ограничения к инструментам закрепления гегемонии США за счет искусственного продвижения ценностей либерального интервенционизма. В свою очередь, в заключительной 8-й главе Д. Силван предлагает отказаться от, по его мнению, эвристически слабой, но распространенной типологизации: «с позиций

---

[263] Doxey M. International sanctions in contemporary perspective. – Basingstoke: Macmillan, 1987. p. 144.

[264] Dilemmas of Economic Coercion: Sanctions in World Politics, M. Nincic, P. Wallensteen (ed). – New York: Praeger Publishers, 1983.

[265] В авторский коллектив «Дилемм экономического принуждения» вошли ранее уже упоминавшиеся в диссертации П. Валленстин и Й. Галтунг, а также профессор Д. Силван (Женевский университет), Почетный профессор Университета Калифорнии М. Нинчич, Почетный профессор Гарвардского университета Р. Паарлберг, Профессор Бостонского колледжа Д. Диз и др.

[266] Для П. Валленстина санкции – это, прежде всего, инструмент, связанный с отсутствием возможности использовать вооруженные силы, особенно в случае небольших государств

сегодняшнего дня настаивать, что необходимо выделять санкции из целой гаммы иных форматов репрессивных действий – означает быть не только лишенным академической чуткости, но политически наивным и морально бестолковым»[267].

Кроме того, сигнальная функция санкций в системе международного общения отмечается в ряде работ 80-х гг., которые не оказали значительного влияния на теоретико-методологическое развитие дисциплины, однако с учетом рассматриваемой проблематики, заслуживают упоминания[268]. Наконец, именно в этот период началось изучение ограничительных мер с позиций теории общественного выбора и политической экономии[269], чему будет посвящен соответствующий раздел диссертации.

В контексте приращения знаний об экономических ограничительных мерах, 1990-е гг. стали знаковым временем: именно тогда (включая начало 2000-х гг.) были созданы классические работы, ставшие своего рода визитной карточкой санкционных исследований в глазах широкого круга специалистов-общественников[270]. Так, лидирующее место по числу цитирований, упоминаний и академической репутации в целом (в том числе, в отечественной политической науке) занимает Г. Хуфбауэр – руководитель коллектива[271], подготовившего

---

[267] Sylvan D. Ideology and the concept of economic security, in M. Nincic, P. Wallensteen (ed) Dilemmas of Economic Coercion: Sanctions in World Politics. – New York: Praeger Publishers, 1983. p. 237.

[268] См. например: Renwick R. Economic Sanctions. Center for International Affairs. – Cambridge, MA: Center for International affairs, Harvard University, 1981.; Leyton-Brown D. Lessons and policy considerations about economic sanctions, in: D. Leyton-Brown (ed.) The Utility of International Economic Sanctions. – St. Martin's Press, New York, 1987.; Nossal K.R. International sanctions as international punishment // International Organization. – 1989. – Vol.43. pp. 301-322.

[269] См.: Kaempfer W.H., Lowenberg A.D. The Theory of International Economic Sanctions: A Public Choice Approach // American Economic Review. – 1988. – Vol.78(4). pp. 786-793.

[270] Стоит отметить, что такое фундаментальное геополитическое событие, как распад Советского Союза не оказало значительного влияния на санкционные исследования. В этом смысле, более важным для дисциплины стал сопровождавшийся крупными и продолжительными насильственными конфликтами распад Югославии.

[271] В авторский коллектив «Переосмысления экономических санкций», помимо непосредственно Г. Хуфбауэра вошли сотрудники Института Петерсона Дж. Шотт, К. Элиотт и Б. Оег. Однако для упрощения восприятия текста диссертации в дальнейшем при упоминании данного текста будет использоваться фамилия титульного автора.

фундаментальный кейс-стади «Переосмысление экономических санкций»[272], который выдержал уже 3 переиздания что, вероятно, не является конечным значением[273].

Во-первых, в таком аспекте как разработка понятийно-категориального аппарата текст Г. Хуфбауэра является каноничным. Фактически, это касается даже самого определения санкций, устоявшегося в качестве рабочего: «Преднамеренные действия государства, коалиции государств или международной организации (инициатора), направленные на сокращение, ограничение или прекращение торговых либо финансовых отношений с государством-мишенью (государством адресатом, целевым государством). Подобные шаги преследуют политические цели, в числе которых: изменение политического режима, основ либо конкретных положений внутренней или внешней политики/отказ от каких-либо политических обязательств. Задача введения санкций: создать обстоятельства, при которых прямой экономический ущерб или упущенная выгода в совокупности с их последствиями для политической системы и общества делают сохранение старого политического курса нецелесообразным, тем самым, вынуждая государство-мишень идти на уступки»[274].

Во-вторых, комплексный характер и методологическую силу «Переосмыслению экономических санкций» придает ранее не имевшая аналогов эмпирическая база. Если в 1970-1980-е гг. критерием качества проделанной работы считалась выборка из 10-15 разобранных кейсов, то Г. Хуфбауэр расширяет ее до беспрецедентного значения – 174 эпизода применения санкций в XX и XXI вв[275].

---

[272] В отечественной академической традиции не сложилось устойчивого консенсуса относительно перевода названия данной работы. В частности, у И.Н. Тимофеева можно встретить вариант «Новый анализ экономических санкций». См.: Тимофеев И.Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – №2(59). – С. 26-42.

[273] Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. Third Edition. – Peterson Institute for International Economics, 2009.

[274] Ibid. p. 3,5.

[275] В данном случае имеется в виду издание 2009 г. Для сравнения, предыдущая редакция «Переосмысления экономических санкций» включала в себя 116 кейсов.

При этом, речь идет как о мерах со стороны легитимных структур ООН, так и о различных по форме и содержанию односторонних и многосторонних механизмах экономического сдерживания. В основу дизайна исследования было положено два ключевых вопроса: как оценить практическую полезность санкций и, соответственно, как повысить эффективность этого инструмента для достижения политических целей? Что касается первого аспекта, термин «практическая полезность» в отношении ограничительных мер использован неслучайно, поскольку автор достаточно четко дает понять, что ставит своей задачей выработку конкретных рекомендаций: «В то время как некоторые продолжают утверждать, что “санкции не работают в принципе”, мы [авторский коллектив. – Ананьев] согласны с большинством экспертов в том, что ключевой вопрос должен быть задан иначе: “при каких условиях санкции начинают приносить результаты?”. Какие задачи относительно проще решить с их помощью? Какие цели наиболее уязвимы?»[276]. Соответственно, соотнося изначальную мотивацию государства-инициатора с его набором рычагов влияния на государства-мишень, а также привлекая к анализу 6 политических и 6 экономических переменных, Г. Хуфбауэр получает цифру, которая стала как важной самостоятельной академической находкой (зачастую, именно отсылки к ней фигурируют в материалах по санкционной проблематике), так и отправной точкой для дальнейших интерпретаций: санкции, направленные на политические изменения в государстве-мишени достигают успеха в 34% случаев. Это объясняется, прежде всего, нереалистичностью выдвигаемых требований, которые не учитывают политико-экономических реалий в государстве-мишени. Что касается ограничений, вводимых из соображений непосредственно экономического характера, процент положительных результатов здесь несколько (но не существенно) выше – 40,

[276] Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. Third Edition. – Peterson Institute for International Economics, 2009. p. 43.

поскольку полноценная экономическая самодостаточность у государства-мишени встречается реже политической устойчивости либо консолидации режима[277].

В-третьих, как и его предшественники, автор обращается к проблематике устойчивости санкционных коалиций, при этом вводя в оборот понятие «черных рыцарей» – влиятельных и экономически развитых государств, выполняющих свои обязательства по участию в режиме ограничений лишь номинально, но при этом оказывающих государству-мишени помощь, способную «в значительной степени смягчить бремя внешнего давления», а также «укрепить авторитет его правительства как внутри страны, так и за рубежом»[278]. В качестве примеров приводятся ситуации, в которых крупная держава оказывалась частью идеологического конфликта, вызванного внешней политикой значительно менее влиятельного актора: санкции США против Кубы, а затем Никарагуа, Советские ограничения в отношении Югославии и Албании. Кроме того, аналогичная ситуация сложилась вокруг противостояния Лиги Арабских Государств и Израиля, когда завуалированная помощь со стороны США и Западной Европы позволила последнему выдержать серьезное внешнее давление.

---

[277] Представленные в работе показатели выглядят следующим образом: санкции, направленные на незначительные политические изменения, достигают успеха в 51% случаев; на смену режима/демократизацию – в 31%; на предотвращение агрессивного внешнеполитического курса – в 21%; на снижение военного потенциала – в 31%; в остальных ситуациях – 30%. Санкции финансово-экономического характера приносят положительные результаты в 40,3% случаев; финансового – в 35,8%; экспортно-импортного – в 25%; финансово-импортного – в 20%; финансово-экспортного – в 17,9%. В свою очередь, переменные разбиты на две группы: политические – сопутствующие меры в виде военных учений и квазивоенной деятельности; устойчивость санкционной коалиции; вовлеченность международных организаций; уровень международной помощи государству-мишени; степень близости отношений инициатора и мишени до введения санкций; особенности режима в целевом государстве и экономические – издержки государства-мишени, выраженные в абсолютном (долл. США) и относительном (доля от ВВП) значении; уровень коммерческих отношений между инициатором и мишенью, выраженный в объеме двусторонней торговли, а также проценте, который этот показатель составляет от общего объема двусторонней торговли государства-мишени; сравнение размера экономик инициатора и мишени, выраженное в соотношении их ВНП; здоровье экономики целевого государства; вид введенных санкций; общая оценка ущерба. Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. Third Edition. – Peterson Institute for International Economics, 2009. p. 55,56,159,170.

[278] Ibid. p. 8, 175.

В-четвертых, в работе представлены рекомендации для лиц, принимающих решения, сформулированные в афористической форме, что упрощает их восприятие и воспроизведение[279].

А) Не откусывай больше, чем сможешь прожевать: речь идет об адекватной оценке собственных ресурсов и возможностей. Исследование на обширном эмпирическом материале подтвердило корреляцию между амбициозными политическими целями и меньшими шансами на успех их достижения путем введения экономических ограничений.

Б) Союзников подчинить проще, чем противников: «Для дипломатов это может прозвучать как крамола, однако факты свидетельствуют в пользу того, что санкции наиболее эффективны в случаях применения против союзников или близких торговых партнеров. Этим государствам есть, что терять, в отличие от тех стран, с которыми у инициатора изначально были ограниченные, либо недружественные отношения»[280].

В) Остерегайтесь автократий: «трудно запугать хулигана экономическими мерами»[281]. Так, в данном случае, Г. Хуфбауэр резюмирует не новый, но получивший «второе дыхание» с помощью изучения Северокорейского кейса тезис о том, что автократии демонстрируют большую степень устойчивости к внешнему давлению, чем демократические или близкие к ним режимы.

Г) Обрушь молот, а не закручивай гайки: «Как правило, политики ценят постепенное введение ограничений, чтобы избежать быстрой эскалации и оправдать последующее применение силы, если остальные инструменты не помогут. Напротив, данные говорят о том, что шансы избежать военной эскалации

---

[279] Количество рекомендаций разнится в зависимости от редакции материала: в оригинальном тексте 1985 г. их представлено 9; в более поздних переизданиях это число сократилось. В данном случае в диссертации использована версия рекомендаций от 2009 г.

[280] Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. Third Edition. – Peterson Institute for International Economics, 2009. p. 163.

[281] Ibid. p. 166.

повышаются, если использовать весь набор ограничительных мер сразу с максимальным эффектом для государства-мишени»[282].

Д) Больше – не значит лучше: иными словами, успех санкционной коалиции в большей степени определяет не формальное число участников, а уровень их сплоченности и комплаенс, а также отсутствие явных или скрытых «черных рыцарей».

Е) Выбирай правильный инструмент. Проще говоря, автор перефразирует традиционный аргумент: в качестве самостоятельного шага санкции, как правило, показывают несостоятельность. Соответственно, оптимальная стратегия будет включать в себя сопроводительные действия; вопрос заключается в том, какие из них (от дипломатического бойкота до военного вмешательства) будут наиболее уместны том или ином конкретном случае.

Ж) Не будь скрягой, но избегай расточительства: «Инициаторам необходимо найти баланс между издержками от введения санкций, которые понесут местные потребители (либо союзники) и ожидаемыми выгодами. В противном случае, поддержка подобной политики может быстро сойти на нет. С другой стороны, чрезмерная забота о минимизации последствий может обесценить достигнутые результаты»[283].

З) Семь раз отмерь – один раз отрежь: как показывает практика, сочетание благоприятных условий для применения экономических ограничений возникает реже, чем предполагают лидеры ведущих государств-инициаторов. Следовательно, тщательный предварительный анализ – неотъемлемый компонент качественной политики сдерживания.

В-пятых, «Переосмысление экономических санкций» – это важная теоретико-методологическая часть становления тренда на т.н. «умные санкции»; непосредственно сам термин появляется в поздних редакциях материала, однако уже в 1985 г. Г. Хуфбауэр четко улавливает будущую траекторию развития

---

[282] Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. Third Edition. – Peterson Institute for International Economics, 2009. p. 168.

[283] Ibid. p. 176.

дисциплины – движение в сторону мер, призванных точечно воздействовать на болевые точки государства-мишени.

Конец 1990-х гг. для санкционных исследований прошел под знаком академической дискуссии, инициированной благодаря рефлексии «Переосмысления экономических санкций» со стороны Р. Пейпа[284], который в ряде работ изложил собственный взгляд на особенности института международных экономических ограничений[285]. Полемизируя с Г. Хуфбауэром, последний, прежде всего, предлагает провести ревизию разобранных кейсов и приходит к достаточно радикальному выводу: из 40 эпизодов применения санкций, которые в «Переосмыслении» представлены как успешные, в реальности таковыми являются только 5[286]. Объясняется это следующим образом: в 18 случаях санкции так или иначе сопровождались прямым или косвенным применением вооруженных сил; в 8 – было невозможно установить, что требования государства-инициатора были удовлетворены; 6 раз введенные ограничения в принципе не отвечали критериям санкций; 3 факта в принципе сложно отнести к выборке[287]. Кроме того, автор критически отзывается о «чрезмерном оптимизме», который демонстрирует Г. Хуфбауэр; это замечание, на первый взгляд, кажется несущественным, однако за ним стоит, возможно, первая в истории дисциплины проработанная методологическая полемика. Обмен мнениями между Р. Пейпом и К. Эллиот показал существующие в академическом сообществе разногласия относительно дизайна и гипотез исследования[288]. В результате стороны не смогли прийти к

---

[284] Р. Пейп – доцент Дартмутского колледжа (Нью-Гемпшир).

[285] Pape R. Why Economic Sanctions Do Not Work // International Security. – 1997. – Vol.22(2). pp. 90-136; Pape R. Why Economic Sanctions Still Do Not Work // International Security. – 1998. – Vol.23(1). pp. 66-77; Pape R. Evaluating Economic Sanctions // International Security. – 1998. – Vol.23(2). pp. 195-198.

[286] Pape R. Why Economic Sanctions Do Not Work // International Security. – 1997. – Vol.22(2). p. 93.

[287] Pape R. Why Economic Sanctions Still Do Not Work // International Security. – 1998. – Vol.23(1). p. 66.

[288] Отвечая на критику Р. Пейпа, высказанную в статье «Почему экономические санкции не работают?», член авторского коллектива «Переосмысления экономических санкций» К. Эллиот подготовила материал «Санкции: стакан наполовину полон и полностью пуст», в котором сформулировала несколько заслуживающих внимания возражений. Во-первых, автор отмечает,

полному консенсусу, что, по всей видимости, только укрепило Р. Пейпа в его выводах.

— Дедуктивная логика, лежащая в основе теорий экономического сдерживания, не сочетается с особенностями поведения национальных государств, которые снижают эффективность подобных мер[289].

— Будущий научный поиск, предположительно, должен выстраиваться вокруг двух взаимосвязанных вопросов: во-первых, если санкции не являются эффективным инструментом воздействия на поведение стран на международной арене, почему их продолжают применять? Следовательно, во-вторых, если в прошлом ограничения не позволяли добиться поставленных целей, какова вероятность, что в будущем возникнет стечение обстоятельств, которое позволит им сработать[290]?

— Корреляция между уровнем двусторонней торговли и успехом санкций, которая, как правило, отмечается в профильной литературе, требует более пристального внимания: «В академической среде довольно распространено мнение о том, что ограничения достигают цели в ситуациях, когда государство-мишень находится в тотальной зависимости от торговли с инициатором. Однако аргументы в пользу этой позиции представляются недостаточно убедительными. Действительно, Лесото уступил требованиям ЮАР в 1983 г., как и Непал Индии в 1989 г., но для этих случаев существует и альтернативное объяснение, особенно если принять во внимание, что и Лесото, и Непал в плане экономической самодостаточности являются, скорее, исключениями. Поэтому целесообразнее

что позиционирование текста, как чрезмерно оптимистичного (34% успешных кейсов) не соответствует действительности, в связи с чем Р. Пейп, по сути, решает созданную им же проблему. Во-вторых, по мнению К. Эллиот, значительная часть расхождений в результатах вызвана концептуальными отличиями этих работ, а именно дизайном исследования («Переосмысление экономических санкций» не исключает из выборки кейсы, в которых успех применения санкций был обеспечен сопутствующими мерами) и исследовательским вопросом. В-третьих, К. Эллиот отстаивает точку зрения, согласно которой конфискацию активов необходимо относить к экономическим санкциям. См.: Elliott K. The Sanctions Glass: Half Full or Completely Empty // International Security. – 1998. - Vol.23(1). pp. 50-65.

[289] Pape R. Why Economic Sanctions Do Not Work // International Security. – 1997. – Vol.22(2). p. 109.

[290] Ibid. p. 109.

было бы изучать внешнеэкономическое поведение государств, не имеющих выхода к морю, чтобы понять, смогут ли превентивно скорректировать свое поведение, исходя из требований более влиятельных соседей.»[291].

— Перспективным направлением представляется изучение взаимосвязи эффекта от санкций и распределения доходов в обществе государства-мишени: «Существуют основания полагать, что санкции нанесут максимальный ущерб странам с высоким и очень высоким уровнем неравенства. <…> В частности, этим можно объяснить относительно быстрое падение апартеида в ЮАР, в то время как режим С. Хуссейна выстоял под жестким натиском в течение пяти лет. Если обратить внимание на структуру собственности, 20% населения (белое меньшинство) контролировали 75% общественных благ Йоханнесбурга; вместе с тем, с 1968 по 1990 гг. Багдад проводил политику, характерную для социального государства (включая перераспределение земель, бесплатное образование и здравоохранение). Соответственно, в 1990 г., оказавшись в изоляции, политическое руководство сумело защитить благосостояние лояльной части граждан, одновременно подавив возникшее очаговое общественное недовольство»[292].

— Гуманный характер санкций как инструмента конфликторазрешения существенно преувеличен: «Даже если в будущем экспертное сообщество сможет выявить условия, при которых санкции позволят достигать внешнеполитических целей, экономическое давление может оказаться не столь “либеральной” альтернативой военной силе, как об этом принято думать. Санкции часто приводят к серьезным человеческим жертвам вне зависимости от того, были ли они успешными, или нет. По последним данным, с момента окончания Войны в Персидском заливе ограничительные меры со стороны Совета Безопасности ООН привели к гибели порядка 567 000 иракских детей[293], что на порядок превышает

---

[291] Pape R. Why Economic Sanctions Do Not Work // International Security. – 1997. – Vol.22(2). pp. 109-110.

[292] Ibid. p. 109.

[293] Позитивное отношение Г. Хуфбауэра к данному санкционному эпизоду стало одной из линий критики К. Эллиот со стороны Р. Пейпа: «Лакмусовой бумажкой взглядов коллектива Г. Хуфбауэра стали политические рекомендации, которые были ими представлены во время

число потерь от непосредственно боевых действий (40 000 военных и 5000 гражданских лиц)»[294].

Помимо методики кейс-стади, широко представленной в разобранных выше работах по санкционной проблематике, в 1990-е гг.[295] также началось внедрение в дисциплину теоретико-игрового моделирования, которое нашло применение у Дж. Цебелиса[296] и Д. Дрезнера[297]. Последний в ставшей классической работе «Санкционный парадокс» на основе анализа конфликта ожиданий, возникающего у участников санкционного эпизода, подтверждает ранее сформулированную его коллегами гипотезу (в научном сообществе ее принято называть «парадоксом Дрезнера»): государства, находящиеся в недружественных отношениях, как правило, вводят их с большей готовностью, однако при этом реже достигают поставленных целей. Напротив, партнеры и союзники, скорее всего, будут избегать тактики экономического давления, но в случае его применения, вероятнее пойдут на уступки. Следовательно, самая эффективная стратегия исходит из предпосылки о том, что инициатор не должен обращать внимание на перераспределение потенциальных выгод (проще говоря, санкции сработают, если проявить твердость в намерении идти до конца, не ограничиваясь полумерами). Таким образом, умеренные санкции в отношении союзников и партнеров выглядят более предпочтительно, чем жесткие, но в отношении недружественных стран.

кризиса в Персидском заливе, сопровождавшемся, вероятно, самой важной общественной дискуссией о санкциях за последнее время». Pape R. Why Economic Sanctions Still Do Not Work // International Security. – 1998. – Vol.23(1). p. 67.

[294] Pape R. Why Economic Sanctions Do Not Work // International Security. – 1997. – Vol.22(2). p. 110.

[295] Также в рамках рассмотрения санкционных исследований в 90-е гг. XX в. необходимо упомянуть следующие материалы: Martin L. Coercive Cooperation: Explaining Multilateral Economic Sanctions. – Princeton, 1992.; Cortright D. Economic Sanctions: Panacea or Peacebuilding in a Post-Cold War World? – Boulder, 1995.; Stremlau J. Sharpening International Sanctions. Towards a Stronger Role for the United Nations, A Report to the Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict. – New York, 1996.

[296] Дж. Цебелис – Профессор политологии Университета Мичигана, специалист по методикам моделирования политических процессов. См.: Tsebelis G. Are Sanctions Effective? A Game-Theoretic Analysis // Journal of Conflict Resolution. – 1990. – Vol.34(1). pp. 3-28.

[297] Д. Дрезнер – Профессор Университета Тафтса. См.: Drezner D. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

2000-е гг. для санкционных исследований, о чем уже говорилось выше, стали временем доминирования тренда на изучение умных санкций[298]. Неизбирательный характер экономического оружия, продемонстрированный на примерах Ирака и Югославии, вызвал широкий резонанс, который в том числе привел к озвучиванию проблемы на самом высоком уровне. Так, в своей нобелевской речи 39-й Президент США Дж. Картер отметил, что государства должны «стремиться исправить несправедливость, порожденную санкциями, которые призваны наказать жестоких политиков, но на практике слишком часто становятся карой для тех, кто уже и так страдает от действий режима»[299]. Соответственно, академическое сообщество сосредоточилось на поиске путей оптимизации стратегий использования экономических ограничений; в частности, в качестве одного из частотных аргументов высказывалась идея о необходимости увязывать санкции с формированием коалиций, способных в полной мере реализовать таргетированное давление нового типа. В этом смысле значимым шагом стала работа по сбору эмпирического материала и составлению базы данных TIES[300] (Угроза применения

[298] Термин «умные санкции» (smart sanctions) имеет достаточно широкое употребление. Зачастую он используется в качестве синонима для понятия «таргетированные санкции» (targeted sanctions). В то же время, в узком смысле к таргетированным санкциям относят ограничения в финансовом секторе. В рамках диссертации эти словосочетания будут взаимозаменяемыми за исключением специально обозначенных случаев.

[299] К высказыванию Дж. Картера стоит относиться, скорее, инструментально: в разделе 1.2 разбирались примеры «двойного нарратива», направленного на создание иллюзии многополярности при реальном сохранении гегемонии США. Кроме того, политическая ангажированность Нобелевской премии мира также не позволяет воспринимать данную фразу буквально, то есть, как принятие на себя обязательств, потенциально ослабляющих позиции Вашингтона. Тем не менее, игнорировать факт включения санкционной проблематики в знаковый акт международной коммуникации начала XXI в. представляется необоснованным. См.: Jimmy Carter Nobel lecture. [Электронный ресурс]. The Nobel Prize. December 12, 2002. URL: https://www.nobelprize.org/prizes/peace/2002/carter/lecture/ (дата обращения: 01.06.2026).

[300] База данных TIES (Threat and Imposition of International Sanctions) – крупный исследовательский проект, направленный на сбор эмпирического материала, связанного с различными эпизодами санкционной политики, начиная с 1945 г., и его систематизацию на основе теоретико-игрового моделирования. Ответственными экспертами выступили К. Морган, Н. Бапат, В. Крастев и Й. Кобаяши. Наиболее актуальная версия TIES 4.0 включает в себя 888 кейсов. См.: Clifton M., Bapat N., Kobayashi Yo. The Threat and Imposition of Sanctions: Updating the TIES dataset // Conflict Management and Peace Science. – 2014. – Vol31(5). pp. 541-558.

и введение экономических санкций), которая существенно повысила методологическую вариативность аналитической деятельности, а также лишила группу Г, Хуфбауэра монопольного положения на данном направлении[301]. С другой стороны, важно отметить, что результаты количественных исследований, вне зависимости от принадлежности к той или иной области политической науки, стоит воспринимать с определенной степенью условности; их слабой стороной считается чувствительность к изменению комбинации условий и параметров[302]. Тем не менее, именно TIES позволила систематизировать ранее недоступный объем информации; в частности, при оценке ущерба в том числе умных санкций, на нее опирался известный в профессиональной среде коллектив Н. Бапата[303], который также обратился к нестандартному для дисциплины инструменту – индексу чувствительности[304].

Кроме того, ранее начатое изучение специфики таргетированных ограничений со стороны ООН продолжили Д. Кортрайт и Дж. Лопез[305]. Их позиция

---

[301] До момента появления TIES методологическим пионером и монополистом в области санкционных баз данных был Г. Хуфбауэр с его «Переосмыслением экономических санкций».

[302] С учетом обозначенной особенности количественных исследований, значительная часть усилий академического сообщества направляется на поиск независимых переменных, определяющих эффективность санкций. Однако их результаты не демонстрируют сопоставимые результаты.

[303] Исследование направлено на поиск факторов ущерба и оценку роли коалиции; влияние переменных определялось на основе базы данных TIES. Результатом стал вывод о том, уровень ущерба и наличии коалиции на базе международной организации представляют собой самые значимые факторы успеха. Как и в предыдущих случаях, коллективная работа позиционируется по фамилии титульного автора – доцента Университета Северной Каролины Н. Бапата. См.: Bapat N., Clifton M. Multilateral Versus Unilateral Sanctions Reconsidered: A Test Using New Data // International Studies Quarterly. – 2009. – Vol53(4). pp. 1075–1094; Bapat N. et al. Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data // International Interactions. – 2013. – Vol39(1). pp. 79–98.

[304] Работа опирается на методологию, предложенную в материале «Анализ чувствительности сможет помочь». См.: Leamer E. Sensitivity Analyses Would Help // American Economic Review. – 1985. – Vol75(3). pp. 308–313.

[305] Сотрудники Университета Нотр-Дам в области разоружения и предотвращения войн Д. Кортрайт и Дж. Лопез известны рядом публикаций по санкционной проблематике. В их числе – коллективная монография «Умные санкции: целенаправленное экономическое управление», объединившая 10 материалов по различным аспектам таргетированных экономических ограничений. См.: Cortright D., Lopez G. Economic Sanctions: Panacea or Peacebuilding in a Post-

относительно данного механизма заключается в следующем: большинство попыток применить «умное» экономическое давление в 90-е гг. не увенчалось успехом в силу отсутствия у государств и международных организаций релевантного опыта и отлаженных институтов. В связи с этим, время является фактором, работающим, скорее, на стороне инициаторов. Например, в вопросе оружейного эмбарго Совет Безопасности прибегнул к созданию специальных следственных групп, ответственных за выявление и осуждение лиц, нарушивших санкционные режимы против Руанды (1994 г.) и группировки УНИТА[306]. Также, когда в 1996 г. речь шла о возможном введении запрета на полеты в Судан – это, по мнению авторов, стало «первым случаем, когда организация попыталась оценить вероятные последствия санкций перед их инициированием»[307]. Однако существовала и альтернативная точка зрения; в рецензии с говорящим названием «Насколько умны умные санкции?» Д. Дрезнер достаточно категорично высказался на этот счет: «К сожалению, даже с учетом того, что субъекты-инициаторы стали действовать более гибко, умные санкции, скорее всего, обернутся полным провалом. <…> Так, кейс-стади показывает, что даже самые современные по форме и содержанию ограничения наносят существенный урон гражданскому населению целевой страны. <…> Что касается специфики многосторонних ограничений, они не могут быть введены достаточно оперативно

Cold War World? – Boulder: Westview Press, 1995.; Cortright D., Lopez G. Carrots, Sticks, and Cooperation: Economic Tools of Statecraft, in Rubin B (ed.) Cases and Strategies for Preventive Action. – New York: The Century Foundation Press, 1998.; Cortright D., Lopez G. The Sanctions Decade: Assessing UN Strategies in the 1990s. – Boulder: Lynne Rienner, 2000.; Cortright D., Lopez G. Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft. – Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2002.

[306] Группировка UNITA (Национальный союз за полную независимость Анголы) – вооруженное повстанческое антиправительственное движение, позже эволюционировавшее в политическую партию. Кейс UNITA примечателен институционализацией, то есть, созданием в рамках архитектуры ООН профильного Комитета Совета Безопасности (Резолюция 864(1993) «Механизм наблюдения за осуществлением санкций против УНИТА»), который прекратил работу в 2002 г. (Резолюция 1448(2002). См.: Комитеты по санкциям, прекратившие свою деятельность. Совет Безопасности ООН [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3Nd8BL (дата обращения: 01.06.2026).

[307] Cortright D., Lopez G. Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft. – Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2002. p. 160.

для того, чтобы вызвать болезненные последствия, поскольку существует необходимость найти компромисс между форсированием процедуры и эффективным правоприменением. В частности, в случае финансовых санкций со стороны ООН, государство-мишень получает предупреждение за месяц до начала процедуры; этот период используется как окно возможностей для того, чтобы снизить остроту последствий. <…> За одним исключением [имеется в виду глава, написанная К. Эллиот. – Ананьев], авторы не признают очевидного факта: по мере того как инициаторы совершенствуют санкционные стратегии, мишени аналогичным образом обучаются противодействию. <…> Более серьезной проблемой можно считать посылку о том, что все дальнейшие эпизоды применения умных санкций повторят Иракский сценарий. Если целью санкционной политики является сдерживание – то парадигма таргетированных ограничений, вероятно, имеет смысл. Если же за этим стоит намерение изменить поведение объекта, то в долгосрочной перспективе “классические” санкции могут оказаться более гуманным подходом. <…> Большинство экспертов сойдутся на том, что случай Ирака нетипичен для санкционной вселенной. <…> Наконец, даже самым умным в мире санкциям не удастся преодолеть отсутствие консенсуса среди инициаторов, что является Ахиллесовой пятой любых коллективных действий»[308]. Таким образом, как можно заметить, концепция ограничений нового формата, несмотря на доминирование в академическом поле и высокий уровень ожиданий, вызвала полярную реакцию, что обусловило необходимость продолжить изучение вопроса.

[308] Drezner D. How Smart Are Smart Sanctions? Review of Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft, by D. Cortright & G. A. Lopez // International Studies Review. – 2003. – Vol5(1). pp. 108-109.

Попытки реализовать эту задачу были предприняты в работах Х. Аскари[309], С. Аллен[310], В. Крастева[311], Б. Эрли[312] и ряда других авторов.

При этом, параллельно с накоплением научного знания о санкциях, стоит обратить внимание на его ревизию. В 2013 г. П. Валленстин подготовил материал «Столетие экономических санкций: обзор предметного поля»[313], в котором емко описал их место в постбиполярном миропорядке: «Интерес к умным санкциям представляется возможным выходом из существующей санкционной дилеммы. Однако их распространение может привести к тому, что санкции станут оружием для богатых, направленным против бедных. Уже сейчас наблюдается следующая тенденция: экономические ограничения пополняют арсенал крупных держав. В свою очередь, в мире с единственной сверхдержавой они становятся одним из многих инструментов поддержания статуса»[314]. Кроме того, автор обратил внимание на определенную закономерность. Академические дискуссии по теме экономических ограничений цикличны; как правило, очередная стадия охватывает примерно 30 лет, что в целом соответствует динамике изменения международной обстановки. Данный аргумент выглядит оправданным: если обратить внимание на разобранные выше периоды интереса к санкционной проблематике, можно проследить подобную тенденцию. В 1930-е гг. речь шла о формализации статуса международной агрессии как основной легитимной причины ввода санкций; 1960-е гг. прошли под знаком тренда на деколонизацию и поиска новой конфигурации взаимодействия с учетом изменившейся политической карты мира; что касается

---

309 Askari H., Forrer J., Teegen, H., Yang, J. Economic Sanctions: Examining Their Philosophy and Efficacy. – Westport: Praeger, 2003.

310 Allen S. The Determinants of Economic Sanctions Success and Failure // International Interactions. – 2005. – Vol 31(2). pp. 117-138.

311 Krustev V. Strategic Demands, Credible Threats and Economic Coercion Outcomes // International Studies Quarterly – 2010. – Vol 54(1). pp. 147-174.

312 Early B. Unmasking the Black Knights: Sanctions Busters and Their Effects on the Success of Economic Sanctions. // Foreign Policy Analysis. – 2011. – Vol 7(4). pp. 381-402.

313 Wallensteen P. A Century of Economic Sanctions: A Field Revisited. [Электронный ресурс] // Uppsala Peace Research Papers. – 2000. – No.1. – P.1. URL: https://uu.diva-portal.org/smash/get/diva2:76170/FULLTEXT01.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

314 Ibid., P. 19.

1990-х гг., накопленный объем практики позволил переосмыслить как теоретико-методологическую базу, так и выдвинуть гипотезу о новом формате экономического сдерживания. В свою очередь, условным завершением эпохи умных санкций можно считать Крымские события 2014 г., которые спровоцировали существенные сдвиги в глобальной санкционной архитектуре и потребовали нового взгляда на происходящее в рамках дисциплины.

1.5. Современные санкционные исследования: дисциплина в условиях внешних шоков

Вопрос выделения современного этапа в развитии дисциплины сам по себе является дискуссионным, поскольку данное понятие пока что не фигурирует в научном дискурсе. Следовательно, существуют различные основания для потенциальной периодизации. Прежде всего, с учетом темы диссертации, это может быть принцип содержания академического диалога, когда каждый следующий переход определяется эволюцией категориально-понятийного аппарата либо методологической базы исследований. Однако если обратиться к корпусу профильной литературы, становится понятно, что, за исключением появления ряда ранее не разобранных кейсов[315], прорыва на направлении не произошло: эксперты в середине 2020-х гг., как правило, оперируют теоретико-методологическими наработками конца 1990-х – ранних 2000-х гг. Альтернативный вариант – использовать хронологический подход, то есть, ориентироваться на цикличность научного поиска, механически выделяя соответствующие временные отрезки. Слабое место такого способа – т.н. «черные лебеди»[316], которые непредсказуемо дестабилизируют международную обстановку, внося элемент хаотичности в рутинные процессы. Наконец, возможно отталкиваться непосредственно от практики; иными словами, принимать во внимание значимые тренды или одиночные события, которые формируют вокруг себя приращение знания. Именно данный прием представляется наиболее уместным, поскольку события, связанные с вхождением Республики Крым в состав России в 2014 г. во многом разделили практику использования экономических санкций на «до» и «после» и, следовательно, предопределили начало современной

[315] В первую очередь, речь идет о кейсах Ирана и КНДР.

[316] «Черный лебедь» – термин, обозначающий событие, не поддающееся прогнозированию, и резко меняющее устоявшуюся логику рутинных процессов или создающее принципиально новый контекст в привычных ранее обстоятельствах. Введен американским мыслителем Н. Талебом в одноименной работе «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости».

стадии санкционных исследований[317]. При этом, важно отметить, что, как и в случае с некоторыми другими системообразующими процессами, рефлексия «санкционного цунами» в отношении Москвы происходила с определенной инерцией. Соответственно, в середине 2010-х гг. в академическом поле присутствуют заслуживающие упоминания материалы, не связанные с обозначенной проблематикой.

В первую очередь, речь идет о развитии тенденции на изучение умных санкций; здесь необходимо уточнить, что применительная практика таргетированных ограничений по сравнению с первоначальным вариантом претерпела изменения, сместившись в финансовую плоскость. Работу в этой области продолжили Д. Дрезнер[318] и М. Бржоска[319]. Последний, сосредоточившись на санкционной архитектуре ООН, отметил интересную закономерность: 78% ограничений со стороны организации были введены после того, как в отношении государства-мишени применялись односторонние меры. Более того, зачастую государства-инициаторы использовали санкционный режим ООН для того, чтобы встроить в него собственные инициативы за счет резолюций[320]. Таким образом,

---

[317] Формально масштабные ограничения против России начали вводиться в апреле 2013 г. в связи со смертью аудитора С. Магнитского, однако за исключением специально обговариваемых случаев, в экспертном сообществе укоренилось собирательное название этого периода санкционной политики по наиболее значимому событию.

[318] В 2015 г. Д. Дрезнер выпустил материал «Таргетированные санкции в мире глобальных финансов», в котором охарактеризовал этот тип ограничений как «симбиоз традиционного экономического сдерживания и умных санкций». В то же время, в работе были подняты следующие вопросы: являются ли таргетированные меры более гуманным вариантом воздействия на экономику страны-мишени? Какова будет реакция на их успех в плане увеличения издержек для целевого государства? Повлияет ли растущая зависимость Вашингтона от таргетированных санкций на его финансовую гегемонию в будущем? Drezner D. Targeted Sanctions in a World of Global Finance. // International Interactions. – 2015. – Vol 41(2). pp. 762.

[319] М. Бржоска – профессор Университета Гамбурга; первые работы по теме санкций представил в начале 2000-х гг., однако более известен благодаря исследованию 2015 г. Brzoska M. From Dumb to Smart? Recent Reforms of UN Sanctions. // Global Governance. – 2003. – Vol 9(4). pp. 519-535; Brzoska M. Measuring the Effectiveness of Arms Embargoes. // Peace Economics, Peace Science and Public Policy. – 2008. – Vol 14(2). pp. 1-34; Brzoska M. International Sanctions Before and Beyond UN Sanctions. // International Affairs. – 2015. – Vol 96(6). pp. 1339-1349.

[320] Brzoska M. International Sanctions Before and Beyond UN Sanctions. // International Affairs. – 2015. – Vol 96(6). pp. 1339-1349.

автор прослеживает связь между легитимной и функционирующей на практике системами международного экономического сдерживания, в то время как подавляющее большинство источников сосредоточены на одном из этих аспектов. Еще одна важная особенность заключается в следующем: зачастую развитые государства комбинируют односторонние и многосторонние ограничения, действуя по двум возможным схемам. В одном из вариантов, в первую очередь, вводятся односторонние санкции, которые затем с той или иной степенью успешности легитимизируются при помощи Совета Безопасности (соответственно, государства-инициаторы выступают создателями проектов резолюций). Альтернативный подход подразумевает надстройку санкционного режима ООН за счет национальных ограничительных мер, если шаги со стороны организации по тем или иным причинам не вызывают у государства-инициатора согласия[321]. Ярким примером этой стратегии является линия США в отношении Ирана в рассматриваемый период[322]. Вместе с тем, наряду с аналитическим компонентом, М. Бржоска поднимает и такой ранее уже обсуждавшийся в экспертной среде вопрос, как политизация экономического оружия. Однако в контексте геополитических сдвигов 2010-х гг. он приобретает более острое звучание: «Должны ли США и ЕС быть обеспокоены растущим скептицизмом в отношении санкций, не связанных с ООН? Безусловно, игнорировать этот факт не стоит. Хотя до настоящего времени критика политически-мотивированных санкций не имела реальных последствий, их общее неприятие усиливается. В то же время, мнение относительно односторонних ограничений также меняется. Россия и Китай

[321] Brzoska M. International Sanctions Before and Beyond UN Sanctions. // International Affairs. – 2015. – Vol 96(6). pp. 1339-1349.

[322] И.Н. Тимофеев разбирает эту ситуацию более подробно: в 2015 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 2231, согласно которой «сделка» относительно ядерной программы закреплялась на международном уровне; следовательно, наложенные ранее санкции отменялись. Однако уже в 2017 г. Конгрессом был принят законопроект 3364, который накладывал на Иран ряд ограничений, в том числе за разработку баллистических ракет, нарушение прав человека и др. Более того, Вашингтон поднял вопрос о пересмотре условий сделки. Как отмечает автор, «Такие действия девальвируют эффективность СБ ООН как единственного источника легитимных международных санкций». Тимофеев И.Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – №2(59). – С. 39.

публично высказывают негатив в адрес подобных действий, тем не менее, на практике все чаще прибегают к торговым или дипломатическим бойкотам как инструменту внешней политики, что потенциально делает их частью гибридных санкционных режимов»[323]. Иными словами, в заключении автор косвенно затрагивает ключевые для современного состояния дисциплины события – переход санкционного противостояния на глобальный уровень.

Прежде чем перейти к рассмотрению этой темы, необходимо сделать важное уточнение: Западные санкции против России – это не продукт 2014 г. Если рассматривать современную историю, в постсоветский период прецеденты экономического давления на Москву не были редкостью. Так, только в период с 1992 по 2008 гг. США как минимум 12 раз прибегали к подобным мерам[324]. При

---

[323] Brzoska M. International Sanctions Before and Beyond UN Sanctions. // International Affairs. – 2015. – Vol 96(6). p. 1349.

[324] Речь идет о следующих ограничениях:

— Против корпорации Главкосмос – 1992 г.;

— Против НИИ технической физики Челябинск-70; НИИ экспериментальной физики Арзамас-16, а также организаций, институтов и центров Минатома РФ, расположенных в Кремлеве (Нижегородская область) и Снежинске (Челябинская область) – 1998 г.;

— Против Научно-исследовательского и конструкторского института энергетики НИКИЭТ – 1999 г.;

— Против кампаний Еврапалас-2000 и МОСО; корпорации Главкосмос; НИИ Графит; научно-производственного центра ИНОР; научно-производственной ассоциации Полюс – 1999 г.;

— Против Тульского конструкторского бюро приборостроения, Климовского центрального научно-исследовательского института точного машиностроения (ЦНИИТочмаш) и Вольского механического завода – 1999 г.;

— Против Тульского КБ приборостроения – 2000 г.;

— Против ФГУП Омское моторостроительное предприятие имени Баранова – 2004 г.;

— Против научно-производственного центра Алтай – 2004 г.;

— Против компании Khazra Trading – 2004 г.;

— Против корпорации Рособоронэкспорт и компании Сухой – 2006 г.;

— Против корпорации Рособоронэкспорт, Тульского КБ Приборостроения и Коломенского КБ машиностроения – 2007 г.;

— Против корпорации Рособоронэкспорт – 2008 г.

При этом, как правило, данные санкции вводились на ограниченный срок и по его истечении снимались в соответствии с установленной процедурой. См.: Санкции США в отношении российских компаний в 1992-2008 гг. Справка. РИА Новости. 24.10.2008 [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20081024/153760143.html (дата обращения: 01.06.2026).

этом, тема практически не находила отражение в отечественной академической литературе. Единичные попытки рефлексии санкционной проблематики можно обнаружить в начале 2000-х гг. Например, в монографии «Экономические инструменты внешней политики» М.В Братерский[325] посвящает экономическим ограничениям отдельную главу, в которой касается как их истории, эволюции и технических особенностей, так и этических и гуманитарных аспектов. В частности, обращают на себя внимание следующие тезисы:

«Эти неформальные ограничения состоят в том, что, с точки зрения мирового общественного мнения, объем, интенсивность и эффект экономических санкций должны быть в целом пропорциональны цели, ради которой они вводятся. Разумеется, определение и интерпретация важности или гуманитарной составляющей цели является прерогативой политиков и пропаганды страны, вводящей санкции»[326].

«Глобализация в целом двояко повлияла на практику использования санкций в мировой политике. С одной стороны, глобализация диверсифицирует экспортные и импортные рынки, делает эффективное осуществление санкций все более трудным, так как у любого государства появляются альтернативные варианты для экспорта и импорта. С другой – финансовая и информационная составляющие глобализации позволяют легче отслеживать прохождение международных платежей и финансовых потоков в целом, что дает развитым странам – обладателям мировых резервных валют больше возможностей вмешиваться в финансовую сторону мировой торговли и блокировать торговые операции через финансовую сферу. По этой причине в последние годы акцент в практике применения экономических санкций смещается с собственно торговых санкций на финансовые. Таким образом, в качестве одной из причин относительного снижения эффективности торгово-экономических санкций можно указать глобальный

[325] М.В. Братерский – профессор НИУ ВШЭ.

[326] Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики. – М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010. С. 89.

характер мировой экономики, в которой очень трудно ввести и поддерживать по-настоящему строгие ограничения на потоки товаров и услуг»[327].

«Другое важное свойство экономических санкций состоит в том, что они лишь инструмент внешней политики, но никогда не становятся ее воплощением. Это соображение очень существенно при оценке эффективности санкций: санкции как таковые могут возыметь тот или иной эффект, однако оценивать следует эффективность не санкций, а политики, частью которой они являются. Утверждения о неэффективности экономических санкций, часто встречающиеся в литературе и политических заявлениях, сами по себе не имеют смысла, так как их авторы часто путают оценки инструментальной эффективности санкций с оценками эффективности той или иной политики. <…> Чтобы избежать подобной ловушки, следует иметь в виду следующее. Во-первых, применение санкций может привести к достижению лишь инструментальных результатов: предотвращению перемещения ценностей, уже находящихся под юрисдикцией страны – инициатора санкций; сокращению объема твердой валюты, поступающей в распоряжение страны – субъекта санкций; изоляции страны – объекта санкций от потоков международной торговли. Перечисленные результаты санкций могут служить в качестве внешнеполитических активов для переговоров со страной-объектом, но не являются целями внешней политики как таковой. <…> В-третьих, при оценке эффективности экономических санкций многие эксперты поддаются соблазну использовать публично заявленные цели санкций в качестве критериев их успеха. На деле применение санкций часто преследует больше внешнеполитических целей, чем объявлено официально, и порой заявленная цель введения санкций отнюдь не главная. Например, введение американских экономических санкций против Кубы в 1960 г. не только преследовало больше целей, чем было заявлено, и было в основном нацелено на решение задач внутренней политики США и ликвидацию

[327] Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики. – М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010. С. 97.

политического «диссидентства» в Латинской Америке, но и в разные периоды имело разные приоритеты»[328].

Кроме представленной выше «крупной» академической формы, в период до введения «Крымских санкций» можно также обнаружить отдельные материалы в виде статей[329]; знакомство с их содержанием позволяет сделать вывод о том, что отдельные представители отечественного научного сообщества демонстрировали погруженность в проблематику, а также понимание основных тенденций и подводных камней дисциплины. Тем не менее, говорить о наличии российской школы санкционных исследований в данный период, очевидно, не представляется возможным. Ее формирование началось, скорее, вынуждено и было продиктовано, прежде всего, инструментальной целесообразностью.

При этом, как уже отмечалось ранее, теоретико-методологической рефлексии ключевых событий на международной арене зачастую присуща инерция. Это утверждение актуально и для становления отечественной исследовательской традиции в области санкционной политики. Так, соответствующие работы стали появляться ближе к концу 2010-х гг. Ключевая роль на данном направлении принадлежит И. Тимофееву[330], который задал тон научному поиску публикацией «Экономические санкции как политическое понятие»[331].

---

[328] Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики. – М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010. С. 100-101.

[329] См. например: Попова Д.В. Эффективность торгово-экономических санкций в современном мире [Электронный ресурс] // Журнал международных исследований развития (МИР). – 2014. - №1. – С.11-19. URL: https://clck.ru/3Njp2n (дата обращения: 01.06.2026).

[330] И.Н. Тимофеев – генеральный директор Российского совета по международным делам (РСМД), программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», доцент МГИМО МИД России.

[331] Исследования И. Тимофеева формально не являются первыми с хронологической точки зрения. После введения антироссийских санкций в 2014 г. был опубликован ряд материалов инструментальной направленности, в частности, по теме отечественных контрсанкций. См. например: Кузнецов А.В. Результативность российских экономических «контрсанкций» против ЕС // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2016. – №3. – С. 136-153. Однако именно И. Тимофеев, действуя на стыке теории и практической экспертизы, сумел приблизиться к системному теоретико-методологическому взгляду на предметное поле.

В первую очередь, автор обращает внимание на ситуацию «на земле», а именно проблемы с легитимацией односторонних мер, которые составляют подавляющее большинство санкционных эпизодов: «Инициаторы рассматривают санкции как один из легитимных способов принуждения к выполнению международных обязательств или соблюдению определённых норм. Страны, подвергшиеся санкциям, воспринимают их как угрозу своей национальной безопасности, “запрещенный прием”, которым злоупотребляют страны-инициаторы санкций, имеющие экономическое и технологическое превосходство. В лучшем случае эти страны признают легитимность санкций, введенных Советом Безопасности ООН, но не односторонние меры развитых стран»[332].

Во-вторых, в статье делается акцент на противоречиях между логикой действий индивидуальных и коллективных акторов: «Даже односторонние санкции могут быть законными, если они вы ступают как контрмера, но их легитимность и эффективность в конечном итоге должна определяться мерой ущемления прав человека в странах-адресатах и за их пределами. Однако практика показывает, что в сравнении с международно-правовой легитимностью и этичностью более значимым фактором выступает политическая целесообразность. Страны-инициаторы могу “подстраивать” деятельность международных организаций под свои интересы и даже нарушать букву и дух их правил. Важной страховкой от применения санкций в адрес от дельных стран остается их реальная экономическая мощь и шире – потенциал сдерживания, которым они располагают»[333].

Наконец, главное, И. Тимофеев определяет концептуальное ядро инструментов экономического сдерживания, что позволяет отнести материал к категории программных для отечественной науки: «Санкции следует понимать как инструмент господства в международных отношениях, который предполагает использование странами-инициаторами мер экономического давления на страны-адресаты с целью добиться изменения их политического курса. В силу

---

[332] Тимофеев И.Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – №2(59). – С. 27.

[333] Там же. С. 40.

экстерриториального характера действия санкции можно рассматривать в качестве средства вмешательства в суверенные дела зарубежных государств. Асимметрия суверенитета и мощи – два важных условия введения санкций. Страна-инициатор или их коалиция, как правило, значительно превосходит страну-адресат, что обеспечивает ей/им неуязвимость для ответных мер. Санкции отличаются от торговых войн, в которых экономические цели превалируют над политическими; участники войны часто являются партнерами, а не соперниками, баланс сил не играет принципиально важной роли. Иными словами, экономические санкции – это политическое понятие, несмотря на то что в их основе лежит применение экономических методов»[334]. Развивать намеченную выше линию автор продолжил в формате кейс-стади, концентрируясь на актуальных примерах внедрения новых санкционных стратегий и адаптации к ним (в частности, объектами выступили Иран и КНДР)[335].

Таким образом, фактически основной нарратив увязывает санкции с поддержанием американоцентричного мирового порядка: «После окончания холодной войны США смогли добиться исключительно благоприятного положения для использования экономических санкций в качестве инструмента политической власти. Доминирование доллара в мировой финансовой системе дает широкие возможности финансовым властям отслеживать большое число транзакций и влиять на них. Однако на пути к многополярности международных отношений с точки зрения экономической власти существуют еще два препятствия. Первое: относительно слабая и ограниченная роль ООН в деле применения санкций в сравнении с США; второе: лояльность частного бизнеса американским законам даже тогда, когда национальные государства или международные организации выражают намерение защищать интересы бизнеса. Экономическая мощь других игроков пока не конвертируется в возможность использовать ее в качестве

---

[334] Тимофеев И.Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – №2(59). – С. 39.

[335] См. например: Тимофеев И.Н. Санкции США против Ирана: опыт применения и перспективы развития // Полис. Политические исследования. – 2018. – №4. – С. 56-71.

инструмента власти в той степени, в какой это удается США. Ключевой вопрос – как долго Вашингтон сможет удерживать свое превосходство? Помешать ему может сразу несколько факторов. Среди них: (1) “вепонизация доллара”: политические манипуляции в финансовой сфере в перспективе могут подорвать доверие к американской валюте; (2) разногласия с союзниками – недовольство ЕС действиями США в перспективе может привести к более самостоятельной роли Брюсселя с учетом наличия сильной европейской валюты; (3) давление на крупные державы, такие как КНР и Россия, которые могут попытаться инициировать изменения хотя бы на региональном уровне»[336].

Еще одной особенностью санкционных исследований конца 2010-х гг. стала интенсификация академического сотрудничества между российским и западным научным сообществом, которое было реализовано в различных форматах, в частности, в виде совместных исследовательских проектов и серии взаимных переводных публикаций[337]. Среди них можно встретить и представляющие интерес с точки зрения темы диссертации. Например, обращает на себя внимание внедрение элементов дискурс- и библиометрического анализа, предпринятое в материале Д. Дарси и А. Сталберг[338] «Глухота сторон в клубке санкционных противоречий между США, ЕС и Россией: противоборствующие стратегические дискурсы и взаимное “подстегивание”». Авторы, концентрируясь на паттернах цитирования и текстовом анализе, используют выборку из более чем 1000 академических статей, опубликованных в период с 2010 г. Такое сочетание

---

[336] Тимофеев И.Н. Политика санкций: однополярный или многополярный мир? // Вестник международных организаций. – 2019. – Т.14(3). – С. 21.

[337] См. например: S. Balashova, A .Berezin, A. Bogoviz, K. Chen, V. Chernova, S. Chernikov, E. Degtereva, S. Naghshpour, M. Kuzyk, I. Lazanyuk, V. Matyushok, E.G. Popkova, E.V. Popova, J. Ragulina, Y. Simachev, Y. Vaslavsky, N. Volgina, A. Zobov. Exploring the future of Russia's economy and markets: towards sustainable economic development. – Bingley: Emerald Publishing, 2019. Что касается совместных академических инициатив, обращает на себя внимание совместный проект МГИМО МИД России и Школы международных отношений имени Сэма Нанна в Технологическом институте штата Джорджия.

[338] А. Сталберг, Д. Дарси – сотрудники Школы международных отношений Технологического института штата Джорджия.

методик позволило получить более объемные выводы, вписав относительно узкую проблематику санкционного противостояния в глобальный контекст.

Прежде всего, в работе отмечается фактически экзистенциальные противоречия в восприятии ситуации и отсутствие общего языка ее интерпретации: «Этот предварительный анализ подчеркивает, что западное и российское стратегические сообщества существуют “в разных мирах” в своей оценке санкций. В соответствующих исследованиях крайне мало пересечений или даже общих ссылок на сторонние источники. Западное и российское сообщества имеют мало общего, публикуются в разных журналах, ссылаются на разные источники и изучают различные аспекты, связанные с тематикой санкций. Представители обоих сообществ ссылаются на схожую литературу при общей констатации провала политики санкций, однако приходят к различным выводам относительно причин и модальностей неэффективности санкций»[339]. Подобная интеллектуальная ревизия представляется важным шагом к дальнейшему совершенствованию дисциплины.

Во-вторых, подчеркивается стратегическая асимметрия взглядов на первопричины проблемы и оценку возможных путей ее решения: «В содержательном плане западное и российское сообщества находятся еще дальше друг от друга. <…> Российские исследователи в большинстве своем настроены категорически пессимистично относительно способности санкций влиять на изменение внешней политики, тогда как западные комментарии в целом отмечены дискуссией о том, что в иных условиях санкции могли бы быть успешными. Более того <…> западные исследования рассматривают различные причины и эффекты от санкций с ключевым фокусом на стратегических измерениях, в то время как в российском академическом анализе наблюдается тенденция к узконаправленной кластеризации вокруг макроэкономических последствий санкций, а также вокруг темы полезности асимметричного ответа, в том числе импортозамещения, изменения внутреннего регулирования, развития национальных инноваций и

[339] Дарси Д., Сталберг А. Глухота сторон в клубке санкционных противоречий между США, ЕС и Россией: противоборствующие стратегические дискурсы и взаимное «подстегивание» // Вестник международных организаций. – 2019. – Т.14. № 3. – С. 90.

стратегической диверсификации торговли <…>. Наконец, позиции российских исследователей разнятся в диапазоне от постановки под сомнение легитимности санкций в принципе как угрозы суверенитету до признания того, что при определенном ограниченном круге условий, например, в случае многостороннего или межправительственного консенсуса, тактическое применение временных санкций может быть юридически обоснованным. Напротив, проблематика нарушения суверенитета не является широко представленной в западном дискурсе о стратегической роли санкций, при этом значительное внимание уделяется жизнеспособности и эффективности принимаемых в одностороннем порядке санкций, что, в частности, практикуется США»[340].

Обозначенная линия рассуждений находит развитие в статье «Тень санкций: стратегические последствия различий в санкционной политике США и России». Как и ранее, Д. Дарси и А. Сталберг прибегают к дискурс-анализу: в данном случае задействуются базы данных GDELT и ICEWS[341], а также корпус профильной западной экспертной литературы и публичные высказывания представителей российского политического истеблишмента.

Санкции увязываются с понятием картины мира, что позволяет говорить о конструктивистской направленности научного поиска (об этом подробнее см. в соответствующем разделе диссертации) и частичном пересечении с предметным полем стратегической культуры. В пользу последнего свидетельствует и затронутая проблематика безопасности: «Поскольку санкции, как и другие невоенные инструменты, рассматриваются соперничающими стратегическими

---

[340] Дарси Д., Сталберг А. Глухота сторон в клубке санкционных противоречий между США, ЕС и Россией: противоборствующие стратегические дискурсы и взаимное «подстегивание» // Вестник международных организаций. – 2019. – Т.14. № 3. – С. 91.

[341] GDELT (The Global Database of Events, Language and Tone) project – крупная база данных, посвященная социально-экономическим, политическим и культурным процессам в различных государствах. GDELT позволяет отслеживать мировые печатные, вещательные и веб-новости, позволяя применять в их отношении различные инструменты от индекса счастья до картирования конфликтов. ICEWS (Integrated Crisis Warning System) – инструмент, сочетающий в себе базу данных о политических системах и процессах в странах мира с системой раннего предотвращения конфликтов.

сообществами по-разному, такие угрозы и карательные меры приводят к целому ряду рисков как горизонтальной, так и вертикальной эскалации. С одной стороны, это может способствовать парадоксу стабильности-нестабильности, когда равновесие между великими державами на уровне военных потенциалов может приводить к более частому, но менее интенсивному противостоянию в иных сферах. Тем не менее, различные картины мира предполагают, что такие конкурентные стратегии не являются ни дискретными, ни линейными, поскольку одна сторона может рассматривать санкции как средство выражения неудовольствия, рассеивающее вертикальную эскалацию, а другая сторона может воспринимать их как форму вертикальной эскалации. Поэтому низкозатратная форма постоянного давления на конкурента без пересечения «красных линий», в глазах одной стороны, может быть сродни хождению вслепую по минному полю, по мнению другой стороны. Такое расхождение в представлениях повышает риск либо спровоцировать рефлексивную эскалацию с переходом к военно-силовым действиям, либо ухудшить политические отношения настолько, что какие-либо перспективы конструктивного взаимодействия будут невозможны даже при более благоприятных стратегических обстоятельствах. В этой связи особое внимание к соотношению разных картин мира и позиций соперничающих сторон может вывести нас на новый уровень понимания непреднамеренных стратегических последствий долгосрочного соперничества великих держав»[342]. Как можно заметить, авторы точно фиксируют состояние санкционной повестки в контексте более крупных международных трендов второй половины 2010-х гг. и – что не менее важно – обозначают пространство рисков в российско-американских отношениях; развитие политической истории показало обоснованность данного вывода.

Помимо разобранных выше, в контексте темы диссертации в рассматриваемый период интерес представляет ряд отечественных и зарубежных

[342] Дарси Д., Сталберг А. Тень санкций: стратегические последствия различий в санкционной политике США и России // Международные процессы. – 2021. – Т.19. № 1(64). – С. 100.

исследований, а именно работы Б. Ананьева[343], Е. Араповой[344], С. Афонцева[345] и др.

Начало СВО на Украине привело к переформатированию целого ряда элементов миропорядка: от конфигурации центров силы до принципов отношения к международному праву. Однако облик санкционных исследований в теоретико-методологическом аспекте претерпел, скорее, незначительные изменения. Этот парадокс можно объяснить разобранной выше академической инерцией, когда для перехода дисциплины на новый уровень качества рефлексии требуется время, в течение которого эксперты нарабатывают эмпирический материал для дальнейшего движения. В этом смысле, большинство текстов после 2022 г. представляют собой рассуждения о существующих и потенциальных способах адаптации Москвы к экономическому давлению, а также частным вопросам международного права. Тем не менее, при работе с корпусом профильной литературы можно обнаружить и примеры более теоретико-ориентированного подхода.

Во-первых, в 2023 г. И. Тимофеев представил материал «Как исследовать политику санкций? Стратегия эмпирического исследования», в котором предложил действовать по принципу «от общего к частному», взяв за основу крупные базы данных и точечно дополняя их разбором конкретных кейсов. По словам автора, «такой подход дает больше гибкости в выборе кейсов, позволяет отбирать их, не теряя из вида общей картины»[346]. В качестве исследовательского инструмента база данных подходит для работы с тенденциями, позволяя выявлять закономерности и исключения и, тем самым, как составлять выборку интересующих случаев, так и,

---

[343] Ананьев Б.И. Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации // Вестник международных организаций. – 2019. – №3. – С. 136-150.

[344] Арапова Е.Я., Кудинов А.С. Особенности санкционного регулирования в США, ЕС и Великобритании: сравнительный анализ // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 6. – С. 151-165.

[345] Афонцев С.А. Политические парадоксы экономических санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – №3(55). – С. 193-197.

[346] Тимофеев И.Н. Как исследовать политику санкций? Стратегия эмпирического исследования // Международная аналитика. 2023. Т.14. № 1. С. 22-36.

впоследствии, опровергать или подтверждать рабочие гипотезы. В то же время, как справедливо отмечает И. Тимофеев, дедуктивная логика эмпирического исследования, скорее, «даст лишь ограниченные возможности обобщений без понимания канвы событий»[347]. Однако важно понимать, что обозначенный дизайн не умаляет значения кейс-стади, поскольку детализированное погружение в большие выборки позволяет избежать банальных и чрезмерно генерализированных выводов. Кроме того, автор обращает внимание на тот факт, что санкционная политика, как она понимается в теории международных отношений – это специфическая форма политического поведения в виде соответствующих решений и их последствий; в то же время, невозможно не принимать во внимание институциональный аспект, то есть, совокупность организационно-бюрократических процедур и правил. Таким образом, можно говорить о своего рода дуализме объекта: изучать политику санкций необходимо «и как о совокупность решений многообразных игроков на стороне стран-инициаторов и стран-мишеней, и как о совокупность институтов, с помощью которых принимаются и исполняются принятые решения»[348]. Следовательно, научный поиск может осуществляться «в терминах как минимум двух крупных парадигм политической науки – бихевиорализма и институционализма в их многочисленных вариациях»[349].

Во-вторых, важным с точки зрения темы диссертации стоит считать текст Д. Дрезнера, подготовленный им в качестве рефлексии на 25-летие выхода его «Парадокса санкций»[350]. В этом материале автор ставит отвечающий вызову времени вопрос: насколько хорошо аргументация, представленная в данной классической работе, позволяет объяснить специфику санкционного давления на Россию после 2022 г? Рассуждая в подобном ключе, Д. Дрезнер высказывает

---

[347] Тимофеев И.Н. Как исследовать политику санкций? Стратегия эмпирического исследования // Международная аналитика. 2023. Т.14. № 1. С. 28.

[348] Там же. С. 29.

[349] Там же. С. 30.

[350] Формально, к моменту подготовки материала с выхода оригинального исследования прошло 26 лет.

определенный пессимизм: «Книга "Парадокс санкций" была опубликована в 1999 году, и это далеко не последнее слово на эту тему. Есть ли в последующей литературе нечто вселяющее больший оптимизм в отношении успеха экономического принуждения против России? Не особенно»[351]. Вместе с тем, автор не видит целесообразности в отходе от своей первоначальной гипотезы: «Пожалуй, наиболее очевидной проблемой санкционного режима является то, что связанные с ним требования остаются расплывчатыми и амбициозными. <…> Значит ли это, что экономические санкции против России зашли в тупик? Не лучше ли Западу признать поражение? Может, лучше разрешить парадокс санкций именно таким образом? Что ж, нет – потому что экономические санкции являются не только инструментом принуждения. Они служат и другим целям, и в данном случае это особенно актуально. <…> Есть две причины сохранять и даже ужесточать санкции против России. Первая связана с укреплением нормы территориального суверенитета. Одной из немногих сохраняющихся со времен окончания Второй мировой войны норм является принцип, согласно которому суверенную территорию нельзя взять под контроль посредством силы. <…> Другая причина в том, что экономические санкции могут ослабить способность страны на ведение затяжного конфликта. <…> В случае с Россией это означает расширение нефтяного эмбарго для ограничения ее способности импортировать стратегические товары <…> Мир продолжает меняться, и политология должна меняться вместе с ним. Я рад видеть, что "Парадокс санкций" остается релевантной моделью для анализа экономической государственной мудрости. Однако она далеко не единственная из существующих. Размышляя о случае с Россией, моя теория верно предсказывает, что к успешному принуждению санкции не приведут. Но это не значит, что они не сработают иначе»[352].

---

[351] Моя теория гласит, что антироссийские санкции не сработают. Так почему мне все равно хочется, чтобы их ввели? [Электронный ресурс] / Д. Дрезнер, 2025. URL: https://inosmi.ru/20250911/paradoks-274625665.html (дата обращения: 01.06.2026).

[352] Там же.

Наконец, в-третьих, отдельного упоминания заслуживает исследование «Теоретико-методологические аспекты изучения санкционной политики Запада»[353], подготовленное авторским коллективом под руководством М. Энтина. Данная работа предлагает оригинальный подход к изучению темы, а именно концепцию «нормативного предпринимательства», адаптированную к специфике публичного и информационного пространства Запада. Результатом такого методологически-оригинального решения стала деконструкция механизмов адвокатирования политики антироссийского экономического сдерживания; последняя выстраивается на основе трехкомпонентной модели, состоящей из поддержания информационного шума, лоббирования отдельных конкретных мер на фоне созданного контекста в инфополе и подключения экспертной дискуссии по теме эффективности санкций. Таким образом достигается эффект комплексного вовлечения потребителей медиа-контента в проблему, которая за счет внедрения требуемых нарративов решается за счет усиления санкционного давления. Фактически, речь идет о технологическом воплощении идей либерального интервенционизма или, иными словами, индоктринации. Неслучайно, авторы подчеркивают необходимость делегитимации Россией денной модели «с последующим созданием <…> правовых заслонов на пути ее использования»[354].

[353] См.: Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Давранова С.Б., Наджаров А.М. Теоретико-методологические аспекты изучения санкционной политики Запада // Полис. Политические исследования. – 2024. - №1. – С. 7-20.

[354] Там же. С. 19.

Выводы по главе 1

В русско- и англоязычном научных дискурсах редко употребляются термины «sanctions studies» и его прямой аналог «санкционные исследования», которые являются наиболее очевидными маркерами, говорящими о наличии соответствующей самостоятельной субдисциплины в предметном поле политической науки. Это проявляется как на уровне специализированной литературы, так и в контексте деятельности профильных аналитических структур.

Вместе с тем, ряд признаков позволяет утверждать, что несмотря на отсутствие некоторых формальных лингвистических и организационных составляющих, правомерно вести речь о стабильной интеллектуальной практике.

Во-первых, недостаток оригинальных методологических приемов частично компенсируется уникальным понятийно-категориальным аппаратом, который является отражением развития взглядов на природу и механику применения экономических ограничений в XX в. Во-вторых, при работе с корпусом англоязычной литературы можно проследить черты инструментальной преемственности и эволюции, а также наличие развернутых циклов прямого и опосредованного экспертного диалога по ключевым аспектам санкционной повестки. В-третьих, к положительным индикаторам относится устойчивый системный интерес к теме на уровне профильных организаций, объединяющих международников.

Таким образом, предмет обсуждения характеризуется востребованностью и одновременно низким уровнем институционализации в условиях существующей архитектуры производства научного знания. Следовательно, в дальнейшем предлагается ввести в оборот и использовать синонимы «sanctions studies»/«санкционные исследования» как легитимный элемент экспертной риторики по соответствующим вопросам.

Становление санкционных исследований в первой трети XX в. происходило в условиях пересмотра принципов международного общения по итогам Первой мировой войны, которая, помимо прочего, стала демонстрацией возможностей экономического оружия. Соответственно, вопрос о принципах его применения и –

главное – иерархии ролей в будущей системе ограничительных мер стал определяющим на повестке дня. При этом формирование санкционной архитектуры Лиги Наций в виде непосредственно Статута и Женевских протоколов сопровождалось жестким политическим торгом между США, завершившими конфликт в статусе экономического гегемона, и англо-французским тандемом, формально наделенным статусом держав-победителей, однако столкнувшимся с существенным дефицитом ресурсов. В подобных условиях Вашингтон, в первую очередь, стремился к приобретению статуса арбитра с правом вето в санкционных вопросах, что фактически приравнивало бы его голос к совокупности голосов остальных участников организации. Технологически это не в последнюю очередь стало возможно благодаря успешному использованию В. Вильсоном двойного политического нарратива, то есть, риторики, диверсифицированной для внутренней и внешней аудитории. Ее ключевым компонентом стала апелляция к принципам либерального интервенционизма, то есть, фактически глобальному американоцентричному управлению через продвижение универсальных ценностей равенства, справедливости и прогресса. В свою очередь, санкции как инструмент сдерживания выступают гарантом сохранения статус-кво. Как итог, Вашингтон сумел одновременно избежать прямого вовлечения в ресурсозатратные «горячие» конфликты, сохранив зависимость ведущих европейских государств от своей экономики, и зафиксировать за собой статус арбитра по ключевым компонентам глобальной повестки, включая поддержание порядка и защиту движения в сторону общего блага. Из сказанного следует вывод о том, что современная система международных экономических санкций является продуктом сугубо прагматичной (можно даже сказать, реалистской) логики поведения государства, которая инструментально опирается на идеи либерального интервенционизма.

Что касается непосредственно теоретико-методологического аспекта изучения санкционной проблематики, важнейшим шагом в этом направлении в рассматриваемый период стала, прежде всего, рефлексия экономических ограничений в категории научной проблемы, а не исключительно набора ситуативных мер, направленных на обеспечение интересов государства. В

одноименной брошюре Д. Митрани «Проблема экономических санкций» также представлен ряд вопросов, составлявших основу академической дискуссии в 1920-е гг. Стоит отметить, что некоторые из них звучат актуально и в текущих международно-политических реалиях, что позволяет сделать вывод об определенной цикличности исследовательского процесса на данном направлении. В частности, речь идет о состоятельности координации санкционной политики через крупные международные организации, устойчивости санкционных коалиций и обязательстве принимать в них участие, феномене «черных рыцарей», угрозе применения санкций как самостоятельном превентивном механизме и, наконец, коллективной вине и ответственности. Таким образом, можно говорить о том, что уже на заре становления дисциплины ее представители значительно преуспели в диагностике проблем в рамках соответствующего предметного поля. Однако одновременно проявилась и их очевидно слабая сторона: недостаток непосредственно методологического аппарата. При всех обозначенных выше достоинствах, работы первой трети XX в. носили, скорее, описательный характер; заполнение этого пробела стало задачей следующего поколения авторов (см. Приложение 1).

Середина XX в. стала для санкционных исследований в значительной мере противоречивым периодом. С одной стороны, это время становления современной легитимной архитектуры международных экономических ограничений под эгидой ООН. С другой, теоретико-методологическая рефлексия санкционной проблематики в 1940-50-е гг. в принципе представлена достаточно слабо: основные усилия экспертов в этот момент были направлены на инструментальные аспекты обеспечения функционирования санкционной экосистемы. Следовательно, представляется уместным отметить тот факт, что рассматриваемый отрезок, строго говоря, не является консолидированным этапом; скорее, речь идет о совокупности более мелких разрозненных эпизодов интереса к данной проблематике.

В свою очередь, 1960-е гг., ознаменованные восходящим трендом на деколонизацию, напротив, прошли для академического сообщества продуктивно. Прежде всего, была заложена методологическая основа научного поиска, не

утратившая актуальности к моменту подготовки диссертации. Речь идет о внедрении в дизайн исследования методики кейс-стади, что позволило значительно повысить системность работы и качество полученных выводов. Кроме того, были предприняты успешные попытки систематизировать накопленные ранее теоретико-методологические наработки. Движение в этом направлении потребовало провести концептуализацию ряда основных понятий, включая разграничения между непосредственно санкциями, торговыми войнами и особыми экономическими мерами. Кроме того, в фокус внимания попали такие значимые (с позиций сегодняшнего дня их можно назвать классическими) проблемы, как оценка эффективности санкций и дилемма применения ограничений против дружественных государств (то есть, будущий «парадокс Дрезнера»).

Однако важно отметить, что уже начиная с 1960-х гг. значительная часть санкций инициировалась вне мандата ООН, что практически сразу вызвало закономерный скепсис относительно перспектив организации. Соответственно, ряд авторов сосредоточился на разборе проблемы эффективности глобальных институтов в плоскости экономического сдерживания. Так или иначе, в рамках академического мейнстрима рассматриваемого периода санкции воспринимались как относительно слабый (особенно, в случае инициирования без сопроводительных вспомогательных мер) и «сырой» инструмент, нуждающийся в дальнейшем совершенствовании. Именно адаптация ограничений к актуальным международно-политическим реалиям выйдет на первый план в ходе последующей эволюции дисциплины (см. Приложение 2).

Начиная с второй половины XX в. применение санкций, особенно в обход мандата ООН, стало рутинной практикой, зачастую реализуемой по принципу «бей-беги». При этом, разочарование в возможностях организации уже к 1970-м гг. достигло критической массы; в профильной литературе потенциал глобальной системы экономического сдерживания оценивается низко.

В 1980-е гг. санкционные исследования получили новый импульс во многом за счет притока «свежей крови»; в этот период академическое сообщество расширило теоретико-методологические рамки научного поиска, включив в него

элементы политической экономии и теории общественного выбора. Из основных тем на повестке дня можно отметить рассуждения о кризисе теории коллективной безопасности, вопрос о необходимости создания новой типологизации санкций, которая отражала бы текущие реалии, а также рассмотрение ограничений в качестве сигнальной системы международного общения.

1990-е гг. и начало 2000-х гг. можно считать «золотым веком» в развитии дисциплины, поскольку в данный временной отрезок произошло существенное приращение знания в рамках рассматриваемого проблемного поля (важно отметить, что данная тенденция не была напрямую связана с геополитическими шоками начала 1990-х гг.). Это выразилось в создании ряда классических работ, которые, можно сказать, определили облик санкционных исследований в глазах широкого круга специалистов-обществennиков. Прежде всего, речь идет о монографии «Переосмысление экономических санкций», созданной авторским коллективом под руководством Г. Хуфбауэра. Это исследование стало каноничным по ряду причин. Во-первых, в нем было представлено рабочее определение экономических санкций, на которое опирается большинство представителей экспертного сообщества. Во-вторых, «Переосмысление» представляет собой самый масштабный с точки зрения задействованного материала межстрановой кейс-стади. В-третьих, в данной работе концептуализируется ранее неоднократно обозначенный, но не введенный в научный дискурс феномен «черных рыцарей».

Кроме того, конец 1990-х. - начало 2000-х гг. прошли под знаком ранее нехарактерной для данного предметного поля непосредственной дискуссии между коллективом Г. Хуфбауэра и Р. Пейпом, которая развернулась относительно вопроса эффективности экономических санкций как самостоятельного инструмента, а также переменных и критериев, которые необходимо учитывать при проведении ее оценки. Позже к упомянутому экспертному диалогу присоединился Д. Дрезнер, предложивший на основе теоретико-игрового моделирования оригинальный взгляд на проблему, который получил название «Парадокс Дрезнера» и нашел подтверждение в ряде более поздних эмпирических работ. Также заслуживает внимания становление тренда на создание и

использование в качестве основы для проведения исследований комплексных баз данных, например TIES. Однако главной проблемой такого инструмента является его непрозрачность, что закономерно вызывает вопросы к валидности полученных выводов.

Наконец, описывая интеллектуальный мейнстрим дисциплины на стыке тысячелетий, нельзя не упомянуть сдвиг в сторону интереса к разработке т.н. «умных санкций», как в теоретико-методологической, так и в практической плоскостях. При этом, переход к данной парадигме вызвал полярную реакцию академической среды: от сдержанного оптимизма до полного скепсиса, что говорит о сложности в выработке универсальных решений. Более того, несмотря на достигнутые в научном поиске успехи, ряд актуальных ключевых проблем (например, достижение консенсуса среди государств-инициаторов и устойчивость санкционных коалиций) остался нерешенным, что свидетельствует о сохраняющемся разрыве между международно-политической реальностью и качеством ее рефлексии (см. Приложение 3).

«Современный этап» санкционных исследований – это, в первую очередь, скорее, синтетическое понятие, поскольку его выделение обусловлено не органической эволюцией теоретико-методологического аспекта дисциплины, а внешними шоками, которые сформировали соответствующие направления и характер научного поиска. Западное академическое сообщество отреагировало на события «Крымской весны» и начало СВО на Украине относительно спокойно: за исключением разобранного выше оригинального методологического приема в виде дискурсивного анализа с опорой на концепцию картины мира, рефлексия санкционной проблематики выстраивалась, прежде всего, вокруг традиционного метода кейс-стади с уклоном в финансово-экономическую плоскость и устойчивость международных институтов. При этом, с повестки дня практически исчез вопрос эффективности санкционной архитектуры ООН, что говорит об общей эрозии идеи глобальной координации мер экономического сдерживания. Кроме того, можно говорить об общей академической инерции, при которой международно-политическая реальность оказывается динамичнее, чем ее

осмысление в категориях высокой абстракции и даже теорий среднего уровня. Тем не менее, знаковые эксперты (в частности, Д. Дрезнер) все же представили свой взгляд на текущие процессы; характерно, что их позиции по-прежнему объединяет поддержка идеологии либерального интервенционизма, получившего «второе дыхание» за счет внедрения политики наднациональных юрисдикций. Таким образом, можно говорить об устойчивости данного нарратива, который с момента появления первых профильных аналитических материалов в 1920-е гг. претерпел, по сути, лишь косметические изменения.

В то же время дисциплина получила новый импульс за счет оформления и развития отечественной традиции санкционных исследований, которую пока сложно назвать консолидированной научной школой, однако ее общее поступательное движение говорит о возможных перспективах подобного сценария. Санкционное цунами в отношении России, запущенное коллективным Западом в 2014 г., стимулировало вовлечение экспертного и академического сообществ в исследовательский процесс на данном направлении. Результатом подобного шага стал ряд работ теоретико-методологической направленности, которые можно назвать программными для этой области российской науки. Их общей чертой является рассмотрение санкций как инструмента гегемонии в международных отношениях и – следовательно – акцент на политических аспектах экономического сдерживания. При этом, стоит также отметить общую сбалансированность подхода: с одной стороны, единственным легитимным источником ограничений признается Совет Безопасности ООН, с другой, авторы не демонстрируют излишнего идеализма, поэтому работа ведется с учетом существующих реалий, в том числе, вступающих в противоречие с нормами действующего международного права. Что касается методологического инструментария, здесь наметился тренд на эмпирические исследования, выстроенные в логике «от общего к частному», когда более масштабная гипотеза проверяется и корректируется за счет конкретных кейсов.

Наконец, еще одной отличительной чертой санкционных исследований конца 2010-х гг. стал кратковременный период академического сотрудничества

между российскими и западными экспертами, результатом которого стал ряд перекрестных, а также совместных публикаций. Однако эта тенденция в силу объективных геополитических обстоятельств не получила развития, в связи с чем можно констатировать, что отечественная и зарубежная политическая наука применительно к санкционной проблематике развиваются обособленными параллельными треками (см. Приложение 4).

Глава 2. Санкционная проблематика в теории международных отношений: сравнительный анализ

2.1. Экономические санкции в парадигме реализма: эвристический потенциал, теоретико-методологические возможности, объяснительные пробелы

Рассуждая о специфике положения санкций в рамках парадигмы реализма, целесообразно реконструировать политический и интеллектуальный контекст, в котором происходило формирование концептуального аппарата данной школы международных исследований. Кроме того, необходимо соотнести основы реалистского взгляда на межгосударственные взаимодействия с проблематикой экономических ограничений, вписав последние в его объяснительную логику. Решив эти задачи, представляется возможным выявить сильные и слабые стороны, а также оценить эвристический потенциал реалистского подхода применительно к вопросу санкций как инструмента достижения внешнеполитических целей[355].

Если говорить о точке отсчета, уместно обратиться к первой трети XX в. – временному отрезку, на который пришлось становление теории международных отношений как дисциплины с как минимум двумя важными отличительными признаками. Во-первых, это высокий уровень абстракции или, как минимум, претензия на производство подобного знания. Во-вторых, речь идет о прямой либо опосредованной конкуренции между крупными академическими системами, оформившимися в виде соответствующих школ мысли со специфическим набором инструментов и аргументов. Что касается собственно реализма, в контексте темы диссертации важно обозначить следующие специфические особенности, присущие историческому моменту его зарождения в качестве исследовательского направления.

---

[355] В данном пункте классический и международно-политический неореализм используются под собирательным термином «реализм» в тех случаях, когда различия между данными инвариантами парадигмы оказываются не принципиальными; в противных случаях применяется более специфическое словоупотребление.

Прежде всего, международно-политический реализм является продуктом британского внешнеполитического мышления, получившим развитие благодаря ранее упоминавшемуся (см. пункт 1.2) Э. Карру. Последнему принадлежит как непосредственно сам термин (по крайней мере, в его актуальном прочтении), так и теоретическое и ценностное наполнение, изложенное в работе «Двадцатилетний кризис». В свою очередь, вопрос о национальном происхождении парадигмы поднимается неслучайно: как показано в пункте 1.2, рассматриваемый период ознаменовался жестким политическим торгом между США с одной стороны и Европейскими державами-победителями с другой за фактическое право выступать арбитром на международной арене (в том числе, обладать определяющим голосом при построении структуры экономического сдерживания). Параллельно этот процесс сопровождался постепенным нарастанием полемики относительно методологических и концептуальных принципов рефлексии межгосударственного взаимодействия[356]. Иными словами, имела место своего рода экстраполяция упомянутого выше политического противостояния в интеллектуальную плоскость, когда страны, претендующие на статус лидера, более или менее целенаправленно использовали научное знание и сопутствующую аргументацию в качестве инструмента адвокатирования собственной логики поведения. Следовательно, предположительно, можно проследить связь между тем, как санкционная проблематика представлена у Э. Карра, и интересами Великобритании в межвоенном мире. В пользу данной гипотезы также говорят факты из карровской биографии: ранние карьерные годы прошли в Отделе по противодействию контрабанде и блокаде Германии внешнеполитического ведомства (это означает, что он имел прямое отношение к выработке и практическому применению инструментов экономического сдерживания и, очевидно, обладал достаточным уровнем экспертизы по теме). Кроме того, на протяжении 3-х лет (1930-1933 гг.) Э. Карр занимал пост Помощника советника по делам Лиги Наций центрального

[356] Об этом см. например: Алексеева Т.А. Дебаты о “Великих дебатах”: как структурировать теорию международных отношений? // Полис. Политические исследования. – 2016. – №6. – С. 9-21.

аппарата Форин-офис[357], то есть, был лично вовлечен в ситуацию со сложным началом деятельности организации и ее последующим кризисом. Как итог, тезисы и установки, зафиксированные в программном документе раннего международно-политического реализма, следует оценивать не как выводы исключительно кабинетного ученого, а – напротив – позицию правительственного чиновника с качественным академическим бэкграундом (выпускник Кембриджского Тринити-колледжа) и опытом пребывания на соответствующих должностях (в 1920 г. награжден Орденом Британской Империи).

Во-вторых, заключения Э. Карра опираются на эмпирический материал, хронологически совпадающий со временем создания санкционной архитектуры Лиги Наций. С учетом сказанного выше, было бы разумным предположить, что вопрос экономического сдерживания, напрямую сопряженный с мотивами иерархии и гегемонии, не просто должен попасть в фокус внимания формирующейся реалистской парадигмы, но и получить комплексное осмысление.

В-третьих, реализм как внешнеполитическая идеология изначально манифестировал себя через противопоставление (в этом смысле, он отвечает одному из признаков, обозначенных У. Матцем: идеология подразумевает под собой наличие экзистенциальной дихотомии в виде альтернативного мировоззрения, которому предполагается бросить вызов)[358]. Однако в роли такой оппозиции выступает не либерализм, а идеализм/утопизм, что позволяет охарактеризовать его как стремление выработать сугубо прагматичное видение глобальных процессов или «интерпретировать объективно предопределенную траекторию развития, которую невозможно изменить»[359].

---

[357] Здесь и далее факты биографии Э. Карра приводятся по: E.H. Carr: Historian, historiography, realism. [Электронный ресурс]. Britannica. URL: https://www.britannica.com/biography/E-H-Carr (дата обращения: 03.06.2026).

[358] См.: Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. Политические исследования. – 1992. – №1. – С. 130.

[359]. Carr E. The twenty years' crisis 1919-1939. An introduction to the study of international relations. – London, Macmillan&Co. LTD, 1946. p. 11.

Принимая во внимание представленные выше уточнения, логично рассматривать политический реализм образца первой трети XX в. как осознанную попытку усилиями британского кадрового дипломата предложить заинтересованной общественности (включая интеллектуальные элиты) национально-ориентированную версию подхода к анализу международной обстановки и фундаментальных процессов, который исключает человеческий фактор и предвзятость за счет исключительно прагматичного исследовательского взгляда. Тем не менее, при непосредственном знакомстве с первоисточником, складывается двойственное впечатление.

С одной стороны, в тексте считывается акцент на важную и конструктивную роль Великобритании в становлении Версальско-Вашингтонского миропорядка. В частности, показательным выглядит описание зарождения Лиги Наций: «Основатели, некоторые из которых [формулировка “The founders of the League, some of whom were <…>” в сочетании с фабулой дальнейшего повествования недвусмысленно указывает на противопоставление рациональной позиции Англии и нежизнеспособных предложений представителей ряда государств Европы и США. – Ананьев] были квалифицированными и прозорливыми политиками, как никто осознавали опасности поиска утопического идеала. Так, в 1919 г. наша страна выпустила официальный комментарий относительно Конвента, согласно которому “признание политической реальности было одним из основополагающих принципов работы Комиссии” [по разработке устава. – Ананьев]. В результате, данная попытка выгодно отличала итоговый документ не только от ранее существовавших на бумаге вариантов глобальной организации, но и от таких сугубо иллюзорных проектов, как Международные полицейские силы, Пакт Бриана-Келлога, Соединенные Штаты Европы и др.»[360]. Этот лейтмотив, в частности, прослеживается и в последующей оценке деятельности У. Черчилля, который представлен последовательным противником инициатив, способных привести к ухудшению международной обстановки.

---

[360]. Carr E. The twenty years’ crisis 1919-1939. An introduction to the study of international relations. – London, Macmillan&Co. LTD, 1946. p. 28.

С другой, сам подход Э. Карра к позиционированию тех или иных политических сил и их курса представляется несколько упрощенным и –больше – в определенной степени наивным. Владея техническими деталями по теме экономических ограничений, автор корректно диагностирует некоторые «болевые точки» сложившейся практики: «Лига Наций заявляла, что даже в крайнем случае будет продолжать полагаться на добровольный компромисс входящих в нее государств; эта посылка прослеживается практически в каждой статье Конвента, где общественное мнение цивилизованного мира расценивается в качестве высшей и наиболее эффективной формы санкций. Но если народы будущего предстанут эгоистичными, алчными и воинственными, никакие современные механизмы сдерживания не сработают. Возможно лишь создать организацию, которая облегчит мирное сотрудничество <…>»[361]. Тем не менее, санкции как механизм сдерживания, а также целесообразность их применения не ставятся под сомнение, однако общая неэффективность данного инструмента увязывается, прежде всего, с профессиональными качествами и убеждениями лиц, принимающих соответствующие решения. В этом смысле, наряду с некоторыми Европейскими политиками, основным объектом критики выступает В. Вильсон, культивировавший неработоспособность системы коллективных ограничений. И здесь необходимо сделать важное уточнение: технически, Э. Карр, безусловно, прав; как одна из самых влиятельных фигур на международной арене, XXVIII президент США несет значительную часть ответственности за негативный результат. Но главная проблема заключается в другом: в карровской системе координат мотивы и действия последнего объясняются своего рода простодушием и, как следствие, оторванностью от реальности: «Важнее всего то, что вся концепция Лиги наций с самого начала была тесно связана с верой в две установки: общественное мнение отражает голос разума и обязательно восторжествует [в глобальном масштабе. – Ананьев]. <…> Подобные идеи однозначно сыграли заметную роль <…>: В. Вильсон остался убежден, что если он сможет

[361] Carr E. The twenty years' crisis 1919-1939. An introduction to the study of international relations. – London, Macmillan&Co. LTD, 1946. p. 34.

апеллировать к народам, а не лидерам, “уделив этому разговору достаточное время”, здравый смысл непременно возьмет верх»[362]. Вместе с тем, ранее в пункте 1.2 уже был произведен подробный разбор логики действий США, которая оставалась исключительно рациональной и одновременно опиралась на либерально-утопическую публичную риторику первого лица как неотъемлемый компонент достижения поставленных целей. Иными словами, внешнее противоречие между словами и действиями в Американской политике действительно существовало: президент В. Вильсон призывал относиться к Лиге Наций как к элементу порядка, прогресса и справедливости и при этом по линии Государственного Департамента открыто заявлял о введении санкций в отношении организации в случае, если она не будет соответствовать ожиданиям Белого Дома; Г. Гувер инициировал введение косметических санкций против Японии, параллельно в десятки раз увеличив экспорт Правительству Вакацуки в ходе Маньчжурской интервенции 1931 г. и т.д. Однако, по меткому замечанию А. Туза, представленную выше особенность следует рассматривать не как непоследовательность и рассогласованность, а, скорее, как «проявления не увязшего в заблуждениях идеализма, но более высокой формы реализма»[363]. Таким образом, строго говоря, вопрос сводится к причинам упрощенной и фактически неверной оценки причинно-следственных связей со стороны настолько компетентного эксперта. Почему наиболее «чувствительный» аспект санкционной политики первой трети XX в. – бездействие со стороны Американского истеблишмента – Э. Карр объясняет не осознанным стремлением обеспечить национальные интересы путем невмешательства в ситуацию, а субъективным нежеланием «отступить от утопической доктрины эффективности рационального

[362] Carr E. The twenty years’ crisis 1919-1939. An introduction to the study of international relations. – London, Macmillan&Co. LTD, 1946. p. 34.

[363] Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916-1931 годы. – М.: Издательство Института Гайдара, 2017. С. 387.

общественного мнения»[364] и «вопиющим разрывом с действительностью»[365]? Предположительно, ответ может включать в себя один из двух нижеследующих факторов, либо – что более вероятно – их сочетание. Во-первых, автор может осознанно допускать подобное внутреннее противоречие: понимая, что амбиции Великобритании (в том числе, в области формирования санкционной повестки) не подкрепляются ее реальными возможностями, Э. Карр предпочел не признавать это напрямую, подчеркнув тем самым недостаток субъектности, а сместил акцент на политическое руководство США, наделив его набором не вполне подходящих личностных и профессиональных черт. Рассуждая в этом ключе, можно сделать вывод, что «Двадцатилетний кризис» представляет собой специфическую форму репутационного контроля. Во-вторых, нельзя исключать вариант искреннего заблуждения, при котором карровское ошибочное восприятие международной конъюнктуры произрастало из органичной убежденности в соответствии реальных и декларируемых принципов отношений государств и, следовательно, отсутствии у Американской внешней политики «двойного дна» и серьезных перспектив. В пользу данной версии свидетельствует позиционирование США как «молодой и неопытной нации, полагающейся на собственную силу, но все еще не уверенную, насколько далеко эта сила ее заведет»[366]. Если принять обозначенный выше сценарий, то обоснование получает гипотеза, согласно которой двойной нарратив В. Вильсона и его последователей на посту оказался настолько убедителен, что их истинная задача – становление американоцентричного миропорядка (включая вопросы санкционной архитектуры) – не воспринималась всерьез и, тем самым, требовала меньше ресурсов для достижения (в этом смысле можно проследить определенное сходство между Э. Карром и Д. Митрани, взгляды которого подробно разбирались в пункте 1.2).

Подводя промежуточный итог, необходимо выделить два момента:

---

[364] Carr E. The twenty years' crisis 1919-1939. An introduction to the study of international relations. – London, Macmillan&Co. LTD, 1946. p. 34.
[365] Ibid. p. 36.
[366] Ibid. p. 234.

— Во-первых, международно-политический реализм первой трети XX в. уделяет значительное внимание вопросу санкций, которые характеризуются как потенциально эффективный инструмент сдерживания и поддержания стабильности на международной арене;

— Во-вторых, ключевая дихотомия «реализм/прагматизм – утопизм» оказалась малоприменима в качестве аналитической рамки для разбора санкционной политики. Фактически, Э. Карром было разработано двухмерное объяснительное пространство, в котором основополагающая ось разграничений была лишена должной гибкости. Как следствие, можно обнаружить неточности в карровской оценке риторики и поведения США – ключевого актора в области экономических ограничений.

Середина XX в. для парадигмы прошла под знаком переформатирования концептуальных основ. Прежде всего, речь идет о появлении двух сквозных тем, которые, по сути, и стали «визитной карточкой» реализма: категория силы как драйвер международных процессов и самостоятельно действующее государство в качестве основного легитимного участника мировой политики. Для дальнейшей более детальной реконструкции контекста необходимо сделать несколько уточнений.

Во-первых, в отличие от ранее описанного этапа, реализм развивается как преимущественно Американская исследовательская традиция. Безусловно, наличие в академическом сообществе таких фигур, как, например, Г. Баттерфилд[367] говорит о наличии альтернативных национальных школ мысли, однако общую содержательно-понятийную рамку начинают формировать представители США. Так, среди знаковых теоретиков и идейно близких экспертов выделяются

[367] Г. Баттерфилд – британский историк, профессор Кембриджского университета, член Британской академии.

Дж. Кеннан[368], У. Липпман[369], Г. Моргентау[370], Р. Нибур[371], П. Нитце[372], А. Уолферс[373], У.Т.Р. Фокс[374], Дж. Херц[375], которые, применительно к теме диссертации, составляют основную выборку для анализа санкционной проблематики в системе объяснительных конструкций «зрелого» реализма. Это обстоятельство имеет важное значение: как уже было показано ранее, теория международных отношений, помимо непосредственно познавательной функции, заключает в себе инструментальный компонент в виде интеллектуального сопровождения внешней политики. Следовательно, она в том числе выступает в качестве проводника необходимых нарративов и идеологем; в данном случае, речь идет о закреплении в научном дискурсе положений, легитимизирующих поставленный под сомнение в 1930-е гг. и вновь обретенный после Второй мировой войны статус США в качестве державы-гегемона с функционалом архитектора (в том числе, в экономической плоскости). Таким образом, можно предположить, что и в вопросе санкций аргументация реалистов будет направлена на достижение аналогичной задачи.

Во-вторых, в противовес карровскому подходу, который подразумевал достаточно активное обсуждение вопросов санкционной политики в русле объяснительной логики реализма, авторы середины века высказываются более

---

[368] Дж. Кеннан – американский дипломат и специалист-общественник, основатель Института Кеннана (подразделение Международного исследовательского центра им. Вудро Вильсона).

[369] У. Липпман – американский журналист, политический обозреватель, специалист-общественник.

[370] Г. Моргентау – американский международник немецкого происхождения, один из основоположников классического политического реализма в теории международных отношений.

[371] Р. Нибур – американский социальный философ и международник, автор концепции «христианского реализма».

[372] П. Нитце – американский государственный деятель, специалист-общественник и бизнесмен, занимавший посты заместителя министра обороны США, министра ВМС США, директора по планированию политики Государственного департамента.

[373] А. Уолферс – американский международник шведского происхождения, один из основоположников классического политического реализма в теории международных отношений.

[374] У.Т.Р. Фокс – американский международник, выдающийся педагог в области теории международных отношений, автор термина «сверхдержава».

[375] Дж. Херц – американский международник немецкого происхождения, автор концепции «дилеммы безопасности».

сдержано по форме и содержанию. Таким образом, рассуждая в логике У.Т.Р. Фокса, можно заключить, что основным рупором верхнего уровня американской науки о международных отношениях выступили авторы, скептически относившиеся к экономическим инструментам внешнеполитической деятельности или, по крайней мере, публично декларировавшие подобную позицию[376]. Очевидным исключением является апологет академического реализма Г. Моргентау, который, в отличие от большинства своих коллег, уделяет внимание феномену санкций в ранних франкоязычных работах «Théorie des sanctions internationales»[377]. Тем не менее, важно подчеркнуть, что несмотря на формальное соответствие теме, данное исследование посвящено не столько экономическим санкциям как таковым, сколько институту наказания как неотъемлемому компоненту поддержания власти с уклоном в критику правового позитивизма: «Безусловный фокус на правовом позитивизме в конечном итоге оборачивается тем, что в качестве правовых норм начинают рассматриваться конструкции, которые де-факто таковыми не являются, и которые позитивистский взгляд ученого, направленный только на реальность, как она есть, должен не принимать во внимание. Чтобы доказать этот тезис, Г. Моргентау концентрируется на роли санкций. С его точки зрения, негативные санкции (наказание) являются системообразующими для правовой действительности и, следовательно, для самого существования нормы. Если норма не подкреплена ожиданием негативной санкции, ее нельзя расценивать как обладающую юридической силой, поскольку именно угроза наказания, по мнению Моргентау, является механизмом, позволяющим встроить индивидуальное поведение в нормативную систему. Это не гарантирует того, что подобные санкции будут обязательно эффективны в установлении определенных образцов поведения. Однако без них отсутствуют

---

[376] См.: Fox W.T.R. Interwar International Relations Research: The American Experience. // World Politics. – 1949. – Vol. 2, Issue 1. pp. 67-79.

[377] Morgenthau H. Théorie des sanctions internationals. // Revue De Droit International Et De Législation Compare. – 1935. – Vol. 16, Issue 3. – Pp. 474-503.; Morgenthau H. Théorie des sanctions internationals. // Revue De Droit International Et De Législation Compare. – 1935. – Vol. 16, Issue 4. – Pp. 809-836.

издержки, не говоря об изменении поведения; то есть, буквально отсутствует действующая норма. В свою очередь, распад “беззубого” Версальского миропорядка является доказательством такого подхода»[378]. Как можно заметить, в данном случае рассуждения сосредоточены, прежде всего, вокруг теоретических аспектов правового измерения санкций как элементов права. В то же время, если говорить об экономических ограничениях в значении, актуальном для темы диссертации, можно отметить, что в дальнейших программных текстах по теории международных отношений Г. Моргентау хоть и отводит санкциям место среди актуальных инструментов обеспечения национальных интересов, однако намечает эту линию исключительно контурно, не раскрывая их роли для формирования миропорядка и логики использования со стороны мирополитических акторов.

Подобные сдвиги в осмыслении основ межгосударственных взаимодействий после окончания Второй мировой войны можно объяснить разочарованием в идее коллективной безопасности, представляющей собой нежизнеспособный идеалистический проект (Р. Нибур), который необходимо модернизировать, исходя из принципа баланса сил[379]. Впрочем, данная логика оказывается совместимой с идеей создания ООН, нашедшей поддержку со стороны международников-реалистов, что говорит в пользу ранее озвученного тезиса: ключевым принципом американской внешней политики вне зависимости от ее парадигмального сопровождения является прагматизм, который в данном случае формирует нижеследующие контуры поведения Вашингтона:

А) США выступают за формирование новой глобальной организации при условии получения привилегированного статуса;

Б) Коллективные санкции со стороны международного сообщества, направленные на предотвращение потенциальной либо прекращение существующей агрессии,

---

[378] Цит. по: Guzzini S. Hans J. Morgenthau and the three purposes of power. // DIIS working paper. – 2018. – Vol. 4. – P.34.

[379] См.: Зонова Т.В. Христианские мыслители Запада о международных отношениях // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – №4(31). – С. 22-28.

позиционируются как «иллюзия»[380] (А. Уолферс), однако американские реалисты оставляют для себя пространство возможностей на этом направлении: «поскольку политика США требует, чтобы десятки стран поддерживали партнерские отношения не только с Вашингтоном, но и друг с другом, сохранение мира между некоммунистическими государствами стало основной целью, уступающей по значимости только сдерживанию советского блока. Поскольку угроза санкций в соответствии с положениями устава ООН служит сдерживающим фактором для некоммунистических стран от агрессивных действий в отношении друг друга, США получают выгоду от подобных ограничений, налагаемых на дружественные и союзные государства. Важность такой услуги трудно переоценить. <…> Страх спровоцировать Америку вопиющим нарушением международного порядка, по всей вероятности, является основным сдерживающим фактором; он действовал бы даже в том случае, если бы США не брали бы на себя обязательства участвовать в коллективных действиях против агрессора в рамках системы ООН»[381].

В) Параллельно с пунктами А) и Б) экспертное сообщество формирует и документально закрепляет нарративы, направленные на «просчитанное и постепенное принуждение»[382], расширяя таким образом политику сдерживания за счет внедипломатических методов (Дж. Кеннан, П. Нитце).

Говоря об объяснительных возможностях классического реализма относительно санкционной проблематики, следует обозначить как его сильные, так и слабые стороны.

Основной эвристической находкой международников-реалистов можно считать рассмотрение санкций как инструмента достижения внешнеполитических целей государства в условиях конфликтной анархической среды. Фактически экономические меры рассматриваются как проявление силовой политики в процессе обеспечения национальных интересов. Как справедливо замечает

---

[380] Wolfers. A. Discord and Collaboration: Essays on International Politics / A. Wolfers – The Johns Hopkins University press, 1965. – P.109.

[381] Ibid. p. 196.

[382] Cardwell C. NSC 68 and the Political Economy of the Early Cold War. – Cambridge University press, 2011.

Э. Карр, санкции не эквиваленты применению военной силы, однако могут приносить не меньший материальный ущерб; следовательно, речь идет о подрыве потенциала противника в условиях естественной ограниченности ресурсов. Таким образом, санкции – это типичный способ реализации политики господства и принуждения;

Из первого пункта вытекает посыл о том, что если санкции непосредственно связаны с национальными интересами, то их потенциал можно операционализировать, поскольку ключевые компоненты (цели инициатора, экономический потенциал сторон, комплекс реализуемых мер, степень ущерба и наличие результата) санкционной политики подлежат количественной оценке;

Наконец, в рамках школы классического реализма была сформулирована эвристически полезная для санкционных исследований концепция «дилеммы безопасности» (Дж. Херц), в соответствии с которой длительное двух- либо многостороннее экономическое противостояние, сопровождающееся последовательной эскалацией, участники которой «принимают в расчет худший сценарий и априори действуют в агрессивно-конкурентной манере»[383] по принципу «Хочешь мира – готовься к войне». События, связанные с санкционным цунами в отношении России вследствие крымского референдума 2014 г. показали, что параллели между подобными образцами внешнеполитического поведения (санкционное и вооруженное противостояние) легитимны и могут применяться в ходе научного поиска.

В свою очередь, главная проблема реализма заключается в его трактовке движущих сил международных отношений. Даже если принять во внимание определенные некритичные расхождения в позициях авторов-реалистов, то парадигма в своей основе носит государствоцентричный характер, то есть исходит из той предпосылки, что именно государства продолжают оставаться ключевыми субъектами международных отношений. Однако если сопоставить этот центральный для реализма тезис с практикой введения и реализации

[383] Jervis R. Dilemmas About Security Dilemmas // Security Studies. – 2011. – Vol 20(3). p. 417.

ограничительных мер, то возникает очевидное противоречие: санкции регулярно вводятся государствами в отношении конкретных лиц и компаний, что не вписывается в представленную выше логику. В этом смысле, называя санкции, например, «антироссийскими», необходимо понимать, что в рамках академического дискурса это, строго говоря, отчасти метафорический подход к вопросу[384].

Новый этап развития парадигмы, ознаменовавший переход к неореализму в виде набора отдельных, как правило, персонально-ориентированных теорий в конце 1970-х гг., нельзя назвать радикальной сменой вектора мышления в отношении инструментов экономического сдерживания; скорее, было бы корректнее говорить о новых акцентах, проявившихся в работах соответствующих авторов.

В то же время, ключевой интеллектуальной доминантой остался примат политической составляющей международных отношений над их экономическими аспектами: чрезмерное внимание к последним расценивается как неверное понимание движущих сил глобальных процессов, что в конечном счете влечет за собой ошибочные выводы при принятии внешнеполитических решений. В качестве примера такого рода логики можно привести флагмана первого поколения неореалистов К. Уотца[385], который высказался относительно рассматриваемой темы в виде своего рода академического рефрена: в программном исследовании «Теория международной политики»[386] 1979 г. и спустя 33 года в своем последнем прижизненном материале-эссе «Почему Иран должен получить ядерное оружие»[387] 2012 г. В первом случае автор, критикуя теорию взаимозависимости, увязывает меры несилового принуждения с ролью государства в сложившейся структуре

---

[384] Ананьев Б.И. Ловушка третьего пути? Конструктивистский взгляд на санкции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25. – №4. – С. 862-878.

[385] К. Уолтц – американский политолог, консультант в области внешней политики, основоположник теории структурного реализма в рамках школы неореализма.

[386] Waltz K. Theory of international politics. – Addison-Wesley Publishing Company, 1979.

[387] Waltz K. Why Iran should get the bomb // Foreign Affairs. – 2012. – Vol 91(4). pp. 2-5.

международных отношений: «В экономическом плане низкая зависимость [высокая самодостаточность – Ананьев] США говорит в пользу того, что издержки и вероятность потери торговых партнеров невелики. Другие государства зависят от нас больше, чем мы от них, и, следовательно, в случае разрыва связей они пострадают сильнее. В таком контексте длительные санкции в отношении США будут равны самоистязанию. Америка может обойтись без остального мира лучше, чем большинство регионов обходится без нее. Однако кто-то может поспешить заметить, что если Россия или какая-либо еще крупная держава сможет последовательно сократить объем торговли и инвестиций США во многих значимых регионах, это приведет к тихому удушению Вашингтона. Поверить в такой сценарий – означает рассуждать в категориях апокалипсиса, а не политики»[388]. Соответственно, уже с высоты полученного опыта автор следующим образом охарактеризовал современную ему политику экономических санкций: «Кризис вокруг иранской ядерной программы может предположительно завершиться тремя разными способами. В первом дипломатия, сопровождаемая значительными санкциями, сможет убедить Иран отказаться от погони за ядерным статусом. Но такой исход маловероятен: история свидетельствует о том, что государство, стремящееся к обретению ядерного оружия, редко можно убедить отказаться от подобных притязаний. В то же время наказание путем экономических санкций не приводит к неизбежному сворачиванию ядерной программы. Так, КНДР успешно достигла поставленной цели несмотря на бесконечные пакеты ограничений и резолюций Совета Безопасности ООН. Если Тегеран будет убежден в том, что его безопасность зависит от обладания ядерным оружием, санкции вряд ли убедят его изменить позицию. На деле, новые ограничительные меры могут лишь заставить Иран почувствовать себя более уязвимым, добавив последнему причин искать защиты в средстве сдерживания высшего порядка»[389].

Второй важный аспект неореалистского представления о природе международных отношений – метафора «бильярдных шаров», которая акцентирует

[388] Waltz K. Theory of international politics. – Long Grove: Waveland Press, 2010. p. 159.
[389] Waltz K. Why Iran should get the bomb // Foreign Affairs. – 2012. – Vol 91(4). p. 2.

внимание на сходство внешнеполитического поведения государств с различными по своей природе политическими режимами. Иными словами, по верному замечанию И. Тимофеева, в данной объяснительной логике «Санкции применяют и демократии, и автократии. Главное – наличие подходящих экономических возможностей, которые можно было бы использовать в качестве политического рычага»[390]. Таким образом, в сочетании с позднее внедренным в парадигму категориальным аппаратом и методологическими возможностями системного анализа политику экономического сдерживания можно анализировать с точки зрения распределения мощи в системе международных отношений: проще говоря, экономический вес отдельно взятого элемента предопределяет потенциал его использования в политических целях. Ярким примером такой линии рассуждений является позиция Дж. Миршаймера[391], согласно которой несмотря на серьезный прогресс глобализации, который привел к повышению роли фактора упорядоченности и взаимозависимости, межгосударственные отношения в целом продолжают оставаться анархичными. В этом смысле, максимизация экономического потенциала по своей сути не отличается от таких национальных интересов как военное превосходство и гегемония, вследствие чего наступательная линия поведения является фактически детерминированной: «Моя первая посылка состоит в том, что международной системе свойственна анархия; это не означает, что она хаотична либо движима беспорядком, как легко можно было бы заключить, ориентируясь на мнение реалистов о том, что мировая политика определяется безопасностью, конкуренцией и войной. Однако реалистское понимание анархии по своей сути не имеет ничего общего с конфликтностью: это принцип организации, который подразумевает совокупность независимых государств, которые не имеют над собой более высокой управляющей инстанции. <…> Великие державы действуют рационально; они обеспокоены состоянием внешней

[390] Тимофеев И.Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Полис. Политические исследования. – 2023. – №2. – С. 107.

[391] Дж. Миршаймер – американский специалист-международник, профессор Чикагского университета, основоположник теории наступательного реализма в рамках школы неореализма.

среды и демонстрируют стратегическое мышление в отношении вопросов выживания. [рациональность поведения является важным маркером в контексте оценки инструментов экономического сдерживания в арсенале великих держав. Кроме того, апелляция к рациональности показывает смысловую преемственность с рассуждениями Э. Карра. – Ананьев] В частности, они обращают внимание на приоритеты других государств и на то, как их собственные действия могут изменить такое поведение; кроме того, оценивается влияние курса других стран на собственную стратегию выживания. <…> Безусловно, государства могут иметь враждебные намерения, однако единственное предположение, которое следует из подобного мотива – это выживание как универсальный объективный принципиальный интерес, что само по себе является достаточно безобидной целью. Если говорить конкретнее, тремя базовыми образцами поведения на международной арене являются страх, стремление улучшить свои позиции и максимизация мощи»[392]. Тем не менее, при разборе данного фактора необходимо сделать важную оговорку: рассуждая о балансе сил и взаимозависимости, неореалисты более поздних поколений демонстрируют компромиссный характер мышления, не исключая значимости международных рынков, но увязывая общие блага с идеей лидерства доминирующей державы[393]. Кроме того, к описанному ранее пулу базовых факторов, определяющих линию поведения государства, добавляются т.н. «промежуточные/вторгающиеся переменные», среди которых применительно к теме диссертации наибольший интерес представляют стратегическая культура, специфика отношений между государством и гражданским обществом, а также особенности функционирования институтов, вовлеченных в выработку политического курса[394]. В этой связи аппарат экономического принуждения может рассматриваться в категориях

---

[392] Mearsheimer J. The tragedy of great power politics. – New York: W.W. Norton and Company, 2001. p. 45-46.

[393] См.: Gilpin. R. The challenge of global capitalism: the world economy in the 21st century. – Princeton: Princeton University Press, 2000.

[394] Ripsman N., Taliaferro J., Lobell S. Neoclassical Realist Theory of International Politics / N. Rispman, J. Taliaferro, S. Lobell – NY: Oxford University Press, 2016. – Pp.33-34.

неореалистского анализа в случае, если он имеет четко выраженную институционализацию и аффилиацию со структурами, ответственными за реализацию национальных интересов.

Подводя итог, эвристический потенциал неореализма применительно к изучению санкционной проблематики можно охарактеризовать следующим образом:

Во-первых, общая концептуальная рамка неореализма, как и в случае с классическим реализмом, вписывает экономические санкции в логику властных отношений на международной арене, что позволяет рассматривать их в качестве инструмента силовой политики, направленного на принуждение оппонента к выполнению политических требований инициатора. Эта посылка тесно связана со стрежневым для всей школы в ее исторической динамике тезисом о примате политической составляющей международных отношений над их экономическими компонентами, будь то религиозно-мотивированная аргументации Р. Нибура или апелляция к рационализму у позднего Дж. Кеннана, изложенная в материале, опубликованном в Нью-Йорк Таймс в 1982 г[395] (в этом смысле, характерным является тот факт, что ряд классиков неореализма высказывали выраженный скептицизм в отношении санкций как практического способа достижения национальных интересов). Если исходить из указанного положения, основным сопровождающим методологическим решением при работе с материалом может выступать сравнительный кейс-стади, опирающийся на имеющиеся либо самостоятельно разработанные базы данных, которые учитывают успех либо неудачу конкретных эпизодов введения ограничительных мер. Однако слабой стороной подобного исследовательского дизайна будет продемонстрированная Д. Дрезнером в виде т.н. «Парадокса Дрезнера» нелинейная зависимость между жесткостью санкций в отношении принципиально недружественных режимов и шансами на выполнение значительных политических требований инициатора.

[395] George Kennan Calls on the West to end sanctions against Soviet [Электронный ресурс]. 11.10.1982 URL: https://www.nytimes.com/1982/10/11/world/george-kennan-calls-on-the-west-to-end-sanctions-against-soviet.html?ysclid=moldgbin3f77097442 (дата обращения: 03.06.2026).

Иными словами, неореалистские установки уязвимы к аномалиям применения экономического принуждения, которые можно систематически обнаружить при эмпирических исследованиях, как то, например, ограниченно успешные санкции в отношении Ирана и КНДР.

Во-вторых, методологическим преимуществом классического и неореализма является возможность оперировать простыми, но при этом не интеллектуально-примитивными гипотезами, как то: государства с развитым экономическим потенциалом в большей степени склонны реализовывать свои национальные интересы через санкции, чем государства с меньшим экономическим потенциалом; экономический ущерб стране-мишени прямо пропорционален вероятности выполнения требований инициатора и др. Эта особенность удачно сочетается с различными вариантами исследовательского дизайна, ориентированного на работу с процессами и тенденциями, дополнительно поддерживая востребованность рассматриваемой парадигмы в научном поиске. Вместе с тем, погружение в проблематику показывает, что санкционная повестка ставит перед авторами-реалистами ряд трудноразрешимых вопросов. Как объяснить тот факт, что СССР, будучи экономически развитым субъектом мировой политики, не использовал санкции в качестве базового инструмента давления? Почему при условно сопоставимых потенциалах Китая и США последние выступают в качестве локомотива санкционной практики, в то время как КНР прибегает к ней в значительно более умеренных масштабах и, как правило, реактивно? Подобные дилеммы обнажают ограниченность объяснительных возможностей парадигмы и, вероятно, требуют выхода за рамки устоявшегося мышления.

В-третьих, неореализм опирается на концепцию баланса сил, что позволяет включить в собственную аналитическую рамку набор конкретных переменных, описывающих роль санкций в формировании структуры международных отношений. Такой подход, в частности, может быть применен для разбора феномена санкционных коалиций и коллективных ограничений в целом. Однако, с другой стороны, существует риск упустить сложно поддающиеся операционализации, но важные для развития ситуации несистемные факторы

(например, резкую смену линии США в отношении ядерной сделки с Ираном в первый президентский срок Д. Трампа при явном сохранении заинтересованности в контроле над процессом), и в итоге получить неверные выводы. При этом существуют методологические альтернативы, связанные с учетом большего числа разнородных вводных, что, в свою очередь, сильно перегружает исследовательский аппарат без гарантии получения более качественных результатов. Более того, по верному замечанию В. Конышева[396], возможна и обратная ситуация, когда государству удается найти удачные инновационные решения, идущие в разрез с логикой баланса сил. Так, политика «нового сдерживания» со стороны Запада натолкнулась на комплекс непрямых и асимметричных мер со стороны России, которые нейтрализовали ожидаемый эффект от санкций и военного давления, в результате чего воссоединение Крыма с Россией состоялось вопреки очевидным внешним препятствиям[397].

[396]В. Конышев – специалист-общественник, эксперт в области международных отношений, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.
[397] Конышев В.Н. Неоклассический реализм в теории международных отношений // Полис. Политические исследования. – 2020. – №4. – С. 105.

2.2. Экономические санкции в парадигме либерализма: эвристический потенциал, теоретико-методологические возможности, объяснительные пробелы

Говоря о международно-политических либерализме и неолиберализме применительно к проблематике экономических санкций, необходимо сделать важное уточнение: в отличие от ранее разобранных реализма и неореализма, данная парадигма носит менее консолидированный и целостный характер[398].

Следовательно, для дальнейшего анализа интеллектуальных конструкций специалистов-международников либерального направления необходимо определить исследовательский дизайн, позволяющий выйти на необходимые обобщения. Для этого предлагается отойти от механистически-хронологического подхода, который в большей степени уместен при наличии ярко выраженной эволюционной составляющей явления или процесса, и сосредоточиться на сквозных темах и концепциях, что позволит проработать неконсолидированный по прочим параметрам объем материала.

Первым ключевым для либерализма элементом является универсалистское прочтение ценностных оснований мирополитического взаимодействия. В этом смысле он представляет собой классическую теоретическую рамку высокой абстракции; если в случае реализма авторы в качестве постоянной переменной вводят мотивы поведения государства и принцип анархичности среды (см. пункт 2.1.), то для либерализма константой являются центростремительные тенденции. Иными словами, акцент делается на схожести и объединяющих началах, а не разделяющих признаках, из чего вытекает стремление к кооперации как идеологический фундамент, на котором необходимо выстраивать архитектуру миропорядка.

---

[398] Как и в предыдущем случае, в данном пункте классический и неолиберализм используются под собирательным термином «либерализм» в тех случаях, когда различия между данными инвариантами парадигмы оказываются не принципиальными; в противных случаях применяется более специфическое словоупотребление. При этом, рассматриваются только положения авторов, представляющих международно-политическое направление парадигмы.

В своем раннем варианте в первой трети XX в. данная особенность либерализма проявилась в виде т.н. либерального интервенционизма (подробнее см. пункт 1.2.), который, апеллировал к необходимости формирования поствоенной международной повестки путем распространения универсальных либерально-демократических ценностей по образцу и под эгидой США. При этом, очевидной сильной стороной этого идеологического построения является возможность использовать для индоктринации элементы преемственности с общепринятыми авторитетами в области гуманитарного знания. Так, в ключевом для становления либерального интервенционизма проекте 14 пунктов В. Вильсона можно проследить связь с идеями кантовского вечного мира, что, безусловно, придавало ему интеллектуальной фундированности и привлекательности в глазах современников: «Идея Канта оказала свое политико-правовое и теоретико-правовое воздействие только после ужасов Первой мировой войны. Но в измученной и истекающей кровью Европе лозунги движения за мир нашли большее понимание среди общественности, чем у правительственных политиков. Нужна была инициатива американского президента. Как профессиональный юрист, он был подготовлен к тому, чтобы практически воплотить философскую идею. <…> Сам Вильсон, правда, никогда прямо не ссылался на кантовскую работу “К вечному миру”, но ряд убедительных признаков указывает на то, что он должен быть хорошо с нею знаком»[399].

В свою очередь, санкциям в этой системе отводилось место «мирного, тихого, но не менее смертоносного средства»[400], способного при необходимости выступить механизмом сохранения статус-кво в условиях американской экономической гегемонии[401] по ранее представленной формуле:

---

[399] Хабермас Ю. Расколотый Запад. – М.: Издательство «Весь мир», 2008. С. 147.

[400] Wilson W. Addresses of President Wilson. – US Government Printing Office, 1919. p. 370.

[401] Иными словами, если воспользоваться устоявшейся метафорой, инструменты экономического сдерживания должны были стать кулаками, которые позволили бы добру в лице американоцентричного блока государств защитить свое положение. Однако обратной стороной подобной политики является логика исключительности и фактического деления мира, вместо его номинального объединения базовых ценностей, которую подчеркивает Ю. Хабермас: «Сторонники национально окрашенных либеральных концепций исходили из того, что

А) США избегают прямого вовлечения в «горячие» конфликты;

Б) В случае крупного «горячего» конфликта сверхзадача для Белого дома – отсутствие однозначного победителя, способного капитализировать результат, будь то непосредственно экономическая составляющая, либо косвенный эффект, связанный с изменением баланса сил;

В) Пункты А) и Б) в совокупности создают ситуацию, когда при сохраняющейся зависимости ведущих государств Европы от американской экономики Вашингтон де-факто получает статус арбитра по ключевым вопросам глобальной повестки;

Г) Стратегия сохранения приемлемого статус-кво включает в себя распространение идеологемы, в рамках которой Вашингтон выступает ключевым выразителем и защитником идей и ценностей порядка, созидания и движения к общему благу.

Таким образом, по совокупности полученных выводов, можно сделать важное для темы диссертации заключение: после Первой мировой войны на период формирования контуров нового подхода к мироустройству через главенствующую роль глобальной организации, международно-политический либерализм усилиями американского политического истеблишмента действительно вышел на первый план с точки зрения интеллектуального сопровождения внешнеполитической деятельности. Справедлив также и тезис о стремлении руководства США

профессия специалиста по международному праву призвана помогать обрести голос политической совести человечества. Для них существование национального государства, его независимый статус были чем-то безусловным; но только европейские государства принадлежали к тому культурному кругу, в котором идеалы просвещения, прав человека и гуманитарных принципов могли рассчитывать на отклик и понимание. Только цивилизованные государства достигли той степени зрелости, которая позволяет им стать членами международного сообщества равноправных государств. Интернационалисты не были, конечно, совсем бесчувственными к жестоким сторонам колониализма, но, и на их взгляд, именно Европе однажды выпала роль распространять процесс цивилизации на другие регионы земного шара. С позиции превосходства белого Запада представлялось естественным, что колониальные державы в договорном порядке регулировали свои взаимные претензии друг к другу, но не свои отношения с самими колониями. Существовавший перепад в цивилизованности и проистекающая отсюда миссия просвещения и воспитания должны были объяснять, почему универсализм основоположений международного права неразрывно связан с присущей колониализму логикой исключения». Хабермас Ю. Расколотый Запад. – М.: Издательство «Весь мир», 2008. С. 146.

выстроить либеральный миропорядок, основанный на коллективных несиловых мерах принуждения. Однако применительно к проблематике экономических санкций классическая дихотомия «либерализм-реализм», традиционно используемая для упорядочивания и классификации международно-политической мысли, в том числе, за счет описания т.н. «великих дебатов», представляется эвристически неэффективной и даже ложной. Как показала работа с эмпирическим материалом (см. пункт 1.2.), либерализм первой трети XX в. на практике представлял собой форму прагматичного внешнеполитического мышления, которое не выступало оппозицией реализму (как это ретроспективно представляется в дидактическом поле теории международных отношений) или, в карровском прочтении, прагматизму. Напротив, он, скорее, исполнял роль альтернативной по внешним проявлениям, но схожей по смысловой нагрузке системы взглядов. Более того, А. Туз, рассуждает в еще более категоричной манере: «неустанный поиск новых путей обеспечения порядка и сохранения мира был проявлением не увязшего в заблуждениях идеализма, но более высокой формы реализма <…> В Азии попытки Америки добиться стабилизации ситуации в мире, держась от него на расстоянии, закончились провалом. Интернационализм в стиле договора Келлога-Бриана, не подкрепленный санкциями, грозил дискредитацией самой идеи “новой дипломатии”»[402]. В связи со сказанным выше, при анализе теоретико-методологических аспектов санкционной политики предлагается отталкиваться от посылки о том, что современная система экономического сдерживания является вспомогательным продуктом либерального интервенционизма как доктрины, которая по формальным признакам соответствует либеральной парадигме, но не в полной мере является таковой по своей сути.

Второй стержневой особенностью международно-политического либерализма, которую можно рассматривать в качестве своего рода визитной карточки парадигмы, является восприятие экономических интересов в качестве

[402] Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916-1931 годы. – М.: Издательство Института Гайдара, 2017. С. 387.

основного драйвера развития международных отношений. Эта школа мысли исходит из того, что именно мировой рынок, а не государства, способен обеспечить наиболее эффективное распределение ресурсов и, следовательно, построить наилучший из возможных миров для жителей планеты. Либеральные исследователи и политики уделяют особое внимание экономическим (торговым, финансовым) причинам конфликтов и войн и считают торгово-экономическое сотрудничество, открытую торговлю, прямые иностранные инвестиции и свободные финансовые рынки лучшим механизмом обеспечения мира. Следовательно, в данном аспекте логично было бы ожидать от либерализма самых сильных аргументов и объяснительных решений относительно санкционной политики. Однако, парадоксально, последняя представлена у международников-либералов достаточно фрагментарно. В этом смысле, складывается впечатление, что они расценивают подобную проблематику как чужеродную для себя и, соответственно, предпочитают не ступать на данное интеллектуальное поле.

Третья базовая установка либерализма заключается в продвижении тезиса о непосредственной связи внешней и внутренней политики, что особенно важно в контексте темы диссертации. Другими словами, главным в либерализме как школе изучения и формирования мировой политики является то, что либеральная мысль выводит внешнеполитическое поведение государств из их внутреннего устройства. Следовательно, подобный подход позволяет встроить в аналитическую рамку такой важный элемент, как процесс принятия решений в интересующем исследователя государстве. В частности, это может быть полезно, например, при проведении сравнительного кейс-стади поведения подсанкционных режимов в зависимости от их внутреннего устройства.

Четвертый основополагающий тезис международно-политического либерализма заключается в признании плюрализма акторов, конституирующих миропорядок. Аналогичное верно и в отношении глобальных институтов. Иными словами, либералы признают крупные многонациональные корпорации, международные правительственные и неправительственные организации полноправными участниками международных отношений и считают необходимым

привлекать их к обсуждению и решению проблем мировой политики. Так, один из наиболее авторитетных представителей школы Дж. Розенау[403], рассуждая об участниках мировой политики, отмечает следующее: «Функциональные потребности международной системы обеспечиваются за счет деятельности правительств, которые либо совершенствуют национальные конституции, чтобы регулировать поведение государства путем внутренних норм, либо берут на себя обязательства за счет участия в международных договорах, которые задают рамку внешнеполитического курса. Однако в текущий период быстрых и интенсивных глобальных изменений [материал был опубликован в 1992 г. – Ананьев] основными вызовами стали глобализация, рост влияния различных социальных движений (в том числе выдвигающих требования по гармонизации интересов этнических и других групп), сокращение дистанции между политиком и гражданином за счет развития информационных технологий, а также стремительный скачок уровня взаимозависимости вследствие финансовых кризисов, загрязнения окружающей среды, терроризма, наркотрафика, эпидемии СПИДа и других транснациональных проблем глобальной повестки. Все это подорвало возможности контролировать ситуацию как за счет внутренних норм, так и за счет международных договоров в том смысле, что ключевые точки приложения (локусы) политической власти были смещены. Национальные правительства по-прежнему полноценно субъектны в ряде вопросов, однако, как отмечалось выше, часть их полномочий была делегирована на наднациональный уровень. Другими словами, некоторые управленческие функции в настоящее время реализуются глобальными акторами, а не государственной властью»[404].

Данный интеллектуальный тренд в контексте развития санкционных исследований начал появляться в профильных источниках уже в 1980-е гг., однако ее пик пришелся на 1990-2000-е гг. На первый взгляд, подобная постановка вопроса

---

[403] Дж. Розенау – американский специалист в области международных отношений, знаковый представитель школы международно-политического либерализма, профессор Университета Джорджа Вашингтона.

[404] Rosenau J. Governance, order, and change in world politics. – Cambridge University Press, 1992. p. 26.

представляется адекватной сложившейся на тот момент практике применения ограничительных мер. Как было показано в первой главе диссертации, в конце XX в. сформировались и приняли устойчивый характер т.н. «умные/таргетированные» санкции. Кроме того, для повышения эффективности своего экономического сдерживания, США постепенно инициировали переход к принципу юридической экстерриториальности[405] (например, как это было в кейсе санкционного давления на Иран[406]), что в совокупности привело к росту значимости роли негосударственных элементов в стратегии несилового давления на страну-мишень[407]. В этом смысле, международно-политическая реальность действительно отражала представления общественников-либералов, что усиливало их позиции в академическом сообществе относительно представителей иных интеллектуальных традиций[408].

Однако, с другой стороны, если последовательно придерживаться подобной логики, необходимо вернуться к признанию главенствующей роли Совета Безопасности ООН в качестве единственного легитимного глобального института, ответственного за международные экономические санкции. Вместе с тем, в материалах американских авторов сложно обнаружить сколько-нибудь заметный оптимизм относительно возможностей и будущего организации. Развивая эту

---

[405] Принцип юридической экстерриториальности применительно к санкционной повестке означает возможность распространять действие санкций на субъекты, которые формально не попадают под юрисдикцию страны-инициатора.

[406] Логика США заключалась во внедрении модели «кнута и пряника»: под первым подразумевались экстерриториальные санкции в отношении субъектов, вступающих в коммерческие отношения с юридическими лицами из Ирана. В свою очередь, под вторым – компенсации упущенной выгоды и прямых финансовых потерь, предусмотренные за отказ от коммерческой деятельности с Тегераном.

[407] Речь, в частности идет, о вовлечении непосредственно бизнес- и банковских секторов экономики к реализации государственной стратегии несилового давления на Иран.

[408] Отдельно стоит обратить внимание на религиозный компонент, встроенный в либеральную риторику. Хотя вера в американскую исключительность более характерна для консерваторов, концепция «сияющего града на холме», вышедшая из библейских текстов, – смыслообразующая и для либерального дискурса. Однако либералы обращаются или к малым группам, или к предельно большим. Чаще всего они апеллируют к человечеству, к мировому сообществу, еще более воображаемому, чем национальное, что можно наблюдать и во внутренней, и во внешней политике США.

линию, отдельно стоит обратить внимание на противоречия, возникшие вокруг ООН в экспертной среде в 1990-е гг.: работа с литературой показывает, что в международном сообществе начали распространяться ожидания возможного ренессанса организации, ее «второго рождения»[409], что можно объяснить стремлением противопоставить легитимность ООН гегемонии США. В то же время, Вашингтон, напротив, закономерно продемонстрировал скептическое отношение к данному сценарию: несмотря на внутриполитические противоречия между Республиканцами и Демократами, которые оказывали влияние, прежде всего, на расстановку сил внутри американского истеблишмента[410], интеллектуальный нарратив, транслируемый вовне оставался достаточно консолидированным и однозначным. Несмотря на декларируемую приверженность идее глобального управления и наднациональных структур в вопросах второго порядка (таких как, например, права человека), международники-либералы не продемонстрировали аналогичного энтузиазма относительно возможности делегировать задачи, связанные с обеспечением национальной безопасности, в том числе, самостоятельность в вопросах разработки, введения и снятия санкций[411]. Таким образом, можно констатировать, что тема негосударственных акторов и наднациональных институтов демонстрирует как сильные стороны либерализма, так и его проблемные зоны. С одной стороны, в пользу аргумента о значимости негосударственных субъектов говорит сама реальность: начиная с 1990-х гг. все более значительное число эпизодов перешло в категорию мер с участием ТНК, частного бизнеса или даже физических лиц (например, практика ведения SDN-

---

[409] См. например: Новоселофф А. Как вдохнуть новую жизнь в ООН? (основные цели – предвидение и предотвращение конфликтов) // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 11. – С. 17-28.

[410] В частности, 1990-е гг. отмечены борьбой внутри политического истеблишмента США между Республиканским конгрессом, который традиционно скептически относится к ООН, и администрацией Демократа-Клинтона, высказывавшегося за усиление связей с организацией.

[411] В результате, преимущественно негативный опыт проведения совместных миротворческих операций под эгидой ООН (Сомали, Гаити, Босния) укрепил внешнеполитическое руководство в необходимости возвращаться к концепции американской гегемонии в вопросах санкционной политики.

листов со стороны Управления по контролю за иностранными активами Министерства финансов США). С другой, если принимать во внимание, прежде всего, знаковых мейнстримовых авторов (то есть, в большинстве случаев, речь пойдет об американских ученых), можно проследить определенную закономерность: применительно к санкционной повестке ими была создана прагматичная система объяснительных конструкций, которая предполагает делегирование национальных полномочий на уровень выше в качестве собственно либеральной внешней составляющей и одновременное сохранение статус-кво в области политики несилового сдерживания (включая отказ от возвращения к модели миропорядка, основанной на центральной легитимной роли ООН), что полностью отвечало национальным внешнеэкономическим интересам США.

Наконец, пятая принципиальная установка международно-политического реализма, тесно связанная с предыдущей, заключается в акцентировании значимости взаимозависимости государств для формирования и поддержания основ миропорядка. Эта идея в ее различных инвариантах фигурирует у ряда более или менее заметных представителей школы как в более рационально-фундированной форме у Р. Кохейна[412] и Дж. Ная[413], так и, например, в метафорическом виде у Ф. Фукуямы[414] как «конец истории». Однако рассматривая данную посылку, следует остановиться на двух следующих моментах:

Во-первых, несмотря на то, что экономические ограничения как механизм поддержания стабильности международной среды в ситуации взаимозависимости считываются как имманентно встроенные в логику упомянутой концепции, непосредственно в текстах сами санкции, как правило, упоминаются

---

[412] Р. Кохейн – знаменитый американский международник, один из ключевых представителей либерального институционализма, в том числе в контексте теории комплексной взаимозависимости.

[413] Дж. Най – знаменитый американский международник, один из наиболее знаковых представителей неолиберализма, автор ряда ключевых концепций неолиберальной международно-политической мысли, в том числе, комплексной взаимозависимости и мягкой силы.

[414] Ф. Фукуяма – знаменитый американский эксперт в области внешней политики и международных отношений. Автор популярной неолиберальной метафоры «конца истории».

фрагментарно. Например, в программной работе «Власть и взаимозависимость»[415] авторы, с учетом специфики темы, касаются вопроса санкций, скорее, контурно: «Централизованное обеспечение соблюдения правил в международных режимах посредством иерархических механизмов, как правило, не представлено, ввиду отсутствия полицейских сил и лишь зачатков наднациональной бюрократии. Если государства привержены какому-либо международному режиму, они должны действовать подобным образом в силу собственных долгосрочных интересов; при этом, организовать процедуру контроля не так сложно, как это может показаться. Крупнейшие развитые индустриальные державы взаимодействуют друг с другом по широкому кругу вопросов в течение неопределенного периода времени. Каждое правительство способно “избежать наказания” за конкретное нарушение, но жизнеспособные режимы в той или иной форме опираются на принцип долгосрочной взаимности. Никто не доверяет закоренелым нарушителям. Со временем государства приобретают репутацию играющих по правилам, причем не только в отношении буквы закона, но и его духа. Такой имидж является одним из важнейших активов. Как однажды заметил экономист Чарльз Киндлбергер, “В экономике прошлое – это прошлое, а в политике – это оборотный капитал”. При этом взаимность сложнее институционализировать в многосторонних, нежели двусторонних отношениях, поскольку часто сложно прийти к соглашению относительно равноценности вклада в общее дело. <…> Более того, в зависимости от контекста компромисс может превратиться в требование компенсации со стороны других стран либо по другим вопросам. Тем не менее, практика взаимности формирует стимулы для ее соблюдения, и в хорошо функционирующих режимах предусмотрены стандарты, позволяющие управлять данной практикой. <…> При проектировании институтов правоприменение должно в большей степени основываться на положениях об обмене информации и взаимности, чем на номинальных полномочиях по централизованному принуждению и угрозах такого образа действий. <…> Например, МАГАТЭ

[415] См.: Keohane R, Nye J. Power and interdependence. – Pearson, 2011.

способствует предотвращению неправомерного распространения ядерного топлива за счет угрозы обнаружения фактов нарушения в ходе проводимых инспекций, а не за счет гарантированных санкций в случае выявления подобных эпизодов»[416]. Аналогичную линию построения аргументации можно проследить на примере авторских рассуждений относительно экономического принуждения, которые, на первый взгляд, должны выстраиваться вокруг угрозы применения санкций против потенциального нарушителя, однако в действительности определяют его через такие структурные факторы, как давление на оппонента путем манипуляций с финансовыми потоками и иными традиционными форматами двусторонних экономических отношений.

Во-вторых, именно логика взаимозависимости показывает себя уязвимым звеном международно-политического либерализма в условиях санкционной практики после 2014 г. Это можно объяснить тем, что лежащая в основе большинства построений либерализма установка, согласно которой мир является порождением баланса интересов, образующих состояние взаимозависимости (проще говоря, рационально постигаемый миропорядок, при котором потери от поражения в потенциальном конфликте значительно превышают выгоды от потенциального выигрыша[417]), больше не обладает достаточной объяснительной способностью. Еще в 2000 г., говоря о теории комплексной взаимозависимости, К. Уолтц вполне обоснованно подчеркнул, что «это положение, при котором ни одна из сторон не может совершить какой-либо маневр, не ущемив других; как будто круги от маленького камня вызывают резонанс подобный шторму. И чем теснее взаимозависимость, тем более выраженные формы приобретает этот эффект, так что труднее реализовать национальные интересы, не принимая во внимание национальные интересы других сторон [и не угрожая им либо своими действиями, либо попытками контролировать действия оппонентов. – Ананьев]. Таким образом, взаимозависимость может в той же степени провоцировать войны,

[416] Keohane R, Nye J. Power and interdependence. – Pearson, 2011.p. 289-290.
[417] Keohane R, Nye J. Power and interdependence. – Pearson, 2011.

в которой ей часто приписывают способность устанавливать мир»[418]. Безусловно, замечания Уолтца не автономны, а, напротив, являются органическим продолжением полномасштабной критической линии, выстроенной как минимум по двум направлениям. С одной стороны, выгоду от сотрудничества имеет смысл рассматривать не в абсолютном, а в относительном выражении, сосредоточившись на вопросе распределения благ между участниками кооперации. В этом смысле для государства зачастую более принципиально добиться такой конфигурации, при которой оно не максимизирует собственные достижения, а минимизирует выгоду ключевых оппонентов[419]. С другой – приведенная выше схема в большей степени присуща либо биполярной системе, либо структуре со значительной асимметрией в ресурсах и возможностях акторов, в то время как полицентричность предполагает акцент на валовые показатели[420]. Однако даже если не принимать во внимание отмеченную выше амбивалентную природу одной из ключевых конструкций школы либерализма, невозможно игнорировать тенденцию (или, по крайней мере, очевидные попытки) нивелировать последствия экономической кооперации, обеспечив максимально возможный уровень хозяйственной автономии (в том числе ее радикальное проявление – намеренно культивируемую экономическую конкуренцию с соответствующим набором санкций как протекционистских инструментов). В этом смысле можно говорить о размывании основ взаимозависимости, когда осознание потенциального экономического ущерба в случае конфронтации уже не является решающим аргументом и предохранительным механизмом, а санкции становятся наглядным тому подтверждением. В защиту объяснительных возможностей либерализма его сторонники могут воз разить, что по своей сути представленная ситуация не является парадоксальной либо аномальной, поскольку она может быть описана – по крайней мере, отчасти – в категориях адаптированной к требованиям времени

[418] Waltz K. Theory of international politics. – Long Grove: Waveland Press, 2010.

[419] Gieco J. Anarchy and the Limits of Cooperation: A Realist Critique of Newest Liberal Institutionalism. // International Organization. – 1988. – Vol. 42. – No 3. pp. 485–507.

[420] Duncan S. Relative Gains and the Pattern of International Cooperation. // American Political Science Review. – 1991. – Vol. 85. – No. 3. pp. 701-726.

концепции кооперативной безопасности, когда санкции предстают в виде упреждающей либо непосредственной реакции объединенной коллективной волей и базовыми интересами группы государств на потенциально опасные или уже совершенные подрывные действия со стороны конкретного субъекта международных отношений. Однако пример с санкциями в отношении России нарушает целостность подобных построений, создавая ряд внутренних противоречий. Так, если трактовать кооперативную безопасность, опираясь на одного из «отцов-основателей», Р. Кеннеди[421], то следует признать, что, во-первых, фокус внимания исследователя смещен в сторону угроз, спровоцированных потенциальным распространением оружия массового поражения, террористических и экстремистских акций и внутригосударственных конфликтов (то есть сценарий неприемлемого поведения какого-либо из государств и, соответственно, адекватной реакции на подобное поведение проработан не столь детально)[422]. Во-вторых, важным условием для построения системы кооперативной безопасности является ее инклюзивный характер. Для Кеннеди это означает необходимость учесть интересы всех участников, что вызывает закономерный и по своей сути полемический, а значит, неразрешимый вопрос о том, насколько интересы России принимались во внимание в 2014 г., когда санкции вводились под предлогом ответа на ее неприемлемые действия на международной арене, а также были созданы предварительные условия для того, чтобы предотвратить и исключить подобный сценарий развития ситуации, заменив его менее конфронтационным. Если же разделять иную точку зрения на сущность кооперативной безопасности, представленную Р. Коэном[423], согласно которой эта система представляет собой симбиоз коллективной безопасности и обороны, который в сочетании с «проецированием стабильности» заключает в себе и

---

[421] Р. Кеннеди – американский политический и государственный деятель реалистского направления.

[422] Цыганков П. Безопасность: кооперативная или корпоративная? (Критический анализ международно-политической концепции) // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 3. – С. 128.

[423] Р. Коэн – американский специалист-международник в области международной безопасности.

императивное начало, то в таком случае санкции стоит трактовать как инструмент «принуждения непокорных», а это, по меткому замечанию П.А Цыганкова[424], значит, что «трудно отделаться от впечатления, что речь идет о безопасности узкого круга избранных государств, причем ради сохранения (или продвижения?) общих интересов они не должны останавливаться перед применением силы по отношению к странам, не участвующим в данной системе»[425]. Очевидно, что подобная постановка вопроса не вписывается в логику либеральной мысли, а эксклюзивный характер кооперативной безопасности, институционально закрепленный в виде присутствия на международной арене организаций со сверхполномочиями (для Коэна – это НАТО) и как минимум несовпадающими интересами создает политико-правовую коллизию, в результате которой значительная часть санкций вводится без соответствующего решения Совета Безопасности ООН, что позволяет открыто ставить вопрос об их легитимности. Другая принципиальная для либерализма линия аргументации опирается на понятие международного режима, собирательно трактуемого, во-первых, как социальный институт, то есть устойчивую конфигурацию правил поведения, ролей и отношений; во-вторых, как конкретную специфическую регулируемую область международных отношений в противовес более широким и глобальным структурам[426]. Даже если не принимать во внимание критические замечания части научного сообщества относительно слабой теоретической проработанности проблематики отдельных режимов (в частности, контроля над вооружениями[427]), события показывают, что сегодня вполне уместно говорить если не о деградации, то, по крайней мере, об эрозии не просто конкретных элементов системы режимов, но – что, вероятно, более важно – самой идеи режима как универсального

---

[424] П.А. Цыганков – знаменитый российский специалист-международник, эксперт в области внешней политики и теории международных отношений.

[425] Цыганков П. Безопасность: кооперативная или корпоративная? (Критический анализ международно-политической концепции) // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 3. – С. 128.

[426] Levy M., Young O., Zurn M. The Study of International Regimes. // European Journal of International Relations. – 1995. – Vol. 1. – No. 3. pp. 267-330.

[427] Gallagher N.(ed.) Arms Control: New Approaches to Theory and Policy. – L.: Routledge, 2012.

регулятора международной действительности и страховочного механизма в ситуации нарастания конфликтности. Изначальный оптимизм в отношении возможностей и перспектив режимов уступил место, скорее, сдержанной настороженности, возникшей не в последнюю очередь на фоне их кризиса, а также полноценного распространения санкционного противостояния на те сферы, которые традиционно воспринимались как системообразующие с точки зрения интересов международного сообщества. Если, скажем, сложности с инклюзивным нормативным регулированием охраны окружающей среды достаточно давно и прочно закрепились в повестке как чувствительные, но предсказуемые и в целом приемлемые здесь и сейчас, то сворачивание международного сотрудничества в области освоения космоса, а также противодействия терроризму и организованной преступности вызывает большую озабоченность экспертного сообщества. Подобное положение дел демонстрирует очертания пределов взаимозависимости и сотрудничества, за которыми лежит во многом неприглядное для сторонников либеральной парадигмы, но принципиально важное для изучения и понимания пространство односторонних действий по продвижению национальных интересов в духе шмиттовского политического, когда в полярности этики и экономики «конечно, обнаруживается удивительная систематичность и последовательность, и эта система, мнимо неполитическая и якобы даже антиполитическая, либо служит существующему разделению на группы друзей и врагов, либо же ведет к новому и потому неспособна избежать политического как своего неминуемого следствия»[428].

Подводя итог, международно-политический реализм применительно к изучению санкционной проблематикb может предложить как ряд сильных эвристических решений, так и испытывает определенные сложности с рефлексией некоторых феноменов сложившейся международно-политической действительности.

Во-первых, экономическая глобализация, которая начала задавать тон мирополитическим взаимодействиям в 1970-80-е гг. в совокупности с развитием

[428] Василик М. (ред.) Политология: хрестоматия. – М.: Гардарики, 2000. С. 42-43.

информационных технологий и сетевых структур предопределили трансформацию санкций в сторону таргетированных блокирующих инструментов, которые получили фундамент в виде основополагающей роли доллара в международных транзакциях, что нашло свое отражение как в борьбе с террористическими группировками после теракта 11 сентября, так и в ходе давления на КНДР и Иран. В связи с этим, аргументы либералов относительно экономикоцентричной природы международных отношений стали звучать более убедительно. Однако, во-первых, они представили рефлексию мер несилового принуждения в достаточно ограниченным объеме, отчасти показав низкую заинтересованность в рассмотрении данной проблематики; во-вторых, теоретически наиболее прогрессивные, умные санкции в реальности показали эффективность примерно сопоставимую с классическими эмбарго образца середины XX в., что ослабляет объяснительный потенциал либерализма на данном направлении.

Во-вторых, именно либеральная парадигма в санкционных исследованиях позволяет опереться не только на внешнеполитический процесс, но и на специфику принятия внутриполитических решений, прежде всего, в государстве-мишени. Такой подход наиболее продуктивен в случаях совершенствования механизмов точечного давления на подсанкционный режим с учетом знания специфики работы «черного ящика». С другой стороны, в этом аспекте либерализм зачастую демонстрирует чрезмерную ригидность мышления, связанную с в целом характерным для парадигмы амбивалентным взглядом на природу политических режимов. Последние рассматриваются преимущественно в рамках дихотомии авторитаризма и демократии. Как итог, демократические правительства, по логике либералов, выполняют волю избирателей, которые требуют от них мира, роста благосостояния и миролюбивой политики, в то время как авторитарные режимы базируются на силе и подавлении человеческого достоинства, вследствие чего легко жертвуют благосостоянием и жизнями своих граждан для достижения силового превосходства и престижа, основанного на силе. В результате, фокус на формальных признаках и классификациях режимов уводит международников-либералов от рассмотрения более широкого круга институтов и процессов внутри

стран-инициаторов и мишеней; так, например, попытки использовать либерализм в качестве теоретической рамки для анализа устойчивости КНДР под коллективным давлением не позволил получить искомые результаты.

В-третьих, важную роль в теоретических построениях школы сыграла концепция взаимозависимости, опирающаяся на баланс интересов и принцип рациональности во внешнеполитическом поведении государств. Однако, как верно замечает И. Тимофеев: «экономическая рациональность и блага комплексной взаимозависимости далеко не всегда страхуют от международных кризисов. Интересы безопасности государства в какой-то момент могут перевесить выгоды от глобальной экономики. Иными словами, государство при определенных обстоятельствах вполне может пойти на колоссальные потери от выдавливания из глобальных и американоцентричных экономических связей. Открытым оставался вопрос о том, почему Иран, КНДР, Венесуэла или Сирия бросали вызов США, обрекая себя на крупные экономические потери. Такие вопросы можно было бы считать второстепенными для фундаментальной теории до тех пор, пока речь шла об относительно небольших странах. Но его трудно игнорировать тогда, когда в эпицентре политики санкций оказывается такая крупная страна, как Россия, и в растущей степени – Китай»[429]. Таким образом, эволюция миропорядка после окончания холодной войны требует от либерализма совершенствования собственных эвристических возможностей и объяснительных принципов.

[429] Тимофеев И.Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Полис. Политические исследования. – 2023. – №2. – С. 111.

2.3. Экономические санкции в парадигме конструктивизма: эвристический потенциал, теоретико-методологические возможности, объяснительные пробелы

Рассматривая школу конструктивизма в контексте санкционных исследований, как и ранее при разборе международно-политических реализма и либерализма, необходимо, прежде всего, остановиться на общей характеристике парадигмы применительно к ее эвристическим возможностям.

В этом смысле, важными для темы диссертации являются следующие вводные:

Во-первых, конструктивизм как интеллектуальное направление в теории международных отношений сформировался достаточно поздно по сравнению с альтернативными подходами: речь идет о конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда ряд международников выступил в качестве своего рода «третьей силы» в цикличных и, скорее, малопродуктивных межпарадигмальных дискуссиях, вошедших в историю дисциплины как «великие дебаты»[430]. В этой связи конструктивистский взгляд охватывает достаточно ограниченный промежуток использования инструментов экономического сдерживания, если принимать за точку отсчета Первую мировую войну. Таким образом, корректным представляется либо рассматривать через призму конструктивизма только ограничения, вводимые

[430] Важно отметить, что в ходе т.н. «великих дебатов» полемика международников зачастую выстраивалась вокруг разрозненных отправных теоретико-методологических посылок, что существенно затрудняет прямое сравнение парадигм в рамках интеллектуальной деконструкции. При этом, в условиях невозможности напрямую сопоставить те или иные научные подходы ввиду отсутствия у них однородных оснований для сравнения и, следовательно, размывания критериев достоверности в социально-гуманитарных исследованиях, истинность выводов и суждений определяется как результат согласия академического сообщества относительно того, что считать истинным. Теория международных отношений – не исключение. Например, теоретики школы политического реализма зачастую напрямую не конкурируют с коллегами-конструктивистами, как это принято представлять на уровне знакомства с дисциплиной в высшей школе, поскольку их усилия сосредоточены вокруг осмысления разнохарактерных сторон действительности. Аналогично и с действующими международными индексами: так, существование индекса демократии возможно прежде всего благодаря консенсусу большинства экспертов относительно ценностей, положенных в основу ранжирования стран. Именно на этой посылке и строятся дальнейшие рассуждения.

в обозначенный временной отрезок (именно такой дизайн будет применен в диссертации), либо прибегнуть к ретроспективной оценке санкций более раннего периода при помощи соответствующего теоретико-методологического инструментария, что, как представляется, чревато возникновением аналитических искажений и, следовательно, исключается из работы.

Во-вторых, в отличие от международно-политического реализма, который можно охарактеризовать как целостную парадигму (См. пункт 2.1.) и международно-политического либерализма, отличающегося меньшей теоретической преемственностью, однако частично консолидированного вокруг ряда стержневых принципов интерпретации межгосударственных взаимодействий (См. пункт 2.2.), конструктивизм представляет собой разрозненную интеллектуальную традицию или – больше – зонтичный термин, зачастую употребляемый для обозначения разнородных феноменов и концепций, затрагивающих предметное поле разных субдисциплин политической науки. Иными словами, конструктивизм значительно фрагментирован в отношении ключевых установок и выводов ведущих представителей школы, что существенно затрудняет выявление смыслового ядра парадигмы как основы для ее критического рассмотрения. В этой связи применительно к санкционной проблематике объяснительные и предсказывающие возможности конструктивизма ограничены. Так, один из отцов-основателей конструктивизма в теории международных отношений А. Вендт[431] выражается еще более категорично, говоря о том, что «конструктивизм – не теория в чистом виде, а только инструмент анализа»[432].

В-третьих, международники-конструктивисты в своих текстах касаются санкционной проблематики в ограниченном объеме. Например, ранее уже упомянутый А. Вендт в программных для школы материалах касается санкций, скорее, контурно: «Что удерживает США от захвата Багамских островов, Нигерию

[431] А. Вендт – известный специалист-международник немецкого происхождения, один из основоположников социального конструктивизма в теории международных отношений.

[432] Wendt A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics. // International organization. – 1992. – Vol. 46, No 2. p. 424.

от захвата Того или Австралию от оккупации Вануату? Очевидно, что вопрос заключается не в силе, и даже цена последствий санкций в этих случаях, вероятно, будет незначительной. Кто-то может возразить, что великие державы просто “заинтересованы” в этих территориальных завоеваниях, и это действительно может быть так, но такое отсутствие интереса можно понять только в связи с признанием суверенитета слабых государств. Так, я не заинтересован в эксплуатации своих друзей не из-за относительных выгод и издержек подобного поведения, а потому что они мои друзья. В свою очередь, отсутствие признания помогает объяснить политику территориальных завоеваний, порабощения и геноцида в отношении коренных народов Африки и Америки со стороны западных государств»[433]. Следовательно, в силу ограниченности эмпирического материала в первоисточниках, речь должна, в большей степени, идти о поиске и интерпретации конструктивистских концепций, релевантных и эвристически ценных для санкционных исследований, что, с одной стороны, подразумевает возможность появления аналитических шероховатостей, однако, с другой – представляется наиболее рациональным способом работы с подобными текстами.

Представленные обстоятельства, однако, не свидетельствуют о том, что конструктивизм неинтересен или бесполезен для исследователей, занимающихся санкционной проблематикой; он требует отдельного внимания и особого подхода, не противоречащего вместе с тем ключевым принципам науки о международных отношениях. Именно в этом пункте, по сути, и кроется главная трудность; критика «конструктивистского» инструментария извлечения знания о санкционной действительности вписывается в более высокий контекст разногласий теоретиков международных отношений по поводу критериев истинности суждений и, как следствие, полученных на основе этих суждений выводов.

---

[433] Wendt A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics. // International organization. – 1992. – Vol. 46, No 2. p. 415.

Эта тема подробно изложена и разобрана в ряде отечественных и зарубежных работ[434], в связи с чем имеет смысл обозначить лишь общую канву противоречий: с позиций конструктивизма, «критерий истинности увязывается не с традиционным со времен Аристотеля критерием соответствия суждения действительному порядку вещей, а с полезностью суждения для субъекта политики»[435]. Проще говоря, аргументы против конструктивизма как метода (по всей видимости, аналогичное верно и в отношении вопросов изучения санкций), допуская известную степень условности, можно сравнить с аргументами против эффекта плацебо. Отвергаемый официальной медициной и даже законодательно запрещенный в ряде стран метод плацебо довольно точно описывается фразой «этого нет, но это может сработать». Правомерно считать, что в данном случае, рассуждая о теоретико-методологических основаниях изучения санкций, имеет смысл принять конструктивистский постулат о полезности суждений и выводов, прежде всего потому, что системное осмысление, изучение и тестирование ряда потенциально значимых конструктивистских наработок применительно к науке о международных отношениях попросту не проводилось. Более радикально по форме, но аналогично по содержанию эту мысль о «методологической дискриминации» выразил Пол Файерабенд: «Когда ученый претендует на монопольное обладание единственно приемлемыми методами знания, это свидетельствует не только о его самомнении, но и о его невежестве»[436]. Если все же отвлечься от эпатажности и несколько чрезмерной категоричности Файерабенда, то можно констатировать, что в сегодняшней теории международных отношений наблюдается очевидный запрос на приток в дисциплину свежих идей и ходов мысли, вызванный не в последнюю очередь кризисом сложившейся системы методов исследований. В поисках решения этой

---

[434] См. например: Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосный мир // Сравнительная политика. – 2014. – Т. 14. № 1. – С. 4-21; Checlel J. Constructivism and Foreign Policy in Foreign Policy: Theories, Actors, Cases. – Oxford: Oxford University Press, 2008.

[435] Конышев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В. Социальный конструктивизм о проблемах безопасности // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – № 3. – С. 97.

[436] Фейерабенд П. Против метода. – М.: АСТ, 2007. С. 26.

задачи ученые-международники все чаще обращаются к кросс-дисциплинарным работам, и здесь конструктивизм может проявить себя с лучшей стороны, поскольку именно эта школа мысли известна своей методологической конвергенцией, в частности недавней попыткой выстроить так называемый «квантовый подход» к международным отношениям[437]. В данном случае, как представляется, из всего многообразия конструктивистских построений для международников, занимающихся санкционной проблематикой, интерес и ценность представляют нижеследующие.

Во-первых, для изучения процесса взаимных ограничений видится эвристически-полезным обратиться к концепции самосбывающегося пророчества, которая восходит к работам выдающегося методолога науки Р. Мертона[438]. Последний определяет самосбывающееся пророчество как «изначально неверную оценку ситуации, которая влечет за собой поведение, при водящее к тому, что изначально ложное представление становится истинным»[439]. Таким образом, мы имеем дело с конструктивистской по своей сути концепцией, включающей такие ключевые для парадигмы элементы, как (интер)субъективность, релятивизм и динамизм. В качестве полноценного предмета научно-исследовательской работы самосбывающиеся пророчества нашли свое место, прежде всего, в социологии и психологии, в то время как в анализе международных отношений сложилась иная ситуация. Даже упоминания самосбывающихся пророчеств представителями дисциплины имеют единичный характер. Например, в материалах Валдайского

---

[437] См. например: Алексеева Т.А., Минеев А.П., Фененко А.В., Лошкарёв И.Д., Ананьев Б.И. Зачем нужна «квантовая» реформа конструктивизма в теории международных отношений? // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 6 (51). – С. 7-13; Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д., Ананьев Б.И. «Квантовый подход» к международным отношениям: научное издание / отв. ред. Т.А. Алексеева. – М.: АНО Редакция журнала «Знание-сила», 2018.

[438] Выдающийся социолог и теоретик науки Роберт Мертон известен в первую очередь как создатель концепции «теорий среднего уровня» – важней шей методологической составляющей современных социально-гуманитарных дисциплин, изложенной в классической работе «Социальная теория и социальная структура». Однако помимо обозначенной ключевой идеи работа содержит описание такого потенциально полезного феномена, как самосбывающиеся пророчества. См.: Merton R. Social Theory and Social Structure. – Free Press, 1968.

[439] Ibid. p. 477.

клуба[440] можно обнаружить заметку В. Петровского[441] «Российско-китайский альянс – самоисполняющееся пророчество США», в которой автор использует эту метафору в ее оригинальном значении, говоря о потенциальном российско-китайском антисанкционном (что интересно и показательно) альянсе[442]. Системные же попытки ученых-международников применить концепцию встречаются еще реже и смещены, скорее, в плоскость теории принятия решений. Очевидным и выгодным исключением на этом фоне является работа Д. Хьютона[443] «Роль самосбывающихся и самоотрицающих (self-negating) пророчеств в международных отношениях»[444], которая будет использована как основа для последующего анализа. Но прежде, чем двигаться дальше, необходимо ответить на вопрос «почему?». Почему изначально сложную для применения и верификации концепцию имеет смысл рассматривать теоретикам, занятым изучением санкций. В самом общем виде ответ будет связан с систематическими сбоями, возникающими при исследовании санкционной проблематики с позиций классической всеобъемлющей рациональности. Уже 25 лет назад, в 1999 г., Д. Дрезнер в «Парадоксе санкций» обратил внимание на то, что наращивание экономического давления на политических оппонентов не дает гарантий желаемых результатов: вопреки логике рациональности режим под санкционным давлением может мобилизоваться и консолидироваться, а не пойти на уступки, так что «прилагаемые усилия окажутся непропорциональны полученным результатам»[445].

---

[440] Строго говоря, материалы Валдайского клуба жанрово часто приближены к аналитическим запискам либо т.н. «Policy paper», однако в данном случае это не имеет принципиального значения.

[441] В. Петровский – доктор политических наук, член Академии военных наук, сотрудник Института Китая и современной Азии РАН.

[442] Петровский В. Российско-китайский альянс – самоисполняющееся пророчество США? [Электронный ресурс] / В. Петровский, 2018. URL: URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiysko-kitayskiy-alyans/ (дата обращения: 03.06.2026).

[443] Д. Хьютон – специалист международник, эксперт в области международной безопасности, сотрудник аналитического центра при Лондонской школе экономики.

[444] Houghton D. The role of self-fulfilling and self-negating theories in international relations // International Studies Review. – 2009. – Vol. 11. pp. 552-584.

[445] Тимофеев И.Н. Тимофеев И.Н. Санкции США против Ирана: опыт применения и перспективы развития // Полис. Политические исследования. – 2018. – №4. – С. 56.

В 2018 г., взяв за основу иранский кейс, И. Тимофеев убедительно проиллюстрировал гипотезу Дрезнера: «Иран долгое время нес потери от санкций. Но при этом не садился за стол переговоров, ведя политику адаптации к санкциям»[446]. К сказанному можно добавить, что в пользу целесообразности конструктивистского инструментария говорят и смежные исследования[447], свидетельствующие о росте объема «когнитивных патологий»[448], то есть ситуаций, противоречащих логике всеобъемлющей рациональности. После ответа на вопрос почему? логично следует вопрос как? Как концепция самосбывающихся пророчеств может помочь в понимании текущего состояния санкционной повестки и, возможно, ее перспектив? Начать стоит с приведенной выше формулировки Мертона[449]. Если принять ее за рабочую, существует риск столкнуться с определенным объемом критики: за исключением случаев грубых и по тому очевидных управленческих ошибок как определить (и возможно ли это в принципе), что лица, ответственные за выработку и принятие внешнеполитических решений в той или иной стране, оценивают ту или иную ситуацию на международной арене изначально неверно (то есть как адаптировать мертоновское понимание «неверной оценки» к внешней политике)? Для того чтобы выйти из этого полемического тупика, имеет смысл сделать шаг назад и обратить внимание на то, что в своих рассуждениях Мертон опирается на так называемую теорему Томаса, сформулированную следующим образом: «Если человек определяет ситуацию как реальную, то она становится реальной по своим последствиям»[450]. В подобном виде теорема резонирует с утверждением профессора кафедры

---

[446] Тимофеев И.Н. Тимофеев И.Н. Санкции США против Ирана: опыт применения и перспективы развития // Полис. Политические исследования. – 2018. – №4. – С. 69.

[447] Например, работы Д. Канемана.

[448] В классической работе «Восприятие и ошибки восприятия в мировой политике» Р. Джервис неоднократно подчеркивает тот факт того, что самосбывающиеся пророчества представляют собой когнитивные патологии. См.: Jervis R. Perception and Misperception in International Politics: New Edition. Revised ed. – Princeton University Press, 1976. pp. 76-78.

[449] Merton R. Social Theory and Social Structure. – Free Press, 1968. p. 477.

[450] Thomas W.I., Thomas D.S. The child in America: Behavior problems and programs. – New York: Knopf, 1928. p. 571-572.

политологии Университета Бристоля Р. Литла. На международной арене нередко случаются ситуации, в которых возникают самосбывающиеся пророчества: это происходи.т в тех случаях, когда внешнеполитический истеблишмент исходит из предпосылки о враждебности окружающего мира и – как следствие – выбирает такую стратегию поведения, которая лишь укрепляет данную предпосылку[451]. Неудивительно, что А. Вендт и Дж. Васкез[452] отмечают, что самосбывающиеся пророчества в качестве идейной составляющей включены в построения международников-реалистов[453]. Одна из ключевых концепций реализма – дилемма безопасности – сформулирована вполне в конструктивистском духе: непредсказуемость поведения игроков на международной арене приводит к тому, что последние стремятся нарастить собственную мощь с целью обезопасить себя от потенциальной агрессии извне. Подобная политика ведет к росту недоверия других участников международных отношений и заставляет их готовиться к худшему. Как следствие, образуется порочный круг из обеспечения безопасности и накопления силы[454]. Эту особенность, в частности, выделяет Р. Швеллер[455], говоря о том, что дилемма безопасности – это несуществующий конструкт, относящийся к сфере идеологии[456]. С учетом того, что проблематика безопасности в ее классическом виде на сегодняшний день находится в числе приоритетных, – данный тезис звучит особенно актуально. Таким образом, на международной арене присутствует ряд явлений и ситуаций, которые эксперты склонны рассматривать

---

[451] Booth K., Smith S. (Eds.). International Relations Theory Today. – Oxford: Polity, 1995.

[452] Дж. Васкез – известный американский политолог-международник, профессор Университета Иллинойса.

[453] См.: Vasquez J. The Power of Power Politics: From Classical Realism to Neotraditionalism. – Cambridge Studies in International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.; Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge Studies in International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

[454] Herz H. Idealist Internationalism and the Security Dilemma // World Politics. – 1950. – Vol. 2, No. 2. pp. 157.

[455] Р. Швеллер – американский политолог-международник, специалист в области международной безопасности, профессор Университета Огайо.

[456] Schweller R. Neorealism’s status-quo bias: What security dilemma? // Security Studies. – 1996. – Vol. 5. p. 117.

через призму самосбывающихся сценариев. Помимо упомянутой выше дилеммы безопасности Д. Хьютон в качестве подобного рода построений приводит теорию демократического мира, а также «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона.

Таким образом, как представляется, самосбывающееся пророчество на международной арене может иметь место в тех случаях, когда:

1) лица, ответственные за выработку и принятие внешнеполитических решений, действуют в условиях неопределенности;

2) существующие механизмы и нормы межгосударственного взаимодействия находятся в состоянии трансформации и/или пересмотра;

3) при реализации внешнеполитического курса существует очевидная и осознаваемая дифференциация между лучшим, оптимальным и худшим сценариями развития ситуации;

4) худший сценарий является результатом осознанного выбора/политической воли лиц, принимающих внешнеполитические решения[457].

Разберем каждый из этих пунктов подробнее. Что касается первого условия, проведение внешней политики в контексте неопределенности не является откровением – было бы достаточно наивно при писывать это состояние исключительно текущему моменту. Речь в данном случае идет о том, что ее характер претерпевает изменения. Так, в рамках профильной одноименной конференции «Международная неопределенность – 2018» про звучал точный и – как показало время – подтвердившийся диагноз: «неопределенность, неуправляемость и непредсказуемость стали определяющими свойствами современного мирового развития. Международная политика становится все более иррациональной»[458]. Кроме того, уже сам факт появления подобных мероприятий, их представительный характер и повышенный интерес со стороны

---

[457] Ананьев Б.И. Ловушка третьего пути? Конструктивистский взгляд на санкции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25. – №4. – С. 862-878.

[458] Конференция «Международная неопределенность – 2018». URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/ konferentsiya-mezhdunarodnaya-neopredelennost-2018/ (дата обращения: 03.06.2026).

международников говорят о том, что вопрос действительно находится в фокусе внимания экспертного и академического сообществ. Возвращаясь к тезису о меняющемся характере неопределенности, ключевой ее составляющей является иррационализация мировой политики. Если биполярная неопределенность – это преимущественно неопределенность рациональная[459], проистекающая из осознания «отсутствия возможности войны и последующей капитализации ее исхода»[460], то неопределенность образца сегодняшнего дня, скорее, только формирует такие контуры. Очевидно, что рас ширение санкционных режимов и взаимных ограничительных мер, которые, на первый взгляд, изначально противоречат интересам сторон, взятых по отдельности (и в этом смысле иррациональных в краткосрочной перспективе), – это часть поиска новых очертаний миропорядка. А там, где есть место системной иррациональности, – есть место и феноменам, которые она порождает. Как следствие, сценарий санкций как самосбывающегося пророчества выглядит вполне органично. Второе условие – длительный устойчивый характер текущих норм взаимодействия государств, – подвергается повсеместному пересмотру. При этом даже умеренно-оптимистичные сценарии развития международной обстановки – например, идея о «новой нормальности» [Сушенцов 2017] – предполагают неизбежность турбулентности в бóльших или меньших масштабах. «Теперь все по-другому», – рассуждает Д. Дрезнер: «Созданный американцами фундамент, на котором зиждется либеральный международный порядок, находится в серьезной опасности. Представьте нынешнюю ситуацию как игру “Дженга” – когда множество элементов убрали, а башня все еще стоит. На самом деле в ней не хватает многих важных составляющих, а если приглядеться, видно, как она слегка

[459] Монаган Э. Новая «Холодная война»? Злоупотребление историей и отказ понять Россию. [Электронный ресурс] / Э. Монаган, 2015. URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/novaya-holodnaya-voyna-zloupotreblenieistoriey-i-otkaz-ponyat-rossiyu/ (дата обращения: 03.06.2026).

[460] Косолапов Н.А. Пороговый уровень и вероятность конфликта США // Международные процессы. – 2008. – Т. 6., № 18. – С. 20.

раскачивается»[461]. Наглядным свидетельством возникновения пустот в конструкции метафорической башни международных взаимодействий является видимая невооруженным взглядом эрозия режимов. Однако сказать, что санкции разрушают режимы, – все равно что обвинить столовые приборы в наборе лишнего веса: уместно по форме, но не соответствует содержанию проблемы. За более чем 10 лет, прошедших с момента санкционного цунами 2014 г. против России, санкции изменили свою смысловую и инструментальную нагрузку, трансформировавшись из реакции на неприемлемое с точки зрения США внешнеполитическое поведение в повод и предлог, возникающий при очередном витке международной напряженности, апофеоз которой мы наблюдаем сегодня. Когда изначально неавтономные явления «начинают создавать для себя постоянную орбиту»[462], запускается процесс их обрастания собственной онтологией, которая является основой любого теоретико-ориентированного мышления. И этому мышлению могут быть не чужды соответствующие когнитивные искажения. Таким образом – как показала проверка реальностью – самовоспроизводящееся санкционное противостояние, как и дилемма безопасности, нашло свое постоянное место в международной повестке; ограничительные и дискриминационные меры приобрели характер общеупотребительной сигнальной системы в международном общении. Третье условие нельзя назвать уникальным: выраженная дифференциация сценариев развития международной обстановки соответствует ее кризисному состоянию и, следовательно, имеет циклический характер. При этом – что принципиально – лучший, оптимальный и худший варианты могут не соответствовать логике формализованно-количественных по казателей. Изучение кризисного принятия внешнеполитических решений показывает, что даже с учетом стабилизирующего влияния организационной культуры, фактор когнитивных особенностей, присущих

---

[461] Дрезнер Д. Теперь все по-другому. Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс] / Д. Дрезнер, 2019. URL:
https:// globalaffairs.ru/number/Teper-vse-po-drugomu-20087 (дата обращения: 03.06.2026).

[462] Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, Издательство «КДУ», 2014. С. 45.

лицам, принимающим решения, невозможно полностью исключить[463]. Это означает, что для понимания специфики подобных решений важно учитывать то, как сценарии развития ситуации интерпретируются и ранжируются лицами, ответственными за принятие внешнеполитических решений. Иными словами, даже рационально обоснованная стратегия поведения может быть на личностном уровне интерпретирована как неоптимальная для реализации (верно и обратное). Развивая данную линию, стоит вернуться к дилемме безопасности, которая воспроизводит себя благодаря тому, что участники гонки вооружений в первую очередь «принимают в расчет худший сценарий и априори действуют в агрессивно-конкурентной манере»[464] по принципу «Хочешь мира – готовься к войне». Практика показала, что параллели между эти ми образцами внешнеполитического поведения (санкционное и вооруженное противостояние) очевидны. Наконец, четвертое условие непосредственно связано с идеями и нарративами, циркулирующими в риторике российской стороны и коллективно го Запада. Несмотря на периодические заявления европейских политиков о вреде и убытках от санкций, как и в случае с дилеммой безопасности, речь идет об осознанном выборе курса «санкции – это всерьез и надолго». Классическим инструментом верификации данного тезиса является дискурсивный анализ, и именно такая работа, как было ранее показано в данной диссертации (см. пункт 1.5), была проделана Д. Дарси и А. Сталбергом[465]. Для описания общего фона по ведения участников санкционного противостояния авторы нашли весьма меткое и красноречивое словосочетание «взаимное “подстегивание”», что вполне резонирует с представленной выше мыслью об осознанности в выборе нежелательного варианта развития событий. Приводимые Д. Дарси и А. Сталбергом данные свидетельствуют в пользу того факта, что стороны хоть и

[463] Holsti O. Cognitive dynamics and images of the enemy // Journal of International Affairs. – 1967. – Vol. 21. – No. 1. Image and Reality in World Politics. pp. 16-39.

[464] Jervis R. Dilemmas About Security Dilemmas // Security Studies. – 2011. – Vol 20(3). p. 417.

[465] Дарси Д., Сталберг А. Глухота сторон в клубке санкционных противоречий между США, ЕС и Россией: противоборствующие стратегические дискурсы и взаимное «подстегивание» // Вестник международных организаций. – 2019. – Т.14. № 3. – С. 90.

говорят на разных санкционных языках, но при этом продолжают выносить в публичное пространство именно агрессивно-«санкционные» конфигурации будущего. Авторы оговариваются, что проведенный анализ не позволяет деконструировать мотивации, составляющие основу национальных (прежде всего академических) дискурсов, однако полученные выводы вполне позволяют проводить параллель с самовоспроизводящейся спиралью гонки вооружений. Кроме того, логика приведенных рассуждений наводит на мысль о возможности привлечь к набору объяснительных конструктов критикуемую и непростую с точки зрения верификации, но явно не бесполезную концепцию окна Овертона. Говоря метафорически, «закрытое» окно Овертона в рамках санкционного дискурса дополняет четыре представленных выше условия реализации самосбывающегося сценария.

Во-вторых, оригинальную и заслуживающую внимания работу с использованием теоретико-методологической основы конструктивизма в 2024 г. предпринял российский исследовательский коллектив под руководством М. Энтина (см. пункт 1.5)[466]. В данном случае, за основу была взята концепция нормативного предпринимательства, выросшая из работы М. Финнемор и К. Сиккинк, которые описывают этот пласт социально-политической реальности следующим образом: «Нормы не возникают из ниоткуда; они выстраиваются агентами, у которых есть прочно закрепленные представления о приемлемом и желаемом поведении в их обществе»[467]. Следовательно, за счет определенной последовательности действий подобные нормы можно внедрять, формировать и исключать из социальной архитектуры, а конечной целью нормативного предпринимательства является легитимация того или иного способа внешнеполитического поведения в глазах критически значимой части международного сообщества. В свою очередь, агентами нормативного предпринимательства могут выступать индивиды,

[466] См.: Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Давранова С.Б., Наджаров А.М. Теоретико-методологические аспекты изучения санкционной политики Запада // Полис. Политические исследования. – 2024. - №1. – С. 7-20.

[467] Finnemore M., Sikkink K. International norm dynamics and political change // International Organization. – 1998. – Vol. 52(4). pp. 887-917.

институты, эпистемные сообщества, государства либо группы стран, что нашло отражение в ряде материалов конструктивистов-международников[468]. Как отмечает группа М. Энтина, несмотря на отсутствие широкого распространения в санкционных исследованиях, концепция нормативного предпринимательства может быть полезна для углубленного изучения целеполагания, лежащего в основе санкционной политики различных стран. Например, в случае США призывы к введению санкций зачастую артикулируются и внедряются в публичную повестку бизнес-ассоциациями, которые сталкиваются с конкуренцией со стороны российского бизнеса[469]. В свою очередь, европейская практика введения антироссийских санкций отчасти мотивирована стремлением реализовать личные политические амбиции со стороны представителей истеблишмента[470]. Как итог, представленная методология направлена на исследование формирования и развития санкционного механизма, лежащего в основе политики ограничительных мер стран G7 в отношении РФ: эта модель подразумевает выявление набора вариаций, приводящих к появлению т.н. «точки перелива» – момента, когда те или иные анонсированные в различных, зачастую не имеющих отношения к принятию реальных политических решений средах санкционные инициативы получают

---

[468] См. например: Rushton S. The UN secretary-general and norm entrepreneurship: Boutros Boutros-Ghali and democracy promotion // Global Governance. – 2008. – Vol. 14(1). pp. 95-110; Stoeckl K. The Russian Orthodox Church as moral norm entrepreneur // Religion, State and Society. – 2016. – Vol. 44(2). pp. 132-151; Zwolski K., Kaunert C. The EU and climate security: a case of successful norm entrepreneurship // European Security. – 2015. – Vol. 20(1). pp. 21-43; Ingebritsen C. Norm Entrepreneurs. Scandinavia's role in world politics // Cooperation and Conflict. – 2002. – Vol. 37(1). pp. 11-23.

[469] Например, открытое письмо американского ювелирного бизнеса против российского золота. См.: Instore joins other jewelry industry organizations in calling for boycott of Russian gold. Instore. [Электронный ресурс] / 09.03.2022. URL: https://instoremag.com/instore-joins-other-jewelry-industry-organizations-in-calling-for-boycott-of-russian gold/?highlight=Russia (дата обращения: 03.06.2026).

[470] Например, политика депутатов зеленых партий в Европе, ранее не сумевших добиться запрета пушного промысла под предлогом пандемии. С начала СВО данные политики призывают к запрету промысла в качестве меры давления на Россию. См. например: Threat to public health posed by fur farms. European Parliament [Электронный ресурс] / 27.03.2023. URL: https://www.europarl.europa. eu/doceo/document/E-9-2023-000624_EN.html (дата обращения: 03.06.2026).

правовое оформление и становятся элементами кампании по ослаблению России. Кроме того, авторы полагают, что разработанная модель в силу ее институциональной сформированности может быть экстраполирована не только на Россию, но также на Китай и на другие страны-мишени санкций со стороны США и ЕС.

Возвращаясь к сигнальной функции санкций в системе международного общения, эта проблематика находит отражение в конструктивистских текстах, связанных с неформализованными аспектами межгосударственных взаимодействий, в частности, лингвистическими маркерами проявления власти и господства. Например, в материале «Распутываем нити техник маргинализации: навешивание ярлыков, осуждение, пристыжение и стигматизация в мировой политике» Э. Руссо[471] описывает неклассические способы «социальной регуляции» международных отношений, подчеркивая, что создание «наций-изгоев» – это стандартная практика, влияющая на то, как различные государственные и негосударственные акторы ориентируются в пространстве, «балансируя между статусом, ответственностью и подотчетностью»[472]. Такая связка когнитивного и формально-правового подходов, когда репрессивные экономические меры легитимизируются за счет создания вокруг мишени атмосферы несоответствия общепринятым нормам поведения, резонирует с одним из центральных тезисов диссертации: будучи средством воплощения идеологии либерального интервенционизма, основанного на избирательном подходе к принципам организации миропорядка, санкции могут выступать средством наказания за инаковость по отношению к ожиданиям наиболее влиятельных стран-инициаторов. При этом, важно подчеркнуть, что дискурсивная стратегия субъектаинициатора может быть неконсолидированной. Например, в случае США, Демократическая и Республиканская партии в Конгрессе выступают в качестве самостоятельных

[471] Э. Руссо – специалист-международник, сотрудник Бельгийского национального фонда научных исследований.

[472] Rousseau E. Disentangling the «Pathways of Exclusion»: Naming, Blaming, Shaming and Stigmatization in World Politics // Global Studies Quarterly. – 2026. pp. 1-13.

объектов законодательной инициативы; соответственно, в случае антикитайских санкций первые чаще прибегают к тактике ярлыков и стигматизации (в их фокусе находятся вопросы климата, экологии и прав меньшинств), а вторые – осуждения (основной акцент на сдерживание КНР в рамках двустороннего технологического соперничества)[473]. Если же, развивая эту тему, рассмотреть отдельные эпизоды санкционной политики США против КНР в логике предложенной Э. Руссо трехкомпонентной модели, вывод будет выглядеть следующим образом: актор/субъект в виде Минфина США (1) усилиями двухпартийного большинства в Конгрессе, трансформировавшего набор осуждающих нарративов относительно прав человека в Гонконге в закон (2), ввел блокирующие санкции в отношении ряда китайских официальных лиц и компаний, которым приписывалось участие в подрыве автономии (3)[474]. В качестве одного из ключевых нарративов осуждения выступала риторика ответственности за действия, противоречащие представлениям Вашингтона о принципах политики в федеративном государстве[475]. Кроме того, акцент на коммуникативную составляющую практики международных экономических ограничений может быть полезен при разборе многосторонних санкций, когда одним из необходимых условий достижения результата является общая стратегия публичного позиционирования реализуемых мер. Иными словами, низкая активность ООН в области возложенных на нее полномочий введения санкций в том числе объясняется поляризацией идеологических позиций ключевых участников, вследствие чего

[473] Подробнее об этом см.: Тимофеев И.Н. Политика санкций в законопроектах Конгресса США // Международные процессы. – 2023. – №21(2). – С. 6-21.

[474] U.S. Treasury Press Release of August 7, 2020. [Электронный ресурс]. August 7, 2020. URL: https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm1088 (дата обращения: 01.06.2026).

[475] Гонконг в объятьях санкций. 01.06.2020 [Электронный ресурс] // URL: https://www.kommersant.ru/doc/4364756?ysclid=mspwns9ico480716210 (дата обращения: 01.06.2026).

стигматизирующие по своему содержанию резолюции обязывающего характера – это достаточно редкое явление[476].

В то же время, рассуждая о связи норм и санкций, конструктивисты указывают на более сложную и нелинейную зависимость между дискурсом и правоприменением. Как показано в ряде работ конструктивистской направленности, важное значение имеет не просто формирование маргинализирующего дискурса, но и то, с какими нормами (глобального онтологического либо локального инструментального характера) он связан. В частности, разбирая кейс политического прошлого ЮАР в работе «Нормы в международных отношениях. Борьба против апартеида»[477], О. Клотц[478] отмечает, что традиционный взгляд на логику поведения государств в области санкционной политики в данном случае ограниченно релевантен: «классические теории в общем исходят из того, что глобальные проблемы и политические аспекты многосторонних отношений отражают стоящее за ними распределение экономического потенциала либо военной мощи. <…> Соответственно, чтобы объяснить причину включения апартеида в перечень проблем, требующих разрешения путем введения санкций, сторонникам данного подхода потребовалось бы привести свидетельства структурных изменений в глобальном хозяйственном либо силовом балансе. Однако исторические данные не подтверждают эту гипотезу: интересы великих держав не претерпели существенных изменений <…>, а США ввели санкции на пике напряжения отношений с СССР. Таким образом, с точки зрения макросистемы, апартеид – это сугубо внутренняя проблема в виде институционализированной расовой дискриминации, которая не должна была приобрести международный масштаб. Более того, с позиций структурной

[476] Biersteker T. UN Targeted Sanctions as Signals: Naming and Shaming or Naming and Stigmatizing? in H.R. Friman (ed.) The Politics of Lever- age in International Relations: Name, Shame, and Sanction. – New York: Palgrave Macmillan, 2015.

[477] Klotz A. Norms in international relations: The struggle against apartheid. – Ithaca: Cornell University Press, 1995.

[478] О. Клотц – американский специалист-международник, эксперт в области политики ЮАР, президент Ассоциации международных исследований.

экономики, можно было ожидать, что внешняя борьба с апартеидом начнется тогда, когда он начал бы тормозить накопление капитала, поскольку, по мнению сторонников данной позиции, режим расовой дискриминации был установлен для обеспечения потребностей капитализма. Тем не менее, исторические данные противоречат и этому утверждению на системном и региональном уровнях. <…> Таким образом, нет реальных оснований ожидать, что страны либо корпорации с экономическими интересами в ЮАР поддержали бы затратные шаги, направленные на изменения в местном законодательстве»[479]. Рассуждая о возможных причинах представленной коллизии, автор задает два постановочных вопроса: почему расовая дискриминация вышла за пределы сугубо внутренней проблемы ЮАР в рамках национального суверенитета и юрисдикции, а также почему страны-союзники и негосударственные акторы пришли к консенсусу относительно необходимости публично осудить режим и присоединиться к санкциям, несмотря на наработанные связи с местной властью? По мнению О. Клотц, ответ может заключаться в самой природе международных взаимодействий: в рассматриваемом случае речь идет о таком фундаментальном понятии, как идентичность, следовательно, стигматизация и санкции против режима представляют собой не просто акты наказания, но совмещают в себе конститутивную (исключение расисткой политики из вариантов нормального поведения власти) и регулятивную (расизм должен пресекаться международным сообществом в рамках действующих легитимных механизмов) функции.

Подобная логика может быть экстраполирована и на другие эпизоды санкционной истории. Так, до момента перенесения вопроса в ООН многолетними усилиями дипломатии США ограничения против Ирана оставались, прежде всего, односторонней американской инициативой, которая не находила поддержки у международного сообщества (например, ЕС, оставаясь вторым по объему торговым партнером Тегерана, фактически негласно бойкотировал инициативы

[479] Klotz A. Norms in international relations: The struggle against apartheid. – Ithaca: Cornell University Press, 1995. pp. 7-8.

Вашингтона)[480]. Однако в ситуации, когда обвинения в разработке оружия массового уничтожения приобрели характер глобального императива, даже экономически заинтересованные контрагенты больше не могли игнорировать данный факт, осудив действия иранской стороны и поддержав режим ограничений. В свою очередь, реализация аналогичной стратегии в отношении позднего СССР по, на первый взгляд, чувствительному для большинства государств вопросу прав человека столкнулась с системными препятствиями. Во-первых, биполярная архитектура мироустройства подразумевала идеологическую конфронтацию по линии принципов общественных отношений; следовательно, вывести вопрос на уровень конституирующей либо регулятивной нормы, как это было в кейсе ЮАР, оказалось невозможным[481]. Во-вторых, формирование стигматизирующего дискурса требует от инициаторов если не монопольного, то, по крайней мере, преимущественного положения в области информационной политики, что не соответствовало международной конъюнктуре 1970-1980-х гг. Как итог, устойчивая дееспособная санкционная инициатива, аналогичная антииранской образца 2006 г., не воплотилась в жизнь, а советский истеблишмент, убедившись, что европейские союзники не выйдут за рамки осуждающей риторики, продолжил действовать во внутренней политике в соответствии с собственными представлениями о принципах взаимодействия власти и общества[482].

---

[480] Подробнее об этом см.: Тимофеев И.Н. Санкции США против Ирана: опыт применения и перспективы развития // Полис. Политические исследования. – 2018. – №4. – С. 56-71.

[481] Рассматриваемый эпизод политической истории приходится на период параллельного развития нескольких международных трендов. С одной стороны, блоковое противостояние Холодной войны не исчезло с повестки дня, фактически развиваясь в логике дилеммы безопасности; с другой – формирование новой архитектуры европейской безопасности на базе Хельсинского процесса спровоцировало институционализацию советского правозащитного движения, что, по мнению некоторых международников, внесло свой вклад в закат коммунистической идеологии См. например: Thomas D.C. The Helsinki effect: international norms, human rights, and the demise of communism. – Princeton University Press, 2001.

[482] Изначально Дж. Картер потребовал от европейских союзников отказать СССР в выдаче экспортных лицензий на технологии нефтедобычи, однако, в силу невозможности введения подобных санкций, ограничился точечными ограничениями, например, запретом на продажу компьютерной техники информационному агентству ТАСС. См.: Thomas D.C. The Helsinki effect: international norms, human rights, and the demise of communism. – Princeton University Press, 2001.

Подводя итог, парадигма международно-политического конструктивизма, набравшая популярность в академической среде в поздний период холодной войны и после ее окончания, противопоставила реализму и либерализму, ориентированным на материальную составляющую международных отношений (будь то численность и качество вооруженных сил либо показатели вовлеченности в мировое хозяйство), ориентацию на идеи и ценности, лежащие в основе поведения и ценностей международных индивидуальных и коллективных акторов. Более того, даже такие традиционно реалистские категории международной жизни, как анархия, национальная безопасность или государственный интерес трактуются конструктивистами как нематериальные идейные конструкты, содержание которых пластично и варьируется в зависимости от страны и исторического периода. В свою очередь, конфликты – это производные не только и не столько материально-ресурсных противоречий, сколько столкновений смыслов, идей, идентичностей и идеологий. Речь может идти как о нормах, разделяемых отдельными сообществами государств (например, “западным сообществом”), так и нормативных представлениях отдельных государств, их лидеров или элит.

Сильной стороной конструктивизма в санкционных исследованиях является возможность рассмотреть комплекс факторов, не попадающих в аналитическую оптику альтернативных подходов. Так, по замечанию И. Тимофеева, «в поведении крупных корпораций явно наметились нормы избыточного подчинения требованиям санкционному законодательству США. Будучи изначально мотивированными угрозами высоких штрафов, вторичных санкций или отлучения от рынка, такие нормы со временем стали превращаться в привычную рутину, а нормы комплаенса – в нарратив функционирования компаний. Кроме того, политика санкций часто сопровождается стигматизацией стран-мишеней, информационной атакой на них в глобальных СМИ»[483]. В результате, ограничения эволюционируют из статуса формальных правовых норм в плоскость неформальных этических установок, организованных по принципу «культуры

[483] Тимофеев И.Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Полис. Политические исследования. – 2023. – №2. – С. 114.

отмены». Как пример подобного отношения – массовый уход с российского рынка в 2022 г. даже тех западных компаний, которые не подвергались влиянию формальных санкций.

Во-вторых, значительные возможности для научного поиска открываются при изучении системы принятия решений в области санкционной политики через призму системы норм и ценностей в государствах-участниках санкционного противостояния. В частности, конструктивистские концепции могут быть эвристически-полезными для того, чтобы рассмотреть парадокс стран-мишеней: некоторые государства в течение многих лет сталкиваются с серьезнейшим давлением и убытками, однако не уступают и противостоят натиску, в то время как другие принимают требования инициаторов при минимальных ограничениях или даже при потенциальной угрозе их применения.

В-третьих, конструктивистский взгляд на международные взаимодействия позволяет разбирать эпизоды санкционной политики, в которых экономическое целеполагание не является определяющим фактором. Рассмотренные выше кейсы ЮАР, Ирана и СССР демонстрируют значимость норм и дискурсивных стратегий (то есть, интеллектуальных «визитных карточек» данной парадигмы) в формировании контуров экономического сдерживания. Что касается норм, фактически, санкции представляют собой форму одностороннего/коллективного наказания за поведение государства либо его представителей в виде элитных групп или бизнес-структур, не соответствующее представлениям о допустимом. Однако этого минималистичного определения недостаточно для того, чтобы объяснить, почему в одних случаях экономические связи с подсанкционным режимом оказываются важнее нарушаемых им правил (Иран до 2006 г.), в то время как в других (ЮАР) логика прибыли отступает на второй план. Осмысляя обозначенное обстоятельство, конструктивисты оперируют понятиями конституирующих и регулирующих норм, то есть, онтологически значимых принципов политического поведения. Соответственно, такие нарушения – это чувствительные эпизоды, идущие вразрез с установленным порядком вещей и создающие потенциально опасные прецеденты, которые требуют пресечения даже ценой издержек для

вовлеченных участников. В противном случае речь идет об исключительно внутреннем вопросе, не предусматривающем вмешательство, так что внешние субъекты могут действовать в собственных интересах. Дискурсивные элементы санкционной практики связаны со спецификой легитимации предполагаемых мер, поскольку значение имеет не только непосредственно их содержание, но и способ адвокатирования. В этом смысле, задача инициатора заключается в формировании вокруг мишени негативного образа, что, в частности, достигается путем маргинализирующей риторики: осуждения, навешивания ярлыков, стигматизации и др.

В свою очередь, основная слабость конструктивизма заключается в сложности операционализации ряда значимых для парадигмы переменных (при этом, далеко не все из них в принципе подлежат операционализации в условиях текущего уровня развития науки о международных отношениях). Проведение комплексного исследования в соответствующей исследовательской рамки требует значительного объема разнородных социальных факторов (разнородных и одновременно уникальных для конкретного странового кейса), которые сильно перегружают как сам процесс, так и процедуру обобщения полученных результатов. В итоге, полученный продукт рискует быть в большей степени синтетическим, что ставит под сомнение его качество.

2.4. Программа теоретико-ориентированного исследования в области санкционной проблематики

В предыдущих пунктах диссертации был проведен анализ теоретико-методологических оснований изучения санкционной проблематики в политической науке; соответственно, в данном пункте будет представлен авторский взгляд на возможный дизайн теоретико-ориентированного исследования определенного эпизода применения экономических ограничений. Фактически, если воспользоваться аналогией из методологии науки, речь пойдет об адаптированном аналоге научно-исследовательской программы И. Лакатоса[484]. Последний, будучи сторонником «гибкой теории научной рациональности»[485], представил собственный взгляд на закономерности развития академического поиска в виде модели, состоящей из комплексно-организованных единиц в виде научно-исследовательских программ[486]. Если упрощенно описывать их структуру с учетом специфики темы диссертации, необходимо выделить 3 базовых составляющих элемента:

— Ядро, которое формируется за счет стержневых гипотез и тезисов, определяющих сущность всей программы. Такие положения скрепляют весь привлеченный к научному поиску материал в единое смысловое пространство и одновременно нуждаются в защите, поскольку систематически подвергаются попыткам фальсификации со стороны представителей альтернативных академических подходов. Например, в случае санкционных исследований, как было показано в соответствующих пунктах данной диссертации, в качестве таких конструкций могут выступать концепция комплексной взаимозависимости из

---

[484] И. Лакатос – выдающийся методолог науки венгерского происхождения; автор концепции научно-исследовательской программы.

[485] Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. – М.: Академический Проект; Трикста, 2008. С. 9.

[486] Идеальным образцом научно-исследовательской программы по И. Лакатосу является ньютоновская физика, которая смогла как создать комплексную систему теорий разного уровня, так и адаптироваться к внешней критике. См.: Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. – М.: Академический Проект; Трикста, 2008. С. 361.

неолиберальной парадигмы или идея об анархичности международной среды, если речь идет о школе неореализма;

— Защитный пояс, основная функция которого заключается в предотвращении ущерба ядру программы. Как отмечает И. Лакатос, «Защитный пояс должен выдержать главный удар со стороны проверок, защищая таким образом окостеневшее ядро, он должен приспосабливаться, переделываться или даже полностью заменяться, если того требуют интересы обороны. Если все это дает прогрессивный сдвиг проблем, исследовательская программа может считаться успешной. Она неуспешна, если это приводит к регрессивному сдвигу проблем»[487]. Таким образом, защитный пояс, насыщенный концепциями и теориями среднего уровня позволяет как выстроить систему адвокатирования ранее полученного знания, так и сделать его более гибким и подвижным за счет адаптации к критике. В частности, элементами защитного пояса для санкционных исследований в парадигме международно-политического конструктивизма можно считать разобранную в пункте 2.3 концепцию нормативного предпринимательства, которая призвана узаконить[488] системообразующую посылку о субъективном характере движущих сил, лежащих в основе санкционной политики стран-инициаторов.

— Аномалии, последовательно возникающие в растущем объеме как на стадии роста эвристических возможностей программы, так и на этапе снижения ее потенциала. Под подобного рода аномалиями понимаются аргументы и методологические решения, которые противоречат предлагаемой объяснительной логике, в том числе, на онтологическом уровне. Иными словами, любая даже самая прогрессивная и теоретико-методологически совершенная система имеет собственный жизненный цикл, обусловленный деградацией защитного пояса вплоть до состояния прямой фальсификации концепций ядра. В таком случае на

---

[487] Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. – М.: Академический Проект; Трикста, 2008. С. 361.

[488] В данном случае используется языковая калька англоязычного термина из философии науки «justification», который в русскоязычной академической практике переводится как «узаконивание».

смену устаревшей программе приходит новая – созданная с учетом полученного опыта. Можно сказать, что для санкционных исследований роль доказательных аномалий сыграли кейс-стади (будь то ранние образцы методики у Г. Таубенфельда и П. Валленстина или классические работы Г. Хуфбауэра и Р. Пейпа), продемонстрировавшие несостоятельность тезиса о том, что экономические ограничения представляют собой эффективный способ несилового воздействия на страну-мишень, а также действенный механизм предотвращения международных конфликтов.

— Положительная и отрицательная эвристика, то есть, принципы построения защитного пояса. В первом варианте – это превентивная работа по его адаптации к потенциальным аномалиям. По мнению И. Лакатоса, значительную часть опровержений какой-либо конкретной объяснительной модели можно предвидеть: «Даже самые динамичные и последовательно прогрессивные исследовательские программы могут “переварить” свои “контрпримеры” только постепенно. Аномалии никогда полностью не исчезают. Но не надо думать, будто не получившие объяснения аномалии – “головоломки”, как их назвал бы Т. Кун, – берутся наобум в произвольном порядке, без како 10 го-либо обдуманного плана. Этот план обычно составляется в кабинете теоретика, независимо от известных аномалий. Лишь немногие теоретики, работающие в рамках исследовательской программы, уделяют большое внимание “опровержениям”. Они ведут дальновидную исследовательскую политику, позволяющую предвидеть такие «опровержения». Эта политика, или программа исследований, в той или иной степени предполагается положительной эвристикой исследовательской программы. <…> Положительная эвристика выручает ученого от замешательства перед океаном аномалий. Положительной эвристикой определяется программа, в которую входит система более сложных моделей реальности; внимание ученого сосредоточено на конструировании моделей, соответствующих тем инструкциям, какие изложены в позитивной части его программы. На известные “контрпримеры”

и наличные данные он просто не обращает внимания»[489]. Следовательно, эффективная организация положительной эвристики позволяет придать научному поиску характер выстроенной стратегии, а не ad hoc реагирования на хаотично возникающие вызовы. В свою очередь, отрицательная эвристика, связанная с минимизацией негативного влияния аномалий и гипотез, выстроенных задним числом, на ядро программы: «Если в наличии “теоретического прогресса” можно убедиться немедленно, то с “эмпирическим прогрессом” дело сложнее. Работая в рамках исследовательской программы, мы можем впасть в отчаяние от слишком долгой серии “опровержений”, прежде чем какие-то остроумные и, главное, удачные вспомогательные гипотезы, позволяющие увеличить эмпирическое содержание, не превратят – задним числом – череду поражений в историю громких побед. Это делается либо переоценкой некоторых ложных “фактов”, либо введением новых вспомогательных гипотез. Нужно, чтобы каждый следующий шаг исследовательской программы направлялся к увеличению содержания, иными словами, содействовал последовательно прогрессивному теоретическому сдвигу проблем»[490].

Таким образом, в контексте темы диссертации подход И. Лакатоса представляется ценным и в упрощенно-адаптированном виде будет использован для представления авторской целевой программы теоретико-ориентированного исследования санкционной политики.

В качестве ядра такой модели предлагается использовать следующие посылки и гипотезы:

Первой основополагающей идеей является тезис о том, что применительно к санкционной проблематике наиболее подходящей теоретической рамкой выступает политический реализм, определяемый, однако, не через дихотомию реализм-либерализм, а как прагматизм, лежащий в основе любых внешнеполитических акций государства. Проведенный анализ показал, что

---

[489] Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. – М.: Академический Проект; Трикста, 2008. С. 364-365.

[490] Там же. С. 362.

идеалистическая интерпретация механизмов экономического сдерживания (санкции представляют собой инструмент коллективного прогресса международного сообщества, призванный обеспечить равные возможности для всех участников за счет нивелирования диспропорций во влиянии и проистекающих из него амбициях) противоречит особенностям хода политической истории. Разбор стратегии В. Вильсона и ряда других президентов, представленный в пункте 1.2 показал, что идеалистические нарративы в американской политике времен становления современной санкционной архитектуры выступали, скорее, как способ адвокатирования действий, нацеленных сугубо на защиту и расширение собственных национальных интересов. Аналогичное верно и в отношении санкционной политики других государств: так, например, в отличие от упомянутых США, политический истеблишмент России и Китая открыто позиционирует национальный курс экономического сдерживания как набор исключительно прагматических шагов, связанных с обеспечением политических целей государств в условиях текущей международной конъюнктуры[491]. В свою очередь, попытки представить логику поведения государств-инициаторов на данном направлении как свидетельство свойственных идеалистическому представлению о международных процессах единства в вопросе противостояния режимам-нарушителям универсальных норм и правил фактически не проходят проверку действительностью. Уже начиная со второй половины XX в. скепсис относительно реалистичности воплощения в жизнь модели подлинно либерально-идеалистического миропорядка стал задавать тренд в международных исследованиях. И несмотря на относительно короткий ренессанс этого проекта в работах авторов неолиберальной школы, увязывание санкций с коллективными интересами участников миропорядка (как и сама возможность

[491] См. например: Указ Президента РФ от 28.02.2022 N 79 (ред. от 09.06.2022, с изм. от 20.05.2024) "О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций" [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410417/?ysclid=mpyffpuoyu464113349 (дата обращения: 03.06.2026).

наличия подобных интересов применительно к проблематике несилового сдерживания) вполне обоснованно не является академическим мейнстримом и, более того, подвергается систематической критике. Так, описывая либеральный идеализм как подход к организации системы международных отношений, П. Денин отмечает: «сторонники либерализма склонны забывать, что это – именно идеология, а не естественное конечное состояние политической эволюции человека [равно как и системы межгосударственных отношений. – Ананьев]»[492]. Кроме того, П. Денин отмечает внутренне амбивалентную природу парадигмы: «либерализм строится на основе противоречий: он трубит о равных правах, одновременно поощряя колоссальное материальное неравенство; его легитимность основывается на согласии, но препятствует гражданским обязательствам в пользу приватизации; он стремится к индивидуальной автономии, но порождает самую всеобъемлющую государственную систему в истории человечества»[493]. По мнению П. Денина, речь идет не о временных трудностях и косметических изъянах, но о неотъемлемых чертах, которые приводят к парадоксальному результаты: успехи либерального идеализма порождают его последующие неудачи. Иными словами, если принять за теоретическую основу аргументацию либерального идеализма относительно природы и инструментального назначения санкций в международных отношениях, объем потенциальных доказательных аномалий по И. Лакатосу превысит возможность выстроить работоспособную систему поддерживающих концепций и гипотез: в частности, комплексная взаимозависимость будет опровергнута действиями отдельных режимов, идущими вразрез с идеей о том, что коллективное благо международного сообщества в целом равнозначно совокупности

---

[492] Цит. по: Казаринова Д. Кризис либерализма в оценках его адептов. Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс] / Д. Казаринова, 04.12.2018. URL: https://globalaffairs.ru/articles/krizis-liberalizma-v-oczenkah-ego-adeptov-2/?ysclid=mpyft42ctx567658076 (дата обращения: 03.06.2026).

[493] Там же.

индивидуальных выгод для его участников (благо всех есть одновременное благо каждого)[494].

В качестве методологической составляющей программы предлагается обратиться к т.н. «аналитическому эклектизму» Р. Сил[495] и П. Катценштейна[496], который в адаптированном под специфику темы диссертации виде может стать важным звеном в системе дальнейших рассуждений. Аналитический эклектизм, оформившийся в качестве оригинального исследовательского подхода в 2000-е – 2010-е гг., стал ответом на «привилегированное положение»[497] классических больших парадигм в теории международных отношений. Некоторые общественники склонны считать это новым витком больших дебатов, суть которого состоит в критике «-измов» – макронарративов, направленных на универсализацию знания в виде теории, описывающей международные отношения в целом; подобный формат научного поиска, по мнению сторонников аналитического эклектизма, ограничивает объяснительный потенциал дисциплины[498]: «Исследовательские традиции проводят самоидентификацию и очерчивают собственные границы, настаивая на устойчивом консенсусе по традиционно-дискуссионным фундаментальным вопросам. Это, в свою очередь, создает фактическую диспропорцию: одни концепции, методологические принципы и академические практики получают априорное преимущество над другими; одни аспекты социальной реальности становятся объектами

---

[494] Так, тарифная политика администрации Д. Трампа в отношении ЕС иллюстрирует ограниченную объяснительную силу теории комплексной взаимозависимости в условиях окружающей международно-политической действительности.

[495] Р. Сил – американский специалист-международник, профессор политических наук Университета Пенсильвании.

[496] П. Катценштейн – известный американский специалист-международник немецкого происхождения, специалист в области теории международных отношений.

[497] См. например: Истомин И. Международно-политическая теория и ее критики. Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс] /И. Истомин, 7.02.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodno-politicheskaya-teoriya-i-eye-kritiki/?ysclid=mplndv9ixy383673163 (дата обращения: 03.06.2026).

[498] Говоря об аналитическом эклектизме, следует упомянуть об отсылках П. Катценштейна к П. Фейерабенду, который ранее упоминался в диссертации в контексте конструктивистских исследований международных отношений.

пристального внимания, в то время как другие игнорируются. В действительности, борьба между парадигмами циклично воспроизводится не столько в силу застарелых разногласий по ключевым вопросам, сколько из-за укорененных эпистемологических установок относительно того, какие явления социальной действительности поддаются анализу со стороны конкурирующих дисциплин, какие вопросы имеют важное значение для ученого и какие процессы и механизмы, скорее всего, будут релевантны поставленной задаче. Большие школы мысли позволяют себе игнорировать те аспекты комплексной социальной реальности, которые не вписываются в установленные ими метатеоретические параметры. Эти элементы либо причисляются к “экзогенным” или “контекстуальным”, либо позиционируются как части “черного ящика” [метафора указывает на непрозрачность того или иного явления/процесса, то есть, на невозможность его изучения традиционными инструментами. – Ананьев]. Подобные упрощения хотя и полезны для формулирования элегантных тезисов относительно конкретных аспектов социальной реальности, сами по себе не способны обеспечить целостное понимание сложных многогранных проблем, представляющих интерес как для экспертов, так и для лиц, вовлеченных в выработку политического курса»[499]. Данная линия аргументации в полной мере отражает ситуацию, разобранную в соответствующих пунктах данной главы диссертации (См. пункты 2.1-2.3): каждая взятая по отдельности большая школа в теории международных отношений по отдельности в вопросе изучения санкционной проблематики не является самодостаточной. Соответственно, следуя логике аналитического эклектизма, для выхода из обозначенной ситуации предлагается не концентрироваться на одной конкретной школе мысли, работая в рамках ее понятийно-категориального аппарата, а исходить из необходимости решения конкретных исследовательских проблем и, таким образом, подбирать и сочетать теории, исходя из их эвристической ценности для данной проблемы. Тот факт, что теоретические подходы в различных предметных областях могут не вполне комбинироваться друг

[499] Sil R., Katzenstein P. Analytic Eclecticism in the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions // Perspectives on Politics. – 2010. – Vol 8(2). p. 413.

с другом, предлагается считать приемлемым: «Ценность аналитического эклектизма, в конечном счете, заключается в демонстрации того, как различные находки существующих исследовательских практик могут быть переосмыслены и реинтегрированы в качестве элементов более сложных объяснительных систем. Кроме того, практическая польза предложенного подхода заключается в его понимании сильных и слабых сторон существующих традиций, а также в выявлении интеллектуальных преимуществ, которые они могут дать в отношении значимых проблем. При этом, в действительности, основным фактором, удерживающим эклектизм от превращения в интеллектуальную систему, организованную по принципу “все имеет значение”, является установка, по которой ценность парадигмальных исследований заключается в выявлении набора факторов, имеющих наибольшее значение для конкретных проблемных ситуаций. Соответственно, цель эклектизма состоит в том, чтобы выяснить, как эти переменные связаны с конкретными исследовательскими вопросами, а не в том, чтобы составить постоянно расширяющийся перечень всех мыслимых вводных, влияющих на мировую политику»[500]. В представленном выше фрагменте отдельное внимание на себя обращает упоминание принципа практической полезности в науке; кроме того, авторы отдельно останавливаются на прагматизме, который противопоставляется сугубо идеалистическому мышлению в стиле «теория ради теории». Данный момент представляется важным, поскольку идея прагматизма в данном случае выступает связующим звеном между двумя обозначенными компонентами ядра предложенной исследовательской программы, что делает ее более логически и эвристически целостной.

Защитный пояс стратегии, как представляется, должен включать в себя нижеследующие установки и концепции:

Во-первых, важную роль играет ранее упоминавшееся положение М. Братерского, согласно которому санкции представляют собой лишь инструмент политики, а не ее самоцель. Эта мысль представляется значимой как в

[500] Sil R., Katzenstein P. Analytic Eclecticism in the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions // Perspectives on Politics. – 2010. – Vol 8(2). p. 414.

самостоятельном качестве, так и в связке с ядром, поскольку ее можно интерпретировать как манифестацию теорий среднего уровня в санкционных исследованиях. Возвращаясь к позиции М. Братерского, стоит еще раз обратить внимание на его рассуждения относительно оценки эффективности ограничений: «Санкции как таковые могут возыметь тот или иной эффект, однако оценивать следует эффективность не санкций, а политики, частью которой они являются. Утверждения о неэффективности экономических санкций, часто встречающиеся в литературе и политических заявлениях, сами по себе не имеют смысла, так как их авторы часто путают оценки инструментальной эффективности санкций с оценками эффективности той или иной политики»[501]. Такой подход применительно к изучению санкционной обладает существенным эвристическим потенциалом: как было показано в главе 1 данной диссертации, одной из наиболее значительных болевых точек дисциплины является отсутствие консенсуса (в том числе, на уровне методологической составляющей) относительно того, какие эпизоды применения ограничительных мер считать успешными. Принимая во внимание сопутствующие сложности с учетом переменных при проведении кейс-стади, можно констатировать, что эксперты сталкиваются с дилеммой: усложнять и без того громоздкий исследовательский дизайн за счет попытки более качественно проработать имеющиеся данные, либо выполнить работу более широкими мазками, ограничившись традиционным утверждением о том, что санкции не относятся к эффективным инструментам внешней политики и осознанно отказавшись от претензий на статус эмпирически-образцового продукта. Однако если взглянуть на проблему под другим углом и рассматривать применение санкций не как вещь в себе, а как часть комплекса мер по реализации прагматичных по своей природе государственных интересов, обозначенные противоречия можно если не исключить, то минимизировать. Соответственно, в подобной логике существуют основания пересмотреть позиционирование некоторых кейсов, которые, как правило, трактуются как формально не достигшие целей. Так, эмбарго

[501] Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики. – М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010. С. 100.

со стороны США в отношении Кубы, не повлекшее за собой смену политического курса страны (то есть, в системе координат Г. Хуфбауэра, неэффективное), тем не менее в долгосрочной перспективе значительно ослабило режим, сократив его потенциал и возможности для дальнейшего развития в антиамериканском ключе, а также одновременно не спровоцировало очередной виток советско/российско-кубинского сближения по неприемлемому для Вашингтона сценарию. В свою очередь, ожидаемые затруднения будут возникать при работе со «смешанными» эпизодами политической истории, в которых инструменты экономического сдерживания сочетались с силовыми акциями в отношении страны-мишени. Например, стратегия давления на Иран после национализации «Англо-иранской нефтяной компании» в 1951 г. включала в себя как кратковременный бойкот иранской нефти и нефтепродуктов со стороны Великобритании и США, так и операцию «Аякс»[502], направленную на принудительную смену режима. При подобных вводных вычленить вклад непосредственно санкций в конечный результат становится технически сложнее, что может отразиться на точности результатов исследования. С другой стороны, такие допущения представляются оправданными, если это приведет к реальному приращению знания по рассматриваемой проблематике. Концептуально данная линия рассуждений соответствует предметному полю, которое позиционируется как экономические инструменты внешней политики и обладает развитой источниковой базой в рамках политической науки[503]. Однако если задаться целью определить базовые консенсусные тезисы, релевантные в контексте темы диссертации, то, вероятно,

---

[502] Операция «Аякс» – комплекс мер со стороны спецслужб Великобритании и США, направленных на осуществление государственного переворота в Иране в 1953 г.

[503] См. например: Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики. – М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010.; Baldwin D. Economic Statecraft. – Princeton: Princeton University Press, 1985.; Blanchard J-M., Ripsman N. A Political Theory of Economic Statecraft // Foreign Policy Analysis. – 2008. – Vol 4. pp. 371–398; Chan S, Drury A. (ed.) Sanctions as Economic Statecraft: Theory and Practice. – Basingstoke: Palgrave, 2000.; Katzenstein P. (ed.) Between Power and Plenty: Foreign Economic Policies in Advanced Industrial States. – University of Wisconsin Press, 1978.; Shiffman G. Economic Instruments of Security Policy: Influencing Choices of Leaders. – N.Y., 2006.; Steil B., Litan R. Financial Stratecraft. – New Haven, 2006.

необходимо упомянуть следующее: существующее глобальное политико-экономическое пространство представляет собой продукт, созданный США с целью обслуживания собственных интересов. Однако в 2020-е гг. речь уже не идет об абсолютной американской гегемонии: уместнее позиционировать систему как консенсус со стороны группы ориентированных на Вашингтон индустриально развитых стран при одновременном наличии постепенно продвигаемой альтернативы в виде т.н. незападной модели, предусматривающей учет интересов растущих экономических центров. С учетом обозначенных вводных, оценивать санкции как экономический инструмент внешней политики представляется целесообразным, опираясь на ряд посылок. Во-первых, санкционные возможности любого отдельно взятого государства ограничены: это означает, что данному инструменту не следует придавать абсолютный характер, то есть, переоценивать их потенциал в решении стоящих перед государством задач. Во-вторых, если обратиться к частному случаю России, можно констатировать, что национальная школа санкционных и – шире – политэкономических исследований в постсоветский период находится на этапе становления. Если в 1990-е и 2000-е гг. на данном направлении в экспертном и деловом сообществе господствовало представление о свободном движении капитала, неприкосновенности частной собственности и невмешательстве государства в экономику, то политическая история 2010-х и 2020-х гг. показала иллюзорность подобных взглядов. Следовательно, экономический инструментарий внешней политики нуждается в практической и интеллектуальной ревизии. В-третьих, применение таких механизмов, как санкции, отличается большей или меньшей (как правило, в зависимости от конкретного государства) непрозрачностью. В частности, анализ особенностей политики КНР в области введения ограничительных мер и противодействия внешнему давлению осложняется за счет искусственно усложняемых возможностей поиска информации: как статистических показателей,

так и структуры задействованных институтов[504]. В свою очередь, в российской практике присутствует законодательное регулирование раскрытия чувствительных данных, которые могут потенциально способствовать совершенствованию вводимых санкций[505]. Таким образом, гармонизация внешнеполитического и внешнеэкономического треков – преимущественно закрытый и в полной мере не доступный для экспертизы процесс, где корпоративные интересы могут быть трудно отделимы от государственных, а политически-мотивированные решения от лоббистских инициатив. В контексте темы инструментального характера ограничительных мер обращает на себя внимание разбор М.В. Братерским двух эпизодов применения санкций Россией до 2014 г.: в отношении Молдавии в 2005 г., и в отношении Грузии в 2008 г., которые позиционируются им как акты торговой войны. Наряду с условно стандартным общим аргументом о неудачной попытке повлиять на внутреннюю политику стран-мишеней за счет экономического давления, автор отмечает следующие факторы, обусловившие критическую оценку: «Во-первых, цели российской внешней политики в отношении Молдавии и Грузии были нечетко сформулированы и никак не соотносились с политическим потенциалом инструмента торговых санкций в принципе. Если своим отказом покупать молдавское и грузинское вино Москва надеялась заставить эти страны пойти на принципиальный и абсолютно неприемлемый для них компромисс по поводу своей территориальной целостности, то такой план с самого начала был обречен на неудачу. Во-вторых, Россия не сумела, да и не пыталась, создать широкую международную коалицию в поддержку своих санкций, а в отсутствие коалиции санкции становятся «дырявыми», мировое общественное мнение выступает в защиту пострадавших. <…> Торговые санкции России должны были

---

[504] См.: Тимофеев И.Н. Санкции США против Китая и России: сравнительный анализ / И.Н. Тимофеев // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – №11(67). – С. 70-79.

[505] В частности, речь может идти об УК РФ Ст. 284.2 «Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц». См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

быть встроены в широкую международную кампанию и иметь моральное, понятное для международной общественности оправдание. Как правило, в международной практике таким оправданием становятся нарушения прав человека, внешняя агрессия, стремление приобрести оружие массового уничтожения. В-третьих, вызывает вопросы способ, которым Россия налагала торговые санкции. Предполагается, что внешняя политика крупной державы ясно декларирует свои цели и не прячется за решения своих санитарных властей. Ссылки на фитосанитарные нормы, применяемые очень избирательно, никого не обманывают и выставляют Российскую Федерацию в невыгодном свете. Российские санкции не получили должной информационной и пропагандистской поддержки. Осталось непонятным, чего именно добивалась отечественная политическая элита. В результате международное сообщество интерпретировало санкции Москвы как еще одно доказательство “российских имперских амбиций”, пример неоправданного давления на суверенные государства, а также как свидетельство несогласованности и инфантильности российской внешней политики»[506]. Если абстрагироваться от местами чрезмерно экспрессивной риторики, эвристически полезной представляется предложенная аналитическая рамка, которая увязывает как поддающиеся количественному исчислению материальные факторы (экономические показатели, динамика политического курса, число участников коалиции поддержки), так и «конструктивистские» переменные (мотивация, репутация, дискурсивная стратегия).

Второй элемент защитного пояса предлагается связать с идеологическим компонентом современной глобальной санкционной архитектуры. Ранее в пункте 1.2 было показано, что значительную роль в становлении экономического сдерживания после Первой мировой войны сыграла концепция либерального интервенционизма; более того, возможно даже усилить данную посылку, охарактеризовав ограничительные меры как продукт этой системы нарративов.

---

[506] Белый А.В., Братерский М.В., Демакова Е.И. и др. Невоенные рычаги внешней политики России. Региональные и глобальные механизмы. Под ред. М.В. Братерского. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 180-183.

Иными словами, для легитимации практики применения санкций против государств, чье поведение на международной арене не соответствует общепринятым представлениям о норме, потребовалось выработать и распространить комплекс соответствующих убеждений, а также определить сторону, ответственную за трактовку конкретных эпизодов международной политики. История показала, что в подобном качестве выступила сконструированная США и внедренная усилиями В. Вильсона позиция об общности норм и ценностей, разделяемых прогрессивной частью человечества в демократических режимах. В дальнейшем именно эта посылка активно эксплуатировалась Вашингтоном для продвижения собственного внешнеполитического курса, в том числе, в вопросах применения мер экономического сдерживания. Данный конструкт представляет собой важное звено в выстраивании объяснительной логики современных санкционных процессов, поскольку, опираясь на него, возможно представить интерпретацию их нескольких фундаментальных составляющих. Прежде всего, либеральный интервенционизм с его активно-деятельным началом (более того, можно сказать, правом на превентивные меры) органично увязывается с принципом юридической экстерриториальности, к которому США перешли в своей санкционной политике в начале XXI в. (наступательные действия, осуществляемые вразрез с общепринятой практикой и, скорее, вызывающие сдержанный негатив со стороны международного сообщества, однако, при этом объясняемые необходимостью нарушать сложившийся порядок во имя общего блага). Безусловно, рассуждая подобным образом, существует вероятность столкнуться с контраргументами, самый очевидный из которых связан с ограничительными мерами со стороны режимов, которые не используют обозначенный выше нарратив для легитимации собственного внешнеполитического курса (прежде всего, России и Китая). Вместе с тем, такое противоречие кажется в большей степени искусственным: так, российская политика контрсанкций позиционируется руководством страны как комплекс мер, направленный на противодействие тем принципам международного общения, которые фактически и составляют ядро либерального интервенционизма.

Следовательно, речь может идти либо об активной, либо об оборонительной позиции.

Что касается третьего элемента защитного пояса, он заимствуется из международно-политическим либерализма, а именно из принципа разнородности вовлеченных акторов. Как было показано в пункте 2.2, анализировать современную систему экономических ограничительных мер, опираясь на монопольную роль государства в международных процессах, скорее, контрпродуктивно. В этой связи наиболее рациональным решением является включение в теоретическо-методологическую рамку разнообразных санкций негосударственных субъектов не в качестве аномалии, а – напротив – как новой нормы. Очевидно, что в таком случае необходимо «разводить» акторов в зависимости от их типа на уровне дизайна исследования, чтобы не нарушать принцип корректности оснований для сравнения, что, впрочем, не расценивается как значительная проблема. Более того, расширение аналитического поля за счет обращения к инициаторам и мишеням, не принадлежащим к госсектору, полностью соответствует обозначенному выше ключевому принципу прагматизма при реализации и рассмотрении санкционной политики. Интересным кейсом на данном направлении может стать изучение массового бойкота и ухода с российского рынка зарубежных компаний после начала специальной военной операции. Речь идет как о бизнесе, страной происхождения которого являются непосредственно страны-инициаторы (General Motors, Cartier, Lego, Mango, Ikea и др.), так и ряд компаний и фирм из третьих стран, опасающихся вторичных санкций, потери западных рынков и принудительных мер со стороны властей (Hitachi, Komatsu, Yang Ming и др.). Если действовать в рамках классического парадигмального мышления, свойственного теории международных отношений, подобные эпизоды, вероятнее всего, будут если не проигнорированы, то, по крайней мере, получат недостаточное внимание, что неизбежно отразится на качестве рефлексии санкционной действительности. В связи с этим, именно комбинированная стратегия исследования, основанная на аналитическом эклектизме, позволяет проработать проблематику, которая в противном случае попадала бы в слепые зоны академического поиска.

Наконец, четвертым компонентом защитного пояса может выступать неомарксистская концепция «ядра» и «периферии», которая дополняет предложенный выше фрагмент исследовательской программы. Если идея либерального интервенционизма объясняет механику применения санкций определенной группой стран, то понятия ядра и периферии наполняют эту идеологическую составляющую материальным содержанием[507]. Например, именно в неомарксистском интерпретации возможно получить эвристически полезные заключения относительно американских санкций в отношении КНР. Изначально введенные в 1949 г., ограничения, в первую очередь, преследовали цель искусственного сдерживания роста потенциального конкурента в чувствительном для США Азиатско-Тихоокеанском регионе, что, по мере подъема китайской экономики, выразилось в масштабном торговом эмбарго, запрете на финансовые транзакции и максимальном ужесточении экспортного контроля[508]. Аналогичным образом, систематическое давление на развивающиеся Африканские страны способствует сохранению их структурной зависимости от узкой группы стран-инициаторов. Таким образом, инструментальное измерение санкций сводится к современным формам империализма и неоколониализма, которые реализуются в более мягких, но не менее эффективных формах господства и подчинения. Развивая эту линию рассуждений, отдельно стоит остановиться на позиции П. Катценштейна относительно потенциала марксизма как парадигмы в теории международных отношений: «Говоря об этих более парадигматических дебатах, я, например, считаю отсутствие марксизма в социальных науках большим пробелом в социальных науках»[509]. Данное высказывание приведено для того, чтобы

---

[507] См. например: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – Санкт-Петербург: «Университетская книга», 2001.

[508] См.: Тимофеев И. США – КНР: политика санкций и контрсанкций. Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс] / И. Тимофеев, 06.10.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-knr-politika-sanktsiy-i-kontrsanktsiy/?ysclid=mpy53ozcl489685340 (дата обращения: 03.06.2026).

[509] Цит. по: Истомин И. Международно-политическая теория и ее критики. Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс] /И. Истомин, 7.02.2023. URL:

продемонстрировать общую симпатию отца-основателя аналитического эклектизма к этой парадигме и их теоретико-методологическую совместимость. Также стоит отметить, что неомарксизм традиционно хорошо себя проявляет в т.н. лонгтитюдных исследованиях, что, как представляется, представляет собой важное преимущество при рассмотрении санкционной политики как динамического процесса, а не статичной системы отношений инициатора и мишени. Наконец, говоря об элементах неомарксизма в защитном поясе исследовательской программы, целесообразно сделать акцент на потенциальной совместимости при переходе с теорий среднего уровня к конкретным методологическим решениям. В этом аспекте, как было показано в пункте 1.1, также складывается благоприятная ситуация, так как англоязычные санкционные исследования зачастую позиционируются как тематическое направление в рамках международной политической экономии. Следовательно, в случае работы на основе предложенной программы исследовательский цикл будет объединен сквозной логикой и базироваться на методологически стройном основании.

Подводя итог, представленная авторская модель теоретико-ориентированного исследования в области санкционной проблематики представляет собой сочетание ядра (2 ключевых посылки) и защитного пояса (4 теоретико-концептуальных составляющих среднего уровня), объединенных на основе аналитического эклектизма. Предполагается, что такое решение позволит повысить качество научного поиска на рассматриваемом направлении рефлексии международных процессов.

---

https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodno-politicheskaya-teoriya-i-eye-kritiki/?ysclid=mplndv9ixy383673163 (дата обращения: 03.06.2026).

Выводы по главе 2

Рассмотрение санкционной проблематики через призму теории международных отношений как дисциплины, которая характеризуется парадигмальностью, показывает, что взятые обособленно, ведущие школы мысли испытывают сложности с рефлексией санкционной проблематики в ее эволюции и текущем состоянии, демонстрируя отсутствие эвристической целостности по данному вопросу. Кроме того, важно отметить, что общая логика развития самой теории международных отношений (рост через внутреннюю интеллектуальную оппозицию в виде т.н. «великих дебатов») не экстраполируется на изучение инструментов несилового принуждения: среди тем и направлений серий дискуссий между представителями альтернативных исследовательских традиций санкции не входили в число приоритетных. Более того, можно сказать, что они, скорее, находятся на периферии «большой» теории, поскольку ведущие международники-теоретики, сформировавшие облик дисциплины и культуру научного поиска, преимущественно не предпринимали попытки вписать санкционную проблематику в собственную интерпретационную рамку. В этом смысле, экономические ограничения в большей степени изучаются представителями теорий среднего уровня или специфических практико-ориентированных субдисциплин внутри политической науки (например, международно-политической экономией). В результате санкционная проблематика оказывается в своего рода серой зоне объяснительных конструкций уровня высокой абстракции, в то время как потребность ее осмысления не только с помощью теорий среднего уровня явно назрела. Вместе с тем, разбор сильных и слабых сторон ведущих парадигм в теории международных отношений, как представляется, позволит повысить качество осмысления глобальных процессов, поскольку тенденции развития межгосударственных взаимодействий демонстрируют рост значения инструментов экономического сдерживания в системе международного общения.

Если говорить о реализме (и его интеллектуальном преемнике в виде неореализма) как первой оформившейся и одной из наиболее авторитетных школ мысли в международных исследованиях, необходимо, прежде всего, обратить

внимание на тот факт, что несмотря на уход от экономикоцентризма в область властных отношений и проблематики силы, именно международники-реалисты представили свой взгляд на санкции как инструмент господства и принуждения (то есть, придали данному феномену политическую окраску). Кроме того, преимуществом реализма в санкционных исследованиях можно считать стремление последнего к работе с простыми конкретными гипотезами и поддающимися операционализации и исчислению переменными, что, безусловно, важно, когда речь идет, как минимум, о необходимости в измерении потенциала участников санкционного противостояния и конкретной оценке ущерба, без чего в принципе сложно себе представить сколько-нибудь серьезную работу на данном направлении. Наконец, реалистская концепция баланса сил – это эвристически ценный конструкт, который позволяет включить в аналитическую рамку набор конкретных переменных, описывающих роль санкций в формировании структуры международных отношений. Такой подход, в частности, может быть применен для разбора феномена санкционных коалиций и коллективных ограничений в целом. В то же время, несмотря на то что зачастую санкционная риторика обладает выраженной реалистской окраской (прежде всего речь идет о возросшей частотности использования категорий силы, национального интереса и прагматизма), в строгом академическом понимании реализм нуждается в адаптации, поскольку его акцент на государствоцентричности международных отношений вынуждает либо игнорировать тот факт, что значительная часть санкций вводится государствами в отношении негосударственных субъектов, либо нивелировать роль государства, что, безусловно, нанесет серьезный удар по ядру самой парадигмы. Во-вторых, объем накопленной эмпирики показывает, что жесткость политических требований инициатора и уровень экономического давления не всегда коррелирует с успешностью применения санкций (т.н. «Парадокс Дрезнера»). Наконец, опираясь на объяснительную систему реализма, существует вероятность либо упустить значимые для рассматриваемого кейса, но не поддающиеся числовому выражению, переменные, либо – напротив – перегрузить исследование чрезмерным объемом эмпирики и факторов в попытках

получить как можно более точное представление о том или ином эпизоде применения санкций.

Что касается либерализма и неолиберализма, они позволяют наиболее адекватно объяснить некоторые процессы, начавшиеся в сфере санкционной политики в конце XX в. В частности, развитие информационных технологий и сетевых структур предопределили трансформацию санкций в сторону таргетированных блокирующих инструментов, которые получили фундамент в виде основополагающей роли доллара в международных транзакциях. Этот тренд связан с краткосрочным подъемом глобализации, который предопределил соответствующий рост популярности аргументов международников либерального толка. Во-вторых, именно либеральная парадигма в санкционных исследованиях позволяет рассмотреть санкции не только как часть внешнеполитического процесса, но и в качестве элемента системы принятия внутриполитических решений, прежде всего, в государстве-мишени, что приобретает дополнительную актуальность в связи с распространением т.н. «умных санкций», связанных с точечным давлением на конкретные физические и юридические лица в стране-мишени. С другой стороны, либерализм в его собирательном понимании уязвим в вопросах экономического измерения международных отношений (комплексная взаимозависимость), а также в трактовке международных режимов как универсального регулятора и предохранительного механизма в условиях нарастания конфликтности. Кроме того, в силу особенностей своей идеологической составляющей, либерализм зачастую демонстрирует чрезмерную ригидность мышления, связанную с в целом характерным для парадигмы амбивалентным взглядом на природу политических режимов. Последние рассматриваются преимущественно в рамках дихотомии авторитаризма и демократии. Как итог, демократические правительства, по логике либералов, выполняют волю избирателей, которые требуют от них мира, роста благосостояния и миролюбивой политики, в то время как авторитарные режимы базируются на силе и подавлении человеческого достоинства, вследствие чего легко жертвуют

благосостоянием и жизнями своих граждан для достижения силового превосходства и престижа, основанного на силе.

Возможности конструктивизма при работе с санкционной проблематикой не столь широки, как у двух разобранных выше исследовательских традиций. Это, в первую очередь, объясняется особенностями самой парадигмы: в отличие от реализма и либерализма, конструктивизм – это, скорее, набор теоретико-методологических установок и нарративов (некоторые международники даже называют конструктивизм, скорее, стилем мышления, нежели стройной школой исследования глобальных процессов) относительно природы международных взаимодействий и характера их движущих сил. В результате, немногочисленные работы по санкционной проблематике конструктивистского толка, как правило, выстраиваются вокруг конкретных интеллектуальных конструкций, таких как нормативное предпринимательство, самосбывающееся пророчество и т.д. Сильной стороной конструктивизма в санкционных исследованиях является возможность рассмотреть комплекс факторов, не попадающих в аналитическую оптику альтернативных подходов. В частности, речь идет об оценке норм при изучении системы принятия решений в области санкционной политики в государствах-участниках санкционного противостояния. Однако подобные преимущества одновременно предопределяют и соответствующие слабые стороны. Так, ряд значимых для парадигмы переменных и параметров в принципе сложно поддаются операционализации, или не поддаются ей вовсе. В частности, подобные проблемы могут возникать с такими факторами, как идентичность, ценности и убеждения.

Решение представленной выше этой требует либо серьезного вмешательства в фундаментальные основы ведущих школ международно-политической мысли (что, возможно, значительно отразится на их будущем облике), либо отказа от идеи осмыслять санкции в категориях больших теорий в принципе (тогда, вероятно, академическая мысль будет двигаться в сторону классического институционализма с соответствующим набором поддерживающих теорий среднего уровня и исследовательских инструментов), либо поиска «третьего пути», который позволит раскрыть потенциал существующих теоретических наработок.

Таким «третьим путем» может стать создание стратегии теоретико-ориентированного исследования в области санкционной проблематики, выстроенной по аналогии с предложенной И. Лакатосом моделью исследовательской программы. Последняя подразумевает выработку теорий и гипотез двух уровней: ядра, которое представляет собой совокупность идей, составляющих онтологическую основу мышления по тому или иному вопросу международной повестки, и защитного пояса, призванного предотвратить критический урон ядру, а также адаптироваться к его будущей потенциальной критике.

Что касается ядра такой программы, предлагается сконструировать его из двух ключевых посылок:

Наиболее уместной теоретической рамкой при анализе санкционной проблематики в теории международных отношений является политический реализм, который необходимо трактовать не через дихотомию реализм-либерализм, а как прагматизм, лежащий в основе любых внешнеполитических акций как государства-инициатора, так и государства-мишени. Иными словами, при оценке того или иного эпизода применения ограничений стоит ориентироваться на его внутреннюю логику и прагматическую составляющую; в таком случае, даже внешне идеалистически мотивированные решения по применению ограничительных мер можно вписать в систему обеспечения национальных интересов, что, в конечном итоге, и составляет суть поведения государства на международной арене. Такой уход от нерелевантной дихотомии позволяет анализировать разнородные эпизоды санкционной практики с сохранением единообразных оснований для сравнения.

Второй компонент ядра, призванный обеспечить инструментальную стройность всей конструкции – это аналитический эклектизм, то есть, концепция, подразумевающая отказ от сугубо парадигмального мышления в пользу прагматичного подхода, основанного на допустимости комбинировать элементы различных (в том числе, конкурирующих) парадигм, когда критерием качества исследования является достигнутый результат, а не методологическое

совершенство. Подобный взгляд на санкционные исследования способен сгладить продемонстрированные выше противоречия больших школ, что, как ожидается, позитивно отразится на качестве полученных выводов.

Защитный пояс программы предлагается выстроить на основе четырех ключевых элементов:

Во-первых, санкции необходимо рассматривать как инструмент политики, а не ее самоцель. Эта мысль представляется значимой как в самостоятельном качестве, так и в связке с ядром, поскольку ее можно интерпретировать как манифестацию теорий среднего уровня в санкционных исследованиях. Другими словами, если оценивать применение санкций не как вещь в себе, а как часть комплекса мер по реализации прагматичных по своей природе государственных интересов, методологические сложности с причислением тех или иных кейсов к успешным либо неуспешным можно если не исключить, то минимизировать.

Во-вторых, современная глобальная архитектура экономического сдерживания представляет собой идеологический продукт либерального интервенционизма, который применяется для легитимации практики применения санкций против государств, чье поведение на международной арене не соответствует общепринятым представлениям о норме, определяемой как демократический режим западного образца с безусловным приматом либеральных ценностей. Именно эта посылка активно эксплуатировалась и продолжает эксплуатироваться Вашингтоном для продвижения собственного внешнеполитического курса (принцип юридической экстерриториальности, наступательные действия, осуществляемые вразрез с общепринятой практикой и, скорее, вызывающие сдержанный негатив со стороны международного сообщества, однако, при этом объясняемые необходимостью нарушать сложившийся порядок во имя общего блага). Кроме того, ответные действия со стороны государств-мишеней (прежде всего, России и Китая) фактически можно интерпретировать как политику, направленную на купирование наиболее негативных последствий либерального интервенционизма.

В-третьих, наиболее рациональным решением является включение в теоретическо-методологическую рамку многочисленных санкций негосударственных субъектов не в качестве аномалии, а – напротив – как новой нормы, что резонирует с неолиберальным направлением международно-политической мысли. Очевидно, что в таком случае необходимо «разводить» акторов в зависимости от их типа на уровне дизайна исследования, чтобы не нарушать принцип корректности оснований для сравнения, что, впрочем, не расценивается как значительная проблема. Более того, расширение аналитического поля за счет обращения к инициаторам и мишеням, не принадлежащим к госсектору, полностью соответствует обозначенному выше ключевому принципу прагматизма при реализации и рассмотрении санкционной политики.

Наконец, заключительным компонентом защитного пояса может выступать неомарксистская концепция «ядра» и «периферии», которая дополняет предложенный выше фрагмент исследовательской программы. Если идея либерального интервенционизма объясняет механику применения санкций определенной группой стран, то понятия ядра и периферии наполняют эту идеологическую составляющую материальным содержанием.

Заключение

Основная цель настоящего исследования состояла в выявлении, систематизации и критической рефлексии теоретико-методологических оснований изучения санкционной проблематики в политической науке. Как представляется, в ходе исследования она была успешна достигнута за счет решения ряда поставленных задач.

Во-первых, в пункте 1.1 были представлены аргументы в пользу правомерности выделения санкционных исследований в качестве самостоятельной субдисциплины в предметном поле политической науки. В итоге предлагается легитимизировать термин «sanctions studies/санкционные исследования» как часть профессионального дискурса по вопросам исследования санкций. Это связано с тем, что разработка санкционной проблематики «доросла» до возможности наличия самостоятельного статуса. Отдельно стоит отметить российскую традицию научного поиска, которая не просто активно развивается (правда, преимущественно в силу экзогенных факторов), но и стремится к выработке оригинальных теоретико-методологических решений.

Во-вторых, в пункте 1.2 были реконструированы международно-политический и интеллектуальный контекст становления санкционных исследований, а также современной архитектуры глобального экономического сдерживания. Последняя представляет собой не плод идеалистических стремлений В. Вильсона к всеобщей справедливости и достижению блага всего человечества, а, скорее, результат прагматичного расчета по капитализации преимуществ США, полученных по итогам Первой мировой войны. В итоге санкционные исследования, будучи отражением практики применения инструментов экономического сдерживания, можно назвать во многом американоцентричной интеллектуальной традицией. Особенно ярко это проявляется в дистанцировании от единственного профильного легитимного института в виде Совета Безопасности ООН, который начал подвергаться критике практически сразу после его создания.

В-третьих, в пунктах 1.3-1.5 была прослежена эволюция санкционных исследований в контексте развития их понятийно-категориального и

методологического аппарата. Можно говорить о том, что санкционные исследования обладают довольно ограниченным набором методологических решений, основным из которых являются кейс-стади и сравнительный кейс-стади. Эта методика была введена в академический обиход в 1960-е гг. и с тех пор не вышла на пик собственных возможностей в силу отсутствия в академической среде консенсуса относительно базовых принципов формирования выборки.

В-четвертых, в пункте 1.5 был проведен критический разбор современного состояния санкционных исследований: основных научных дискуссий, академических достижений и объяснительных пробелов. Можно утверждать, что «современный этап» санкционных исследований – это, в первую очередь, скорее, синтетическое понятие, поскольку его выделение обусловлено не органической эволюцией теоретико-методологического аспекта дисциплины, а внешними шоками, которые сформировали соответствующие направления и характер научного поиска. Западное академическое сообщество отреагировало на события «Крымской весны» и начало СВО на Украине относительно спокойно: за исключением разобранного выше оригинального методологического приема в виде дискурсивного анализа с опорой на концепцию картины мира, рефлексия санкционной проблематики выстраивалась, прежде всего, вокруг традиционного метода кейс-стади с уклоном в финансово-экономическую плоскость и устойчивость международных институтов. При этом с повестки дня практически исчез вопрос эффективности санкционной архитектуры ООН, что говорит об общей эрозии идеи глобальной координации мер экономического сдерживания. Кроме того, можно говорить об общей академической инерции, при которой международно-политическая реальность оказывается динамичнее, чем ее осмысление в категориях высокой абстракции и даже теорий среднего уровня.

В-пятых, в пунктах 2.1-2.3 была проведена оценка эвристического потенциала ведущих школ в теории международных отношений – (нео)реализма, (нео)либерализма, конструктивизма – применительно к изучению санкционной проблематики. Проведенный анализ показывает, что на сегодняшний день ведущие парадигмы в теории международных отношений в их современном состоянии

сталкиваются со сложностями в интерпретации действительности, поскольку заключают в себе ряд внутренних противоречий. В результате санкционная проблематика оказывается в своего рода серой зоне объяснительных конструкций уровня высокой абстракции. Решение этой задачи требует либо концептуального вмешательства в их основы (что, возможно, значительно отразится на их будущем облике), либо отказа от идеи осмыслять санкции в категориях больших теорий в принципе (тогда, вероятно, академическая мысль будет двигаться в сторону классического институционализма с соответствующим набором поддерживающих теорий среднего уровня и исследовательских инструментов), либо поиска «третьего пути», которым, в частности, может стать обращение к альтернативным форматам рефлексии международных отношений.

В-шестых, в пункте 2.4 была предложена авторская программа теоретико-ориентированного исследования в области санкционной проблематики, которая опирается на принцип аналитического эклектизма и, как представляется, может быть использована для разработки новых подходов к изучению экономических ограничений.

В теоретическом плане полученные результаты могут найти применение для дальнейшего совершенствования отечественного подхода к санкционным исследованиям, поскольку ряд положений диссертации фактически можно считать новыми для российской науки.

С практической точки зрения результаты могут представлять интерес в рамках политики адаптации России к внешнему санкционному давлению в условиях формирования комплексной стратегии противостояния подобным рискам и угрозам национальной безопасности.

Список источников и литературы

Источники:

Нормативно-правовые акты

1. The Covenant of the League of Nations [Электронный ресурс]. June 28, 1919. URL: https://gclnk.com/fYwNaHQx (дата обращения: 01.06.2026).

2. U.S. Treasury Press Release of August 7, 2020. [Электронный ресурс]. August 7, 2020. URL: https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm1088 (дата обращения: 01.06.2026).

3. Протокол о мирном разрешении международных споров, принятый V Собранием 2 октября 1924 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/140588-protokol-o-mirnom-razreshenii-mezhdunarodnyh-sporov-prinyatyy-v-sobraniem-2-oktyabrya-1924-g#mode/inspect/page/10/zoom/4 / (дата обращения: 01.06.2026).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

5. Указ Президента РФ от 28.02.2022 N 79 (ред. от 09.06.2022, с изм. от 20.05.2024) "О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций" [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410417/?ysclid=mpyffpuoyu464113349 (дата обращения: 07.06.2026).

6. Устав ООН (полный текст). Организация объединенных наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text?ysclid=mcolts5oma76002187 (дата обращения: 01.06.2026).

Официальные документы, отчеты, доклады

7. Ethiopian-Italian relations – correspondence with individuals and associations [Электронный ресурс]. December 13, 1934 – July 27, 1935. URL: https://archives.ungeneva.org/ethiopian-italian-relations-correspondence-with-individuals-and-associations (дата обращения: 01.06.2026).

8. Jimmy Carter Nobel lecture. [Электронный ресурс]. The Nobel Prize. December 12, 2002. URL: https://www.nobelprize.org/prizes/peace/2002/carter/lecture/ (дата обращения: 07.06.2026).

9. Past ISA Conferences and Programs. International Studies Association. [Электронный ресурс] // URL: https://www.isanet.org/Conferences/Archive (дата обращения: 01.06.2026).

10. President Woodrow Wilson «Peace Without Victory» speech, January 22, 1917. 64th Cong., 23 Sess., Senate Document No. 685: «A League for Peace». [Электронный ресурс] // URL: https://web.mit.edu/21h.102/www/Wilson%20Peace%20Without%20Victory.htm / (дата обращения: 10.12.2024).

11. X-Compliance. Информационная группа «Интерфакс». [Электронный ресурс] URL: https://x-compliance.ru/?ysclid=mkjnbxh1ih69281222 (дата обращения: 01.06.2026).

12. База данных антироссийских санкций SanctionsRuBase+. [Электронный ресурс] URL: https://sanctionsbase.hse.ru:8443/home (дата обращения: 01.06.2026).

13. Тимофеев И. Принуждение непокорных. Идеальный шторм санкционной войны: доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». [Электронный ресурс] / И. Тимофеев, 2019. URL: http://ru.valdaiclub.com/ files/24564/ (дата обращения: 01.06.2026).

Научная литература:

Книги, монографии

а) на русском языке:

14. Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д., Ананьев Б.И. «Квантовый подход» к международным отношениям: научное издание. – М.: АНО «Редакция журнала «Знание-сила», 2018.

15. Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. – М.: Аспект-Пресс, 2019.

16. Африка: санкции, элиты и суверенное развитие. Под ред. Фитуни Л.Л. – М.: Институт Африки РАН, 2021.

17. Белый А.В., Братерский М.В., Демакова Е.И. и др. Невоенные рычаги внешней политики России. Региональные и глобальные механизмы. Под ред. М.В. Братерского. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.

18. Богатуров А.Д. Прикладной анализ международной политики. Ситуации и конфликты 1992-2021 годы. – М.: Аспект-пресс, 2022.

19. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, Издательство «КДУ», 2014.

20. Борисов Д. Санкции. – Соцэкгиз, 1936.

21. Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики. – М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010.

22. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – Санкт-Петербург: «Университетская книга», 2001.

23. Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка, 1940-2000-е годы. – М.: Крафт+, 2007.

24. Дынкин А.А., Арбатов А.Г., Афонцев С.А. и др. Мир 2035. Глобальный прогноз. Под ред. А.А. Дынкина. – М.: ИМЭМО РАН, 2017.

25. Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии: 1932-1945. – М.: Наука, 1990.

26. Корольков В.Е., Смирнова И.А., Ерофеева Т.А. Политика санкций как инструмент современных международных отношений. – Прометей, 2022.

27. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. – М.: Академический Проект; Трикста, 2008.

28. Логинов Б.Б. (ред.) Санкционный фактор трансформации российской и мировой экономики. – М.: Инфра-М, 2024.

29. Мешкин Р. Дипломатия Ирана и России в условиях санкционного давления (2003-2023 гг.). – М.: Инфра-М, 2025.

30. Назаров В.П. Развитие теоретических и методологических основ стратегического планирования. – М. Кнорус, 2022.

31. Никольский А.В. Итало-эфиопская война 1935-1936. – СПб, 2001.

32. Стимсон Г. Дальневосточный кризис: Воспоминания и наблюдения. – М.: Соцэкгиз, 1938.

33. Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. – М.: Издательство Института Гайдара, 2017.

34. Фейерабенд П. Против метода. – М.: АСТ, 2007.

35. Фуко М. Археология знания / М. Фуко – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.

36. Хабермас Ю. Расколотый Запад. – М.: Издательство «Весь мир», 2008.

37. Шталь А.В. Малые войны 1920–1930-х годов. – М.: АСТ, 2003.

б) на английском языке:

38. Achilleas P. United Nations and sanctions. Economic Sanctions in International Law and Practice. – Routledge, 2019.

39. Askari H., Forrer J., Teegen, H., Yang, J. Economic Sanctions: Examining Their Philosophy and Efficacy. – Westport: Praeger, 2003.

40. Baldwin D. Economic Statecraft. – Princeton: Princeton University Press, 1985.

41. Beaucillon C. (ed.) Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions. – Edward Elgar Publishing, 2021.

42. Berdal M. What are the limits to the use of force in UN peacekeeping? In United Nations Peace Operations in a Changing Global Order. – Palgrave Macmillan, 2018.

43. Biersteker T. UN Targeted Sanctions as Signals: Naming and Shaming or Naming and Stigmatizing? in H.R. Friman (ed.) The Politics of Lever- age in International Relations: Name, Shame, and Sanction. – New York: Palgrave Macmillan, 2015.

44. Booth K., Smith S. (Eds.). International Relations Theory Today. – Oxford: Polity, 1995.

45. Butler N.M., Clark E. Boycotts and Peace. [Электронный ресурс] / N.M. Buttler, E. Clark // Harper & Brothers, 1932. URL: https://digitalcollections.nypl.org/items/510d47db-d43e-a3d9-e040-e00a18064a99 (дата обращения: 07.06.2026).

46. Buzan B., Hansen L. The evolution of international security studies. – Cambridge University Press, 2009.

47. Cardwell C. NSC 68 and the Political Economy of the Early Cold War. – Cambridge University press, 2011.

48. Carr E. The twenty years' crisis 1919-1939. An introduction to the study of international relations. – London, Macmillan&Co. LTD, 1946.

49. Chan S, Drury A. (ed.) Sanctions as Economic Statecraft: Theory and Practice. – Basingstoke: Palgrave, 2000.

50. Charron A. UN sanctions and conflict: responding to peace and security threats. – London: Routledge, 2011.

51. Checlel J. Constructivism and Foreign Policy in J. Checlel Foreign Policy: Theories, Actors, Cases. – Oxford: Oxford University Press, 2008.

52. Cortright D. Economic Sanctions: Panacea or Peacebuilding in a Post-Cold War World? – Boulder, 1995.

53. Cortright D., Lopez G. Carrots, Sticks, and Cooperation: Economic Tools of Statecraft, in Rubin B (ed.) Cases and Strategies for Preventive Action. – New York: The Century Foundation Press, 1998.

54. Cortright D., Lopez G. The Sanctions Decade: Assessing UN Strategies in the 1990s. – Boulder: Lynne Rienner, 2000.

55. Cortright D., Lopez G. Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft. – Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2002.

56. Dilemmas of Economic Coercion: Sanctions in World Politics, M. Nincic, P. Wallensteen (ed). – New York: Praeger Publishers, 1983.

57. Doxey M. Economic Sanctions and International Enforcement. – London: Oxford University Press, 1971.

58. Doxey M. International sanctions in contemporary perspective. – Basingstoke: Macmillan, 1987.

59. Drezner D. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

60. Farrall J. M. United Nations Sanctions and the Rule of Law. – Cambridge University Press, 2007.

61. Fenwick C. The Basis of Obligation in International Law and Other Papers. – New York and London: Oxford University Press, 1958.

62. Gallagher N.(ed.) Arms Control: New Approaches to Theory and Policy. – L.: Routledge, 2012.

63. Gerring J. Case-Study Research. Principles and Practices. – Cambridge University Press, 2007.

64. Gilpin. R. The challenge of global capitalism: the world economy in the 21st century. – Princeton: Princeton University Press, 2000.

65. Giumelli F. Coercing, Constraining, Signalling. Explaining UN and EU Sanctions after the Cold War / F. Giumalli – Colchester: ECPR Press, 2011.

66. Hufbauer G., Shott J. Economic sanctions in support of foreign policy goals. – Washington, DC: Institute for International Economics, 1983.

67. Jaeger M. Coercive Sanctions and International Conflicts. A Sociological Theory. – Routledge, 2018.

68. Jervis R. Perception and Misperception in International Politics: New Edition. Revised ed. – Princeton University Press, 1976.

69. Katzenstein P. (ed.) Between Power and Plenty: Foreign Economic Policies in Advanced Industrial States. – University of Wisconsin Press, 1978.
70. Keohane R, Nye J. Power and interdependence. – Pearson, 2011.
71. Klotz A. Norms in international relations: The struggle against apartheid. – Ithaca: Cornell University Press, 1995.
72. Kuehl W.F., Dunn L. Keeping the Covenant: American Internationalists and the League of Nations, 1920-1939. – London: The Kent State University Press, 1997.
73. Martin L. Coercive Cooperation: Explaining Multilateral Economic Sanctions. – Princeton, 1992.
74. Mearsheimer J. The tragedy of great power politics. – New York: W.W. Norton and Company, 2001.
75. Merton R. Social Theory and Social Structure. – Free Press, 1968.
76. Peter A.G. van Bergeijk (ed.) Research Handbook on Economic Sanctions. – Edward Elgar Publishing, 2021.
77. Renwick R. Economic sanctions. – Cambridge: Center for International affairs, Harvard University, 1981.
78. Ripsman N., Taliaferro J., Lobell S. Neoclassical Realist Theory of International Politics. – NY: Oxford University Press, 2016.
79. Rosenau J. Governance, order, and change in world politics. – Cambridge University Press, 1992.
80. Shiffman G. Economic Instruments of Security Policy: Influencing Choices of Leaders. – N.Y., 2006.
81. Shotwell J. Text of the draft treaty of disarmament and security. – New York, 1924.
82. Steil B., Litan R. Financial Statecraft. – New Haven, 2006.
83. Stremlau J. Sharpening International Sanctions. Towards a Stronger Role for the United Nations, A Report to the Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict. – New York, 1996.
84. Taubenfeld H.J. Economic Sanctions: An Appraisal and Case Study. – New York, 1958 (mimeo).
85. Thomas D.C. The Helsinki effect: international norms, human rights, and the demise of communism. – Princeton University Press, 2001.
86. Thomas W.I., Thomas D.S. The child in America: Behavior problems and programs. – New York: Knopf, 1928.

87. Vasquez J. The Power of Power Politics: From Classical Realism to Neotraditionalism. – Cambridge Studies in International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

88. Waltz K. Theory of international politics. – Addison-Wesley Publishing Company, 1979.

89. Waltz K. Theory of international politics. – Long Grove: Waveland Press, 2010.

90. Webster C. Sanctions: The Use of Force in an International Organization. – London: David Davies Memorial Institute of International Studies, 1956.

91. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge Studies in International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

92. Wilson W. Addresses of President Wilson. – US Government Printing Office, 1919.

93. Wolfers. A. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. – The Johns Hopkins University press, 1965.

94. Yearwood P. Guarantee of Peace: The League of Nations in British Policy, 1914–1925. – Oxford, 2009.

в) на французском языке:

95. Mitrany D. Le problème des sanctions internationals. [Электронный ресурс] / D. Mitrany // Paris, 1926. – P.37. URL: Le problème des sanctions internationales : Mitrany, David : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 07.06.2026)

Главы в книгах, монографиях

а) на английском языке

96. Kramer A. Blockade and economic warfare, in J. Winter (ed.) The Cambridge History of the First World War. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

97. Leyton-Brown D. Lessons and policy considerations about economic sanctions, in: D. Leyton-Brown (ed.) The Utility of International Economic Sanctions. – St. Martin’s Press, New York, 1987.

98. M. Nincic, P. Wallensteen (ed) Dilemmas of Economic Coercion: Sanctions in World Politics. – New York: Praeger Publishers, 1983.

99. Parmelle M. Blockade and sea power; The Blockade, 1914–1919, and its significance for a world state. – New York, Thomas Y. Crowell Co, 1924.

100. Vaslavskiy Y., Ananyev B., Sergi B. The Impact of International Sanctions on Russia's sustainable development. In: Exploring the Future of Russia's Economy and Markets: Towards Sustainable Economic Development. – Bingley: Emerald Publishing Limited, 2018.

Диссертации, авторефераты диссертаций:

а) на русском языке:

101. Тимофеев И.Н. Санкционная политика: опыт США. дис. ... д-ра полит. наук. М.: МГИМО МИД России, 2026. URL: https://mgimo.ru/science/diss/timofeev-i-n.php (дата обращения: 07.06.2026).

Статьи в периодических научных изданиях:

а) на русском языке:

102. Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосный мир // Сравнительная политика. – 2014. – Т. 14. № 1. – С. 4-21.

103. Алексеева Т.А. Рождение мифа: начало первых «великих дебатов» в теории международных отношений // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. - №6(45). – С. 30-39.

104. Алексеева Т.А. Дебаты о “Великих дебатах”: как структурировать теорию международных отношений? // Полис. Политические исследования. – 2016. – №6. – С. 9-21.

105. Алексеева Т.А., Минеев А.П., Фененко А.В., Лошкарёв И.Д., Ананьев Б.И. Зачем нужна «квантовая» реформа конструктивизма в теории международных отношений? // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 6 (51). – С. 7-13.

106. Ананьев Б.И. Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации // Вестник международных организаций. – 2019. – №3. – С. 136-150.

107. Ананьев Б.И. Ловушка третьего пути? Конструктивистский взгляд на санкции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25. – №4. – С. 862-878.

108. Ананьев Б.И. Меньше, чем школа, больше, чем инструмент? К вопросу об академической самостоятельности санкционных исследований // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2026. – 18(1). – С. 9-32.

109. Арапова Е.Я., Кудинов А.С. Особенности санкционного регулирования в США, ЕС и Великобритании: сравнительный анализ // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 6. – С. 151-165.

110. Арапова Е.Я. Новые модальности глобальной санкционной политики // Международная аналитика. – 2023. – № 14(1). – С. 37-51.

111. Афонцев С.А. Выход из кризиса в условиях санкций: миссия невыполнима? // Вопросы экономики. – 2015. – № 4. – С 20-36.

112. Афонцев С.А. Политические парадоксы экономических санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – №3(55). – С. 193-197.

113. Балуев Д.Г. Эволюция экономических санкций как инструмента внешней политики // Международные процессы. – 2014. – № 3 (38). – С. 23-33.

114. Барановский В.Г. О формировании нового миропорядка // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 1. – С. 7-23.

115. Боровский Ю.В. Советский и Российский ТЭК как объекты западных санкций: политическое соперничество или экономическая конкуренция? // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – №3(66). – С. 42-60.

116. Гландин С.В. Роль интернета в отслеживании нарушителей режима санкций США в отношении России // Вестник Московского университета, серия 11. – 2018. – № 6. – С. 96-112.

117. Дарси Д., Сталберг А. Глухота сторон в клубке санкционных противоречий между США, ЕС и Россией: противоборствующие стратегические дискурсы и взаимное «подстегивание» // Вестник международных организаций. – 2019. – Т.14. № 3. – С. 69-98.

118. Дарси Д., Сталберг А. Тень санкций: стратегические последствия различий в санкционной политике США и России // Международные процессы. – 2021. – Т.19. № 1(64). – С. 74-102.

119. Земцов С.П. Санкционные риски и региональное развитие (на примере России) // Балтийский регион. – 2024. – Т.16, № 1. – С. 23-45.

120. Зонова Т.В. Христианские мыслители Запада о международных отношениях // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – №4(31). – С. 22-28.

121. Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Крашенинникова Л.С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // Сравнительная политика. – 2020. – Т.11, № 2. – С. 123-138.

122. Конышев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В. Социальный конструктивизм о проблемах безопасности // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – № 3. – С. 94-112.

123. Конышев В.Н. Неоклассический реализм в теории международных отношений // Полис. Политические исследования. – 2020. – №4. – С. 94-111.

124. Косолапов Н.А. Пороговый уровень и вероятность конфликта США // Международные процессы. – 2008. – Т. 6., № 18. – С. 15-25.

125. Кузнецов А.В. Результативность российских экономических «контрсанкций» против ЕС // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2016. – №3. – С. 136-153.

126. Лебедева М.М. Современные мегатренды мировой политики // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 9. – С. 29-37.

127. Маргоев А.Р., Хейрие Д.С. Возможна ли верификация снятия санкций как гарантия иранской ядерной сделки? // Пути к миру и безопасности. – 2021. – №2 (61). – С. 110-128.

128. Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. Политические исследования. – 1992. – №1. – С. 130.

129. Никитин А.И. Новая система отношений великих держав XXI века: "концерт" или конфронтация? // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 44-59.

130. Новоселофф А. Как вдохнуть новую жизнь в ООН? (основные цели – предвидение и предотвращение конфликтов) // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 11. – С. 17-28.

131. Панова Г.С. Банки в условиях международных санкций: стратегия и тактика //Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 1(46). – С. 154-168.

132. Попова Д.В. Эффективность торгово-экономических санкций в современном мире [Электронный ресурс] // Журнал международных исследований развития (МИР). – 2014. – №1. – С.11-19. URL: https://clck.ru/3Njp2n (дата обращения: 01.06.2026).

133. Тимофеев И.Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – №2(59). – С. 26-42.

134. Тимофеев И.Н. Санкции США против Ирана: опыт применения и перспективы развития // Полис. Политические исследования. – 2018. – №4. – С. 56-71.

135. Тимофеев И.Н. Политика санкций: однополярный или многополярный мир? // Вестник международных организаций. – 2019. – Т.14(3). – С. 9-26.

136. Тимофеев И.Н. «Санкции за нарушение санкций»: принудительные меры Министерства финансов США против компаний финансового сектора // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 6. – С. 73-90.

137. Тимофеев И.Н. Как исследовать политику санкций? Стратегия эмпирического исследования // Международная аналитика. 2023. Т.14. № 1. С. 22-36.

138. Тимофеев И.Н. Политика санкций в законопроектах Конгресса США // Международные процессы. – 2023. – №21(2). – С. 6-21.

139. Тимофеев И.Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Полис. Политические исследования. – 2023. – №2. – С. 103-119.

140. Тимофеев И.Н. Санкции США против Китая и России: сравнительный анализ / И.Н. Тимофеев // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – №11(67). – С. 70-79.

141. Тимофеев И.Н. Почему санкции терпят неудачу? Опыт международных и односторонних санкций в отношении КНДР // Вестник международных организаций. – 2025. – Т.20. – № 1. [Электронный ресурс] URL: https://www.hse.ru/data/2025/03/12/1955605320/7%20Timofeev%20OF.pdf (дата обращения: 07.06.2026).

142. Толорая Г.Д., Коргун И.А. Влияние санкций на внешнюю торговлю КНДР с точки зрения теории сравнительных преимуществ // Экономика и управление. – 2019. – № 6. – С. 4-15.

143. Толорая Г.Д., Коргун И.А. К вопросу о продуктивности санкций в отношении КНДР // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 3. – С. 80-95.

144. Цветкова Н.А. «Президентская модель» принятия внешнеполитических решений в США: эвристическая ценность подход // Американский ежегодник. – 2023. – С. 24-44.

145. Цыганков П. Безопасность: кооперативная или корпоративная? (Критический анализ международно-политической концепции) // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 3. – С. 128.

146. Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Давранова С.Б., Наджаров А.М. Теоретико-методологические аспекты изучения санкционной политики Запада // Полис. Политические исследования. – 2024. - №1. – С. 7-20.

б) на английском языке:

147. Allen S. The Determinants of Economic Sanctions Success and Failure // International Interactions. – 2005. – Vol 31(2). pp. 117-138

148. Arnold-Forster W. The Problem of International Sanctions // Journal of the British Institute of International Affairs. – 1926. – Vol. 5, Issue 1. p. 44

149. Baldwin D., Pape R. Evaluating Economic Sanctions // International Security. – 1998. – Vol.23(2). pp. 189-198

150. Bapat N. et al. Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data // International Interactions. – 2013. – Vol39(1). pp. 79–98

151. Bapat N., Clifton M. Multilateral Versus Unilateral Sanctions Reconsidered: A Test Using New Data // International Studies Quarterly. – 2009. – Vol53(4). pp. 1075–1094

152. Blanchard J-M., Ripsman N. A Political Theory of Economic Statecraft // Foreign Policy Analysis. – 2008. – Vol 4. pp. 371–398

153. Borchard E. Boycotts and Peace. Committee on Economic Sanctions, Butler N.M., & Clark E. // Columbia Law Review. – 1933. – Vol. 33, Issue 3. p. 552

154. Brzoska M. From Dumb to Smart? Recent Reforms of UN Sanctions. // Global Governance. – 2003. – Vol 9(4). pp. 519-535

155. Brzoska M. Measuring the Effectiveness of Arms Embargoes. // Peace Economics, Peace Science and Public Policy. – 2008. – Vol 14(2). pp. 1-34

156. Brzoska M. International Sanctions Before and Beyond UN Sanctions. // International Affairs. – 2015. – Vol 96(6). pp. 1339-1349

157. Chen X., Garcia R.J. 2016. Economic Sanctions and Trade Diplomacy: Sanction-busting Strategies, Market Distortion and Efficacy of China’s Restrictions on Norwegian Salmon Imports. // China Information. – 2016. – Vol. 30(1). pp. 29-57

158. Clifton M., Bapat N., Kobayashi Yo. The Threat and Imposition of Sanctions: Updating the TIES dataset // Conflict Management and Peace Science. – 2014. – Vol31(5). pp. 541-558

159. Doxey M. International sanctions in theory and practice // Case Western Reserve Journal of International Law. – 1983. – Vol 15(2). pp. 273-288

160. Drezner D. How Smart Are Smart Sanctions? Review of Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft, by D. Cortright & G. A. Lopez // International Studies Review. – 2003. – Vol5(1). pp. 107-110

161. Drezner D. Targeted Sanctions in a World of Global Finance. // International Interactions. – 2015. – Vol 41(2). pp. 755-764

162. Duncan S. Relative Gains and the Pattern of International Cooperation. // American Political Science Review. – 1991. – Vol. 85. – No. 3. pp. 701-726

163. Early B. Unmasking the Black Knights: Sanctions Busters and Their Effects on the Success of Economic Sanctions. // Foreign Policy Analysis. – 2011. – Vol 7(4). pp. 381-402

164. Elliott K. The Sanctions Glass: Half Full or Completely Empty // International Security. – 1998. - Vol.23(1). pp. 50-65

165. Finnemore M., Sikkink K. International norm dynamics and political change // International Organization. – 1998. – Vol. 52(4). pp. 887-917

166. Fox W.T.R. Interwar International Relations Research: The American Experience. // World Politics. – 1949. – Vol. 2, Issue 1. pp. 67-79

167. Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions, With Examples from the Case of Rhodesia // World Politics. – 1967. – Vol. 19(3). pp. 378-416

168. Gieco J. Anarchy and the Limits of Cooperation: A Realist Critique of Newest Liberal Institutionalism. // International Organization. – 1988. – Vol. 42. – No 3. pp. 485–507

169. Giumelli F. The Restrictive Measures of the European Union. Developing analytical categories to understand functions and utility of EU sanctions. // The International Spectator. – 2010. – Vol. 45(3). pp.131-144

170. Herz H. Idealist Internationalism and the Security Dilemma // World Politics. – 1950. – Vol. 2, No. 2. pp. 157-180

171. Hoffmann F. The Functions of Economic Sanctions: a Comparative Analysis // Journal of Peace Research. – 1967. – Vol 4(2). pp. 140-160

172. Holsti O. Cognitive dynamics and images of the enemy // Journal of International Affairs. – 1967. – Vol. 21. – No. 1. Image and Reality in World Politics. pp. 16-39

173. Houghton D. The role of self-fulfilling and self-negating theories in international relations // International Studies Review. – 2009. – Vol. 11. pp. 552-584

174. Ingebritsen C. Norm Entrepreneurs. Scandinavia’s role in world politics // Cooperation and Conflict. – 2002. – Vol. 37(1). pp. 11-23

175. Jervis R. Dilemmas About Security Dilemmas // Security Studies. – 2011. – Vol 20(3). p. 417

176. Kaempfer W.H., Lowenberg A.D. The Theory of International Economic Sanctions: A Public Choice Approach // American Economic Review. – 1988. – Vol.78(4). pp. 786-793

177. Krustev V. Strategic Demands, Credible Threats and Economic Coercion Outcomes // International Studies Quarterly – 2010. – Vol 54(1). pp. 147-174

178. Leamer E. Sensitivity Analyses Would Help // American Economic Review. – 1985. – Vol75(3). pp. 308–313

179. Levy M., Young O., Zurn M. The Study of International Regimes. // European Journal of International Relations. – 1995. – Vol. 1. – No. 3. pp. 267-330

180. Nossal K.R. International sanctions as international punishment // International Organization. – 1989. – Vol.43. pp. 301-322

181. Pape R. Why Economic Sanctions Do Not Work // International Security. – 1997. – Vol.22(2). pp. 90-136

182. Pape R. Why Economic Sanctions Still Do Not Work // International Security. – 1998. – Vol.23(1). pp. 66-77

183. Pape R. Evaluating Economic Sanctions // International Security. – 1998. – Vol.23(2). pp. 195-198

184. Rushton S. The UN secretary-general and norm entrepreneurship: Boutros Boutros-Ghali and democracy promotion // Global Governance. – 2008. – Vol. 14(1). pp. 95-110

185. Rousseau E. Disentangling the «Pathways of Exclusion»: Naming, Blaming, Shaming and Stigmatization in World Politics // Global Studies Quarterly. – 2026. pp. 1-13

186. Schweller R. Neorealism’s status-quo bias: What security dilemma? // Security Studies. – 1996. – Vol. 5. pp. 90-121

187. Sil R., Katzenstein P. Analytic Eclecticism in the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions // Perspectives on Politics. – 2010. – Vol 8(2). pp. 411-431

188. Singer J. D., Small M. The Composition and Status Ordering of the International System: 1815-1940 // World Politics. – 1966. – Vol. 18(2). pp. 236-282

189. Stoeckl K. The Russian Orthodox Church as moral norm entrepreneur // Religion, State and Society. – 2016. – Vol. 44(2). pp. 132-151

190. Taubenfeld H.J, Taubenfeld R. The Economic Weapon: The League and the United Nations // Proceedings of the American Society of International Law. – 1964. pp. 183-205

191. Tsebelis G. Are Sanctions Effective? A Game-Theoretic Analysis // Journal of Conflict Resolution. – 1990. – Vol.34(1). pp. 3-28

192. Vellut J.-L. Smaller States and the Problem of War and Peace // Journal of Peace Research. – 1967. pp. 252-269

193. Wallensteen P. Characteristics of Economic Sanctions // Journal of Peace Research. – 1968. – Vol. 5(3). pp. 248-267

194. Wallensteen P. A Century of Economic Sanctions: A Field Revisited. [Электронный ресурс] // Uppsala Peace Research Papers. – 2000. – No.1. – P.1. URL: https://uu.diva-portal.org/smash/get/diva2:76170/FULLTEXT01.pdf (дата обращения: 07.06.2026).

195. Waltz K. Why Iran should get the bomb // Foreign Affairs. – 2012. – Vol 91(4). pp. 2-5

196. Ware S.L. Reviewed work(s): blockade and sea-power by Maurice Parmelee. [Электронный ресурс] // The Sewanee Review. – 1925. – Vol. 33, No. 1. – P.121. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/27533845.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

197. Wendt A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics. // International organization. – 1992. – Vol. 46, No 2. pp. 391-425

198. Wildavsky A. The Two Presidencies. // Trans-action, Society. – 1966. – Vol. 4. pp. 7-14

199. Zwolski K., Kaunert C. The EU and climate security: a case of successful norm entrepreneurship // European Security. – 2015. – Vol. 20(1). pp. 21-43

в) на французском языке:

200. Morgenthau H. Théorie des sanctions internationals. // Revue De Droit International Et De Législation Compare. – 1935. – Vol. 16, Issue 3. – Pp. 474-503.

201. Morgenthau H. Théorie des sanctions internationals. // Revue De Droit International Et De Législation Compare. – 1935. – Vol. 16, Issue 4. – Pp. 809-836.

Интернет-ресурсы:

202. Center for nonproliferation studies [Электронный ресурс]. Library of Congress, URL: https://www.loc.gov/item/lcwaN0003853/ (дата обращения: 01.06.2026).

203. Center for strategic and international studies [Электронный ресурс]. URL: https://www.csis.org/ (дата обращения: 01.06.2026).

204. Centre for war studies [Электронный ресурс]. University of Hull. URL: https://www.hull.ac.uk/work-with-us/research/groups/centre-for-war-studies (дата обращения: 01.06.2026).

205. Chongyang Institute for Financial Studies. Renmin University of China. [Электронный ресурс] // URL: http://rdcy.ruc.edu.cn/yw/HOME/index.htm (дата обращения: 01.06.2026).

206. E.H. Carr: Historian, historiography, realism. [Электронный ресурс]. Britannica. URL: https://www.britannica.com/biography/E-H-Carr (дата обращения: 03.06.2026).

207. George Kennan Calls on the West to end sanctions against Soviet [Электронный ресурс]. 11.10.1982 URL: https://www.nytimes.com/1982/10/11/world/george-kennan-calls-on-the-west-to-end-sanctions-against-soviet.html?ysclid=moldgbin3f77097442 (дата обращения: 07.06.2026).

208. Instore joins other jewelry industry organizations in calling for boycott of Russian gold. Instore. [Электронный ресурс] / 09.03.2022. URL: https://instoremag.com/instore-joins-other-jewelry-industry-organizations-in-calling-for-boycott-of-russian gold/?highlight=Russia (дата обращения: 03.06.2026).

209. Threat to public health posed by fur farms. European Parliament [Электронный ресурс] / 27.03.2023. URL: https://www.europarl.europa. eu/doceo/document/E-9-2023-000624_EN.html (дата обращения: 03.06.2026).

210. Гонконг в объятьях санкций. 01.06.2020 [Электронный ресурс] // URL: https://www.kommersant.ru/doc/4364756?ysclid=mspwns9ico480716210 (дата обращения: 01.06.2026).

211. Дрезнер Д. Теперь все по-другому. Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс] / Д. Дрезнер, 2019. URL: https:// globalaffairs.ru/number/Teper-vse-po-drugomu-20087 (дата обращения: 03.06.2026).

212. Иванов А., Молодыко К. Санкции и мироустройство. Односторонние ограничительные меры как новый регулятор мировой экономики Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс] / А. Иванов, К. Молодыко. 13.10.2015. URL: https://globalaffairs.ru/articles/sankczii-i-miroustrojstvo/?ysclid=mq6wdq5q1z583141364 (дата обращения: 07.06.2026).

213. Истомин И. Международно-политическая теория и ее критики. Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс] /И. Истомин, 7.02.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodno-

politicheskaya-teoriya-i-eye-kritiki/?ysclid=mplndv9ixy383673163 (дата обращения: 03.06.2026).

214. Казаринова Д. Кризис либерализма в оценках его адептов. Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс] / Д. Казаринова, 04.12.2018. URL: https://globalaffairs.ru/articles/krizis-liberalizma-v-oczenkah-ego-adeptov-2/?ysclid=mpyft42ctx567658076 (дата обращения: 03.06.2026).

215. Конференция «Международная неопределенность – 2018». URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/ konferentsiya-mezhdunarodnaya-neopredelennost-2018/ (дата обращения: 03.06.2026).

216. Монаган Э. Новая «Холодная война»? Злоупотребление историей и отказ понять Россию. [Электронный ресурс] / Э. Монаган, 2015. URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/novaya-holodnaya-voyna-zloupotreblenieistoriey-i-otkaz-ponyat-rossiyu/ (дата обращения: 03.06.2026).

217. Моя теория гласит, что антироссийские санкции не сработают. Так почему мне все равно хочется, чтобы их ввели? [Электронный ресурс] / Д. Дрезнер, 2025. URL: https://inosmi.ru/20250911/paradoks-274625665.html (дата обращения: 01.06.2026).

218. Петровский В. Российско-китайский альянс – самоисполняющееся пророчество США? [Электронный ресурс] / В. Петровский, 2018. URL: URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiysko-kitayskiy-alyans/ (дата обращения: 03.06.2026).

219. Санкции Запада против СССР. Досье. ТАСС. 10.03.2016 [Электронный ресурс] // URL: https://tass.ru/info/2728444?ysclid=mkgtuoumgv820570955 (дата обращения: 01.06.2026).

220. Санкции Совета Безопасности. Совет Безопасности. [Электронный ресурс]. URL: https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information (дата обращения: 07.06.2026).

221. Санкции США в отношении российских компаний в 1992-2008 гг. Справка. РИА Новости. 24.10.2008 [Электронный ресурс] // URL: https://ria.ru/20081024/153760143.html (дата обращения: 01.06.2026).

222. Совет Безопасности ООН [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3Nd8BL (дата обращения: 01.06.2026)

223. Тимофеев И. США – КНР: политика санкций и контрсанкций. Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс] / И. Тимофеев, 06.10.2025.

URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-knr-politika-sanktsiy-i-kontrsanktsiy/?ysclid=mpy53ozcl489685340 (дата обращения: 03.06.2026).

Приложения

Приложение 1.

Санкционные исследования первой трети XX в.: теоретико-методологические тренды, ключевые авторы и работы

Хронологический отрезок	Теоретико-методологический тренд	Автор	Работа
1918 - начало 1920-х гг.	Рефлексия итогов Первой мировой войны; поиск места санкций в новом мироустройстве	М. Пармали (M. Parmelle)	Блокада и могущество на море (Blockade and sea power; The Blockade, 1914–1919, and its significance for a world state)
		Дж. Шотуэлл (J. Shotwell)	Драфт договора о разоружении и безопасности (Text of the draft treaty of disarmament and security)
Середина - конец 1920-х гг.	Подход к теме санкций как к научной, а не исключительно прикладной проблеме	Д. Митрани (D. Mitrany)	Проблема экономических санкций (The problem of economic sanctions)
	Первые попытки рефлексии природы экономических санкций как инструмента достижения политических целей		
	Первые попытки анализа проблемы эффективности санкций		
1930-е гг.	Реакция американского экспертного сообщества на работы 1920-х гг.; анализ уязвимости санкционной архитектуры Лиги Наций	Э. Кларк (E. Clark)	Бойкоты и мир (Boycotts and Peace)
	Рассмотрение санкций через призму критики либерально-капиталистической идеологии	Д. Борисов	Санкции

Приложение 2.

Санкционные исследования середины XX в.: теоретико-методологические тренды, ключевые авторы и работы

Хронологический отрезок	Теоретико-методологический тренд	Автор	Работа
1950-е гг.	Рефлексия итогов Второй мировой войны; выстраивание санкционной архитектуры ООН	К. Вебстер (C. Webster)	Санкции: применение силы международной организацией (Sanctions: The Use of Force in an International Organization)
1960-е гг.	Внедрение методики кейс-стади в санкционные исследования	Г. Таубенфельд (H.J. Taubenfeld)	Экономическое оружие: Лига Наций и ООН (The Economic Weapon: The League and the United Nations)
	Развитие методики кейс-стади; концептуализация смежных с санкциями форм экономического противостояния; систематизация теорий среднего уровня, связанных с последствиями применения санкций	П. Валленстин (P. Wallensteen)	Характеристики экономических санкций (Characteristics of economic sanctions)
		Ф. Хоффманн (F. Hoffmann)	Функции экономических санкций: сравнительный анализ (The Functions of Economic Sanctions: a Comparative Analysis)
	Интеллектуальная ревизия накопленной критики ООН по вопросу неэффективности организации в области санкционной политики; разработка стратегий адаптации к санкциям; фиксация возможных контуров будущей академической дискуссии по вопросу	Й. Галтунг (J. Galtung)	К вопросу о последствиях международных экономических санкций на примере Родезии (On the Effects of International Economic Sanctions, With Examples from the Case of Rhodesia)

Приложение 3.

Санкционные исследования второй половины-конца XX в.: теоретико-методологические тренды, ключевые авторы и работы

Хронологический отрезок	Теоретико-методологический тренд	Автор	Работа
1970-е гг.	Накопление эмпирического материала для проведения дальнейших сравнительных кейс-стади	П. Валленстин (P. Wallensteen)	Экономические санкции (Ekonomiska sanktioner)
		М. Докси (M. Doxey)	Международные санкции: стратегия анализа с акцентом на кейс ЮАР (International sanctions: a framework for analysis with special reference to the UN and Southern Africa) Экономические санкции и международное правоприменение (Economic Sanctions and International Enforcement)
1980-е гг.	Разграничение понятий санкций и экономических войн; оценка работоспособности санкций как элемента теории коллективной безопасности	М. Докси (M. Doxey)	International sanctions in theory and practice International sanctions in contemporary perspective
	Ревизия ранее накопленного материала с учетом накопленной эмпирики; постановка программных вопросов об этической стороне санкционной политики	П. Валленстин (P. Wallensteen) М. Нинчич и др. (M. Nincic)	Дилеммы экономического принуждения: санкции в мировой политике (Dilemmas of Economic Coercion: Sanctions in World Politics)
	Привлечение к научному поиску элементов политической экономии и теории общественного выбора	В. Кэмпфер (W.H. Kaempfer) А. Ловенберг (A.D. Lowenberg)	Теория международных экономических санкций в парадигме теории общественного выбора (The Theory of International Economic Sanctions: A Public Choice Approach)
1990-е гг.	Расширение масштабов сравнительного кейс-стади; переоценка эффективности ранее известных эпизодов применения санкций; концептуализация понятия «черные рыцари»; выработка рекомендаций по	Г. Хуфбауэр и др. (G. Hufbauer)	Переосмысление экономических санкций (Economic sanctions reconsidered)

	совершенствованию санкционной политики		
	Академическая дискуссия относительно критериев оценки эффективности санкций	Р. Пейп (R. Pape)	Почему экономические санкции не работают? (Why Economic Sanctions Do Not Work) Почему экономические санкции все еще не работают? (Why Economic Sanctions Still Do Not Work) Оценка экономических санкций (Evaluating Economic Sanctions)
	Внедрение в санкционные исследования элементов теоретико-игрового моделирования; формулирование концепции «санкционного парадокса» Д. Дрезнера	Дж. Цебелис (G. Tsebelis) Д. Дрезнер (D. Drezner)	Насколько эффективны экономические санкции? Анализ с позиций теоретико-игрового моделирования (Are Sanctions Effective? A Game-Theoretic Analysis) Санкционный парадокс: экономические инструменты международных отношений (The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations)
2000-е гг.	Создание и совершенствование базы данных TIES	Н. Бапат и др. (N. Bapat)	Угроза применения и введение экономических санкций (The Threat and Imposition of Sanctions: Updating the TIES dataset)
	Развитие тренда на осмысление и применение «умных» санкций	Д. Кортрайт (D. Cortright) Г. Лопез (G. Lopez)	Санкционная декада: анализ стратегий поведения ООН в 1990-е гг. (The Sanctions Decade: Assessing UN Strategies in the 1990s) Умные санкции: настройка экономических

			инструментов международных отношений (Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft)
		М. Бржоска (M. Brzoska)	От «глупых» к «умным»? Недавние реформы санкций ООН (From Dumb to Smart? Recent Reforms of UN Sanctions)

Приложение 4.

Современные санкционные исследования: теоретико-методологические тренды, ключевые авторы и работы

Хронологический отрезок	Теоретико-методологический тренд	Автор	Работа
2010-е гг.	Оформление и рефлексия тренда на умные таргетированные санкции	М. Бржоска (M. Brzoska)	Международные санкции в системе и вне системы ООН (International Sanctions Before and Beyond UN Sanctions)
	Становление отечественного подхода к санкционным исследованиям в постсоветской России	М. Братерский	Экономические инструменты внешней политики
Вторая половина 2010-х гг.	Рефлексия санкционной повестки в посткрымских международных отношениях; концептуализация санкционной проблематики в отечественной политической науке	И. Тимофеев	Экономические санкции как политическое понятие Политика санкций: однополярный или многополярный мир?
	Анализ и систематизация российской политики контрсанкций	Я. Ваславский и др.	Вклад экономических санкций в устойчивое развитие России (The Impact of International Sanctions on Russia's sustainable development. In: Exploring the Future of Russia's Economy and Markets)
	Внедрение элементов дискурсивного анализа в санкционные исследования	Д. Дарси А. Сталберг	Глухота сторон в клубке санкционных противоречий между США, ЕС и Россией: противоборствующие стратегические дискурсы и взаимное «подстегивание»
2020-е гг. – наст. время	Постепенная рефлексия глобальной санкционной конъюнктуры в условиях СВО; ревизия ключевых проблем дисциплины с учетом новых эмпирических данных; использование наработок теории международных отношений для исследования санкционной проблематики	Д. Дарси А. Сталберг	Тень санкций: стратегические последствия различий в санкционной политике США и России
		И. Тимофеев	Как исследовать политику санкций? Стратегия эмпирического исследования Политика санкций в меняющемся мире:

			теоретическая рефлексия Санкции США против Китая и России: сравнительный анализ Почему санкции терпят неудачу? Опыт международных и односторонних санкций в отношении КНДР
		Е. Арапова А. Кудинов	Особенности санкционного регулирования в США, ЕС и Великобритании: сравнительный анализ
		С. Афонцев	Политические парадоксы экономических санкций
		М. Энтин, Е. Энтина и др.	Теоретико-методологические аспекты изучения санкционной политики Запада